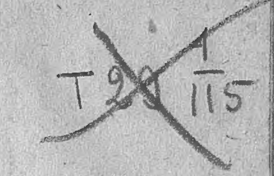

oun

gefmar

yr.

РОДНОЕ СЛОВО

ДЛЯ ДѢТЕЙ МЛАДШАГО ВОЗРАСТА.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ВТОРАЯ ПОСЛѢ АЗБУКИ КНИГА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

СЪ КАРТИНКАМИ ВЪ ТЕКСТѢ.

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

Допущено къ употребленію въ училищахъ, подвѣдомственныхъ Министерству Народнаго Просвѣщенія.

Изданіе девятое.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Ф. С. СУЩИНСКАГО.

Могилевская, 7.

1870.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1870 года.

РОДНОЕ СЛОВО.

ГОДЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ I.

ВОКРУГЪ ДА ОКОЛО.

Въ школѣ и дома.

Въ школѣ.

Братъ пришёлъ домой изъ школы.

„Что у васъ тамъ дѣлается?“ спросила его маленькая сестра.

И братъ разсказалъ сестрѣ всё, что дѣлается въ школѣ:

Учитель сидитъ на стулѣ, за столомъ. Ученики сидятъ на скамейкахъ. Возлѣ учителя стоитъ большая классная доска. На классной доскѣ пишутъ мѣломъ. Передъ учениками лежатъ грифельныя доски. На грифельныхъ доскахъ пишутъ грифелемъ. Учитель учитъ. Ученики учатся. Учитель спрашиваетъ: ученики отвѣчаютъ. Одни ученики пишутъ, другіе читаютъ, третіе рисуютъ.

То ли дѣлается въ вашей школѣ? Разскажите.

За грамотнаго двухъ неграмотныхъ даютъ, да и то не берутъ.

Всё гули да гули — анъ въ лапти и обули.

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Дѣтскіе очки.

Говоритъ мальчикъ отцу: „купи мнѣ, тятя, очки: я хочу по твоему книги читать.“

— Хорошо, отвѣчалъ отецъ: я куплю тебѣ очки, только дѣтскія — и купилъ мальчику азбуку.

—

По складамъ — такъ не грамотѣй.

Эко диво! поглядишь — чистёхонько, погладишь — гладёхонько; а станешь читать — вездѣ задѣвается.

Пѣтухъ и жемчужное зерно.

Навозну кучу разрывая, пѣтухъ нашёлъ жемчужное зерно и говоритъ: „Куда оно? Какая вещь пустая! Не глупо ль, что его высоко такъ цѣнятъ? А я бы, право, былъ гораздо болѣ радъ зерну ячменному: оно не столь хоть видно, да сытно“.

Приглашеніе въ школу.

Дѣти, въ школу собирайтесь! пѣтушокъ пропѣлъ давно. Попроворнѣй одѣвайтесь! смотритъ солнышко въ окно.

Человѣкъ, и звѣрь, и пташка — всё берётся за дѣла; съ ношей тащится букашка; за медкомъ летитъ пчела.

Ясно поле, веселъ лугъ; лѣсъ проснулся и шумитъ; дятелъ носомъ: тукъ, да тукъ! звонко иволга кричитъ.

Рыбаки ужъ тащутъ сѣти; на лугу коса звенитъ... Помолясь, за книгу дѣти! Богъ лѣниться не велитъ.

Утренніе лучи.

Выплыло на небо красное солнышко и стало разсылать повсюду свои золотые лучи — будить землю.

Первый лучъ полетѣлъ и попалъ на жаворонка. Встрепенулся жаворонокъ, выпорхнулъ изъ гнѣздышка, поднялся высоко, высоко, и запѣлъ свою серебряную пѣсенку: „Ахъ, какъ хорошо въ свѣжемъ утреннемъ воздухѣ! какъ хорошо! какъ привольно!“

Второй лучъ попалъ на зайчика. Передёрнулъ ушами зайчикъ и весело запрыгалъ по росистому лугу: побѣжалъ онъ добывать себѣ сочной травки на завтракъ.

Третій лучъ попалъ въ курятникъ. Пѣтухъ захлопалъ крыльями и запѣлъ: ку-ку-реку! Куры слетѣли съ нашестей, закудахтали, стали разгребать соръ и червяковъ искать.

Четвертый лучъ попалъ въ улей. Выползла пчёлка изъ восковой кельи, сѣла на окошечко, расправила крылья и — зумъ-зумъ-зумъ! полетѣла собирать медокъ съ душистыхъ цвѣтовъ.

Пятый лучъ попалъ въ дѣтскую, на постельку къ маленькому лентяю: рѣжетъ ему прямо въ глаза, а онъ повернулся на другой бокъ и опять заснулъ.

Всякой вещи свое мѣсто.

Сережа, какъ проснется, такъ и начнетъ свои вещи розыскивать: одинъ чулокъ у него на стулѣ, другой подъ столомъ; одинъ сапогъ подъ кроватью, а другаго и въ комнатѣ нѣтъ. Возится Сережа всякое утро, возится... и опоздаетъ въ классъ.

Классная доска.

Классная доска сдѣлана столяромъ изъ дерева и выкрашена черною краскою. Она имѣетъ четырехугольную форму, стоитъ на раздвижныхъ ножкахъ, или ви-

ситъ на стѣнѣ. Классная доска всегда остается въ классѣ. На ней пишутъ мѣломъ.

Такая ли у васъ классная доска? Сравните.

Грифельная доска.

Грифельная доска высѣчена каменьщиками изъ шифернаго камня; а столяръ обдѣлалъ камень въ деревянную рамку. Грифельныя доски лежатъ на скамьяхъ, передъ учениками. Ученики уносятъ свои доски домой. На грифельной доскѣ пишутъ грифелемъ.

Такова ли ваша грифельная доска? Сравните грифельную доску съ классною.

Худо тому, кто добра не дѣлаетъ никому.

„Гришенька! одолжи мнѣ на минутку карандаша;" а Гриша въ отвѣтъ: — „носи свой; мой мнѣ самому нуженъ."

„Гриша! помоги мнѣ уложить книги въ сумку;" а Гриша въ отвѣтъ: — „книги твои; самъ ихъ и укладывай."

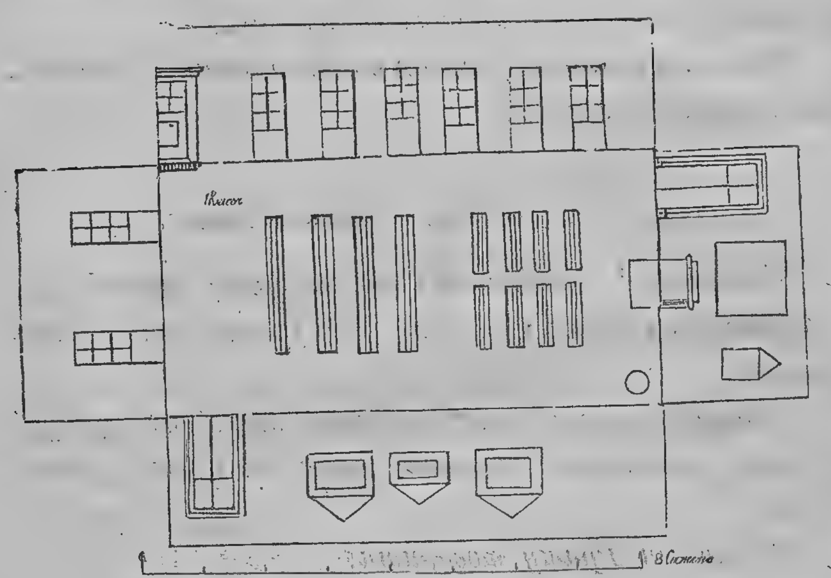
Любили-ли Гришу товарищи?

Нашъ классъ.

Нашъ классъ помѣщается въ большой комнатѣ. Въ этой комнатѣ есть полъ, потолокъ и четыре стѣны: двѣ покороче и двѣ подлиннѣе. Потолокъ выщекату-

ренъ; полъ выкрашенъ желтою краскою; стѣны обиты синими обоями. Въ стѣнахъ продѣланы двери и окна: въ окна проходитъ свѣтъ, а въ двери входятъ люди. Въ одномъ углу комнаты виситъ образъ, въ другомъ — стоитъ круглая печка, въ третьемъ — шкафъ для учебныхъ вещей, а въ четвертомъ — классная доска. Посреди комнаты скамейки для учениковъ. Передъ скамейками — столъ и стулъ для учителя.

Планъ класса.

Таковъ ли вашъ классъ? Сравните. Начертите планъ вашего класса.

Красна птица перьемъ, человѣкъ ученьемъ.—Неучась, и лаптя не сплетешь.—Одной пчелкѣ Богъ сроду открылъ науку. — Наука не пиво: въ ротъ не вольешь.

Кончилъ дѣло, гуляй смѣло.

За уроками давно у окна дитя сидитъ, и давно уже въ окно солнце мальчика манитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то солнцу въ отвѣтъ: „Нѣтъ, ясное солнышко, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ.“

Мальчикъ пишетъ и читаетъ; а на вѣткѣ, за окномъ, птичка громко распѣваетъ, и поётъ всё объ одномъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора ли-порѣзвиться?“ А мальчикъ-то птичкѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, милая пташечка, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ.“

Мальчикъ всё сидитъ за книгой и въ окно ужъ не глядитъ; а ему давно изъ сада вишня красная твердитъ: „Не довольно-ли учиться? Не пора-ли порѣзвиться?“ А мальчикъ-то вишнѣ въ отвѣтъ: „Нѣтъ, красная вишенька, нѣтъ! Теперь мнѣ гулянье не въ прокъ; дай, прежде окончу урокъ.“

Кончилъ мальчикъ! въ шляпѣ дѣло! книги въ столикъ положилъ; прыгнулъ въ садъ и крикнулъ смѣло: „Ну-ка, кто меня манилъ?“ Ему солнышко смѣется; ему пташечка поётъ; ему вишенька, краснѣя, свои вѣтки подаётъ.

Дома.

„А гдѣ же лучше“, спрашиваетъ сестра брата: „дома или въ школѣ?“

— Не дурно и въ школѣ, отвѣчаетъ братъ: а дома всё же лучше. Дома отецъ и мать, братья и сёстры. Отецъ работаетъ, мать хозяйничаетъ; кухарка стряпаетъ, а дѣти учаться или играютъ. Дома мнѣ всё знакомо: и столы, и стулья, и шкафы. Я бѣгаю по всѣмъ комнатамъ. Загляну и въ кабинетъ къ папашѣ, и въ спальню къ мамашѣ, и въ залу, и въ гостиную; и въ кухню, гдѣ передъ обѣдомъ такъ пріятно пахнетъ, и въ кладовую, гдѣ на полкахъ много хорошихъ вещей. Дома утромъ мы завтракаемъ, въ полдень обѣдаемъ, вечеромъ ужинаемъ, а ночью спимъ сладко въ нашихъ кроваткахъ.

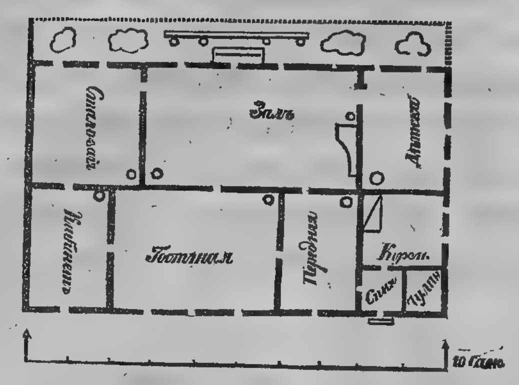
Что вы дѣлаете дома? Раскажите и сравните.

Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше. На свѣтѣ всё сыщешь, кромѣ отца и матери.— Дитя хоть криво, да отцу, матери мило.

Каковъ нашъ домъ.

У насъ домъ небольшой, деревянный, на каменномъ фундаментѣ и съ желѣзною крышею. Нашъ домъ въ одинъ этажъ, и въ нёмъ всего семь комнатъ: гостинная, столовая, спальня, кабинетъ, дѣтская, передняя и кухня. Возлѣ кухни маленькая кладовая. Внизу, подъ домомъ, есть у насъ погребъ, гдѣ сберегаютъ зимою плоды и овощи. На верху дома, подъ крышею — чердакъ; тамъ я видѣлъ печныя трубы. На чердакѣ сушатъ бѣльё.

Планъ дома.

Таковъ ли вашъ домъ? Разскажите и сравните.

Изба.

Небо въ часъ дозора
　　Обходя, луна
Свѣтитъ сквозь узоры
　　Мёрзлаго окна.
Вечеръ зимній длится:
　　Дѣдушка въ избѣ
На печи ложится,
　　И ужь спитъ себѣ.
Помоляся Богу,
　　Улеглася мать;
Дѣти понемногу
　　Стали засыпать.
Только за работой
　　Молодая дочь
Борется съ дремотой
　　Во всю долгу ночь,
И лучина блѣдно
　　Передъ ней горитъ.
Всё въ избушкѣ бѣдной
　　Тишиной томитъ;
Лишь стучитъ докучно
　　Болтовня одна
Прялки однозвучной
　　Да веретена.

Внутренность избы.

Въ низенькой свѣтёлкѣ, съ створчатымъ окномъ, свѣтится лампадка въ сумракѣ ночномъ; слабый ого-

нёчекъ то совсѣмъ замрётъ, то дрожащимъ свѣтомъ стѣны обольётъ. Новая свѣтёлка чисто прибрана; въ темнотѣ бѣлѣетъ занавѣсъ окна; полъ отструганъ гладко; ровенъ потолокъ; печка развальная стала въ уголокъ. По стѣнамъ укладки съ дѣдовскимъ добромъ; узкая скамейка, крытая ковромъ; крашеныя пяльцы съ стуломъ раздвижнымъ и кровать рѣзная съ пологомъ цвѣтнымъ.

Что здѣсь нарисовано? Разскажите.

Сила не право.

Прибѣжалъ Митя въ садъ, выхватилъ у своей маленькой сестры, Тани, куклу и поскакалъ съ куклою

по саду, верхомъ на палочкѣ. Таня стояла и плакала.

Выбѣжалъ изъ дому старшій братъ Мити, Серёжа. Серёжѣ показалось весело возить куклу по саду, и онъ отнялъ у Мити куклу и лошадь.

Митя побѣжалъ жаловаться отцу; а отецъ сидѣлъ у окна и всё видѣлъ.

Что сказалъ Митѣ отецъ?

Какъ строятъ дома.

1.

Деревянные дома строятъ плотники изъ брёвенъ. Каменные дома кладутъ каменьщики изъ кирпичей и изъ тёсаннаго камня. Прежде всего кладутъ фундаментъ. На фундаментѣ выводятъ стѣны. Въ стѣнахъ оставляютъ отверзстія для дверей и оконъ. Когда стѣны выведены, то кладутъ на нихъ балки; въ балки укрѣпляютъ стропила; на стропилахъ стелютъ крышу. Крыши бываютъ покатыя, чтобы дождь на нихъ не задерживался. Крыши дѣлаются или изъ желѣза, или изъ тёса, или изъ соломы. Гдѣ вы видѣли соломенныя крыши?

2.

Снаружи домъ готовъ; но внутри его все ещё работы много. Надобно настлать полы и потолки, поставить печи, вывести трубы, навѣсить двери, вставить окна. Стѣны обиваютъ обоями. Когда домъ готовъ, вносятъ

въ него иконы, мебель, посуду; зовутъ священника, служатъ молебенъ, и тогда начинаютъ въ домѣ жить да поживать, да добра наживать.

Разскажите по порядку, какъ строятъ домъ?

Тепло въ избѣ, какъ самъ Богъ живетъ.—Своя хатка—родная матка.—Дворъ кольцомъ, три жердины конецъ съ концомъ, три кола вбито, три хворостины завито, небомъ покрыто, свѣтомъ обгорожено.

Загадки: *1) Стоитъ бычище, проклеваны бочища.—2) Что ни гость, то постелька.—3) Два стоятъ, два лежатъ, пятый ходитъ, шестой водитъ, седьмой пѣсенки поетъ.—4) По сѣнямъ и такъ и сякъ; а въ избу никакъ.—Зимой все жретъ, а лѣтомъ спитъ; тѣло тепло, а крови нѣтъ.—6) Сѣрое сукно тянется въ окно.—7) Стоитъ теремъ, въ теремѣ ящикъ, въ ящикѣ мучка, въ мучкѣ жучка.*

Наша семья.

Наша семья не мала. Есть у меня отецъ и мать, двое братьевъ и двѣ сестры: я — самый старшій. Есть у насъ ещё старушка-бабушка: она ужь изъ дому выходитъ рѣдко, только въ церковь; очень насъ любитъ и балуетъ.

Отецъ мой много трудится: его трудами кормится

и одѣвается вся семья. „Что бы мы безъ него дѣлали?“ говоритъ намъ часто мамаша.

Мамаша хозяйничаетъ: она заказываетъ обѣдъ и ужинъ, ходитъ въ погребъ и кладовую. Ужь какъ я люблю съ ней въ кладовую ходить! Цѣлый день мамаша о насъ хлопочетъ. Она шьётъ дѣвочкамъ платьица, а мальчикамъ — рубашки. Она учитъ насъ молиться, и всякаго-то перекреститъ, когда уложитъ насъ въ постельки.

Была ещё у меня маленькая сестрица, да её снесли на кладбище, положили подъ зеленый холмикъ. Мамаша до сихъ поръ плачетъ о маленькой Лизѣ.

Изъ кого состоитъ ваша семья? Сравните то, что сказали, съ тѣмъ, что прочли.

На что и кладъ, когда въ семьѣ ладъ. — Вся семья вмѣстѣ, такъ и душа на мѣстѣ.

Пятая заповѣдь.

Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будетъ, и да долголѣтенъ будеши на земли.

Мать и дѣти.

«Что ты, мама, безпрестанно
О сестрицѣ всё твердишь?
Въ лучшемъ мірѣ наша Лиза—
Ты сама намъ говоришь».

—Ахъ, я знаю, въ лучшемъ мірѣ!
Но въ томъ мірѣ нѣтъ луговъ,
Ни цвѣтовъ, ни травъ душистыхъ,
Ни весёлыхъ мотыльковъ.
«Мама, мама! въ Божьемъ небѣ,
Божьи ангелы поютъ,
Ходятъ розовыя зори,
Ночи звѣздныя плывутъ».
—Но у бѣдной нѣтъ тамъ мамы,
Кто смотрѣлъ бы изъ окна,
Какъ съ цвѣтами, съ мотыльками
Въ полѣ рѣзвится она!

При солнышкѣ тепло, при матери добро.

Забѣжалъ Коля къ сосѣду и увидалъ, что у него въ домѣ не хорошо: дѣти грязны, въ изорванныхъ рубашенкахъ, съ неразчёсанными головками. Меньшія валяются по грязному полу, двое другихъ дерутся, а старшенькій лежитъ боленъ и некому за нимъ присмотрѣть. Вспомнилъ тутъ Коля, что у сосѣда недавно жена умерла, вспомнилъ и свою мать, побѣжалъ домой и крѣпко обнялъ родимую.

Что дѣлаетъ мать для своихъ дѣтей?

Лѣкарство.

Захворала мать Тани и докторъ прописалъ больной горькаго лекарства. Видитъ дѣвочка, что мать пьетъ съ трудомъ, и говоритъ ей: „Милая мама! дай я выпью лѣкарство за тебя.

Колыбельная пѣсня.

Спи, дитя мое, усни!
Сладкій сонъ къ себѣ мани!
Въ няньки я тебѣ взяла
Вѣтеръ, солнце и орла.
Улетѣлъ орелъ домой;
Солнце скрылось подъ горой;
Вѣтеръ послѣ трёхъ ночей
Мчится къ матери своей.
Вѣтра спрашиваетъ мать:
«Гдѣ изволилъ пропадать?
Али звѣзды воевалъ!
Али волны всё гонялъ?»
—«Не гонялъ я волнъ морскихъ,
Звѣздъ не трогалъ золотыхъ,
Я дитя оберегалъ,
Колыбелечку качалъ.»

Родимому.

Пойду-ль я, пойду-ль я
По своимъ, по новымъ сѣнямъ;
Гляну-ль я, гляну-ль я
По всѣмъ, по милымъ гостямъ;
Всѣ-ль мои, всѣ-ль мои
Милые гости съѣхались?
Нѣтъ мово, нѣтъ мово,
Моего гостя милаго,
Батюшки родимаго.
Или мнѣ, или мнѣ
Запречь было нечего?
Или мнѣ, или мнѣ
Послать было некого?
Запрягу, запрягу
Своего ворона коня,
Пошлю я, пошлю я
Своего слугу вѣрнаго,
Своего друга милаго;
Привезу, привезу
Батюшку родимаго;
Сустрѣну, сустрѣну
Посередь широка двора;
Посажу, посажу
Въ конецъ дубова стола;
Поднесу, поднесу
Чару зелена вина.

Какъ Богъ до людей—такъ отецъ до дѣтей.

Дѣдушка.

Сильно одряхлѣлъ дѣдушка. Плохо онъ видѣлъ,

плохо слышалъ; руки и ноги у него дрожали отъ старости: несётъ ложку ко рту—и супъ расплескиваетъ.

Не понравилось это сыну и невѣсткѣ: перестали они отца съ собой за столъ сажать, запрятали его за печь и стали кормить изъ глиняной чашки. Задрожали руки у старика, чашка упала и разбилась. Пуще прежняго разозлились сынъ и невѣстка: стали они кормить отца изъ старой деревянной миски.

У старикова сына былъ свой маленькій сынокъ. Сидитъ разъ мальчикъ на полу и складываетъ что-то изъ щепочекъ.

„Что ты дѣлаешь, дитятко?“ спросила у него мать. —Коробочку, отвѣчаетъ дитя: вотъ какъ вы съ тятенькой состарѣетесь, я и буду васъ изъ деревянной коробочки кормить.

Переглянулись отецъ съ матерью и покраснѣли. Полно съ тѣхъ поръ старика за печь прятать, изъ деревянной чашки кормить.

Подсади на печь дѣдушку; тебя внуки подсадятъ. Уважай старика: самъ будешь старъ.

Пища и питьё.

Безъ пищи человѣкъ умеръ бы отъ голода; безъ питья умеръ бы отъ жажды. Человѣкъ употребляетъ въ пищу растенія, мясо животныхъ и соль; пьётъ онъ воду, молоко, квасъ, чай, кофе, вино, пиво. Самая не-

обходимая пища — хлѣбъ. Самое необходимое, здоровое питьё—чистая вода.

Что вы ѣдите и что пьете?

Ржаной хлѣбъ всему голова. — Только ангелы съ неба не просятъ хлѣба. — Каковъ ни есть, а хочетъ ѣсть. — Мельница сильна водой, а человѣкъ ѣдой. — Хлѣбъ да вода молодецкая ѣда.

Хлѣбъ.

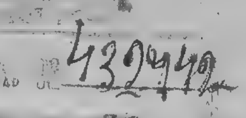
Хлѣбъ пекутъ или сами хозяева, или хлѣбники. Пекутъ хлѣбъ изъ тѣста.

Тѣсто мѣсятъ изъ муки, воды и дрожжей. Муку мелетъ мельникъ на мельницѣ изъ хлѣбныхъ зёренъ. Хлѣбныя зёрна созрѣваютъ на поляхъ, въ колосьяхъ хлѣбныхъ растеній. Поля обработываются крестьянами. Крестьяне пашутъ поле и сѣютъ хлѣбъ; но Богъ его ростить. Богъ посылаетъ лѣто, дождь, тепло и ясное солнце.

Изъ чего, кѣмъ и какъ дѣлается хлѣбъ?

Хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь!

Дадутъ хлѣбца, дадутъ и дѣльца. — Проймегъ голодъ, появится и голосъ. — Голодный французъ и воронѣ радъ. — Нива — Божья ладонь: всѣхъ кормитъ. —

Калачъ пріѣстся, а хлѣбъ никогда.—Гречневая каша— матушка наша, а хлѣбецъ ржаной—отецъ нашъ родной.

Вода.

Безъ воды не можетъ жить самое маленькое насѣкомое, не можетъ расти самая маленькая травка.

Въ безводныхъ мѣстахъ виденъ только камень да песокъ. Такія мѣста называются пустынями. Вода находится въ колодцахъ, рѣкахъ, озерахъ и моряхъ. Въ моряхъ вода горькосолёная; въ рѣкахъ и озерахъ — прѣсная. Хорошая вода прозрачна, не имѣетъ ни запаха, ни вкуса. Отъ жару вода кипитъ и превращается въ паръ; отъ холода замерзаетъ и дѣлается льдомъ.

Какую воду вы пьете? Гдѣ еще бываетъ вода?

Хлѣбъ батюшка, водица матушка. — Покуда есть хлѣбъ да вода, все не бѣда.—Безъ хлѣба и у воды худо жить.—Вода и мельницу ломаетъ.—Жди горя съ моря, бѣды отъ воды. — Съ огнемъ не шути и водѣ не вѣрь.— Спи, царь-огонь! говоритъ царица-водица.

Мельница.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ;
На мельницѣ и стукъ, и громъ;
Колеса-то въ водѣ шумятъ,
А брызги вверхъ огнемъ летятъ;
Отъ пѣны-то бугоръ стоитъ;

Что мостъ живой, весь полъ дрожитъ.
Шумитъ вода, рукавъ трясётъ
На камни рожь дождемъ течетъ,
Подъ жерновомъ муку родитъ;
Идётъ мука, въ глаза пылитъ.

Одежда.

Одежду шьютъ изъ холста, изъ сукна, изъ различныхъ матерій и изъ кожи.

Изъ холста шьютъ бѣльё. Холстъ ткутъ изъ нитокъ. Нитки прядутъ изъ пеньки или изо льна. Лёнъ и пенька растутъ на поляхъ и огородахъ.

Ситецъ ткутъ также изъ нитокъ. Нитки для ситца прядутъ изъ хлопчатой бумаги. Хлопчатая бумага растётъ на кустахъ, въ тёпломъ краю.

Сукно и шерстяныя матеріи дѣлаютъ изъ шерстяныхъ нитокъ на фабрикахъ. Шерстяныя нитки прядутъ изъ шерсти. Шерсть стригутъ съ овецъ.

Шёлковыя матеріи ткутъ изъ шёлку. Шёлкъ дѣлаютъ шелковичные черваки.

Сапоги, башмаки и калоши шьютъ сапожники изъ кожи. Сапожный товаръ выдѣлываютъ кожевники изъ лошадиныхъ, воловьихъ, бараньихъ и козловыхъ кожъ.

Шубы шьютъ шубники изъ мѣховъ; мѣха выдѣлываютъ скорняки изъ шкуръ *пушныхъ* звѣрей: медвѣдей, лисицъ, куницъ. Тулупы дѣлаютъ изъ бараньихъ и овечьихъ шкуръ.

Во что вы одѣты? Изъ чего и кѣмъ сдѣлана ваша одежда?

Утка въ юбкѣ, курочка въ сапожкахъ, селезень въ сережкахъ, корова въ рогожѣ, да всего дороже.—Есть шуба и на волкѣ, да пришита.—Шапочка въ двѣ денежки, и та на бекрень.

Какъ рубашка въ полѣ выросла.

I.

Видѣла Таня, какъ отецъ ея горстями разбрасывалъ по полю маленькія блестящія зёрна, и спрашиваетъ: „Что ты, тятя, дѣлаешь?“—А вотъ сѣю ленокъ, дочка: выростетъ рубашка тебѣ и Васюткѣ. — Задумалась Таня: никогда она не видала, чтобы рубашки въ полѣ росли.

Недѣли черезъ двѣ покрылась полоска зелёною шелковистою травкою, и подумала Таня: хорошо, если бы у меня была такая рубашечка!“ Раза два мать и сёстры Тани приходили полоску полоть и всякій разъ говорили дѣвочкѣ: „славная у тебя рубашечка будетъ!“ Прошло еще нѣсколько недѣль: травка на полоскѣ поднялась, и на ней показались голубые цвѣточки. „У братца Васи такіе глазки, подумала Таня; но рубашечекъ такихъ я ни на комъ не видала.“

Когда цвѣточки опали, то на мѣсто ихъ показались зелёныя головки. Когда головки забурѣли и подсохли, мать и сёстры Тани повыдергали весь лёнъ съ корнемъ, навязали снопиковъ и поставили ихъ на полѣ просохнуть.

II.

Когда лёнъ просохъ, то стали у него головки отрѣзывать; а потомъ потопили въ рѣчкѣ безголовые пучки и ещё камнемъ сверху навалили, чтобы не всплылъ.

Печально смотрѣла Таня, какъ ея рубашечку топятъ; а сестры тутъ ей опять сказали: „славная у тебя, Таня, рубашка будетъ!“

Недѣли черезъ двѣ вынули лёнъ изъ рѣчки, просушили и стали колотить сначала доскою на гумнѣ, потомъ *трепаломъ* на дворѣ, такъ-что отъ бѣднаго льна летѣла *кострика* во всѣ стороны. Вытрепавши, стали лёнъ чесать желѣзнымъ гребнемъ, пока онъ сдѣлался мягкимъ и шелковистымъ. „Славная у тебя рубашка будетъ!“ опять сказали Танѣ сёстры. Но Таня подумала: „гдѣ же тутъ рубашка? это похоже на волоски Васи, а не на рубашку.“

III.

Настали длинные зимніе вечера. Сёстры Тани надѣли лёнъ на гребни и стали изъ него нитки прясть. „Это нитки!“ думаетъ Таня: „а гдѣ же рубашечка?„

Прошла зима, весна и лѣто — настала осень. Отецъ установилъ въ избѣ *кросна*, натянулъ на нихъ *основу* и началъ ткать. Забѣгалъ проворно *челночокъ* между нитками, и тутъ уже Таня сама увидала, какъ изъ нитокъ выходитъ холстъ.

Когда холстъ былъ готовъ, стали его на морозѣ морозить, по снѣгу разстилать; а весной разстилали его по травѣ на солнышкѣ и взбрызгивали водою. Сдѣлался холстъ изъ сѣраго бѣлымъ, какъ кипѣнь.

Настала опять зима. Накроила изъ холста мать рубашекъ; принялись сёстры рубашки шить, и къ Рождеству надѣли на Таню и Васю новыя, бѣлыя, какъ снѣгъ, рубашечки.

Изъ чего и кѣмъ сдѣлана ваша рубашка?

Загадка: *Били меня колотили, во всѣ чины производили, на престолъ съ царемъ посадили.*

Сиротка Ваня.

Сиротой остался Ваня, сиротою круглымъ. Некому сиротиночку кормить-поить; некому сиротиночку обуть-одѣть. У сиротки головка нечесаная; у сиротки рубашка невымытая. Кто его, бѣднаго, приголубитъ? Кто его на ночь перекреститъ, въ тёплую постельку уложитъ? Кто его, малаго, отъ худа укроетъ, уму-разуму научитъ?

Что бы сдѣлали для Вани его родители, еслибъ они были живы?

Тогда сиротѣ и праздникъ, когда бѣлую рубашку дадутъ. — У кого есть матка, у того голова гладка. —

За сиротою самъ Богъ съ калитою.—Не строй церкви— пристрой сироту!

Столъ и стулъ.

Столъ сдѣланъ столяромъ изъ дерева. У стола есть верхняя доска, ящикъ и ножки. Доски у столовъ бываютъ круглыя и четырехугольныя.

Стулья дѣлаются столяромъ изъ дерева. У стула есть спинка, сидѣнье и ножки. Сидѣнье бываетъ простое деревянное, плетёное изъ соломы, или мягкое, обитое какою-нибудь матеріею.

Сравните столъ со стуломъ. Сравните столъ и стулъ на картинкѣ съ тѣми, что стоятъ у васъ въ классѣ.

Загадка: *Подъ одной шляпой четыре брата стоятъ.*

Посуда.

Посуда бываетъ деревянная, глиняная, стеклянная, жестяная, желѣзная, мѣдная.

Изъ дерева дѣлаютъ миски, ушаты, вёдра, бочки.

Миски вырѣзываютъ рѣзчики; вёдра, ушаты и бочки набиваютъ бочары.

Изъ простой глины горшечники лѣпятъ горшки, кувшины, простыя тарелки и миски. Изъ фарфоровой глины дѣлаютъ на фабрикахъ чашки, чайники, блюда и хорошія тарелки.

Изъ стекла дѣлаютъ на стеклянныхъ заводахъ стаканы, бутылки, графины.

Изъ желѣза, чугуна и жести дѣлаютъ котлы, чугуны, ковши, кофейники.

Изъ мѣди мѣдникъ дѣлаетъ самовары и кастрюли. Мѣдную посуду лудильщики покрываютъ полудою. Безъ полуды на мѣдной посудѣ появляется ядовитая зелень.

Изъ чего дѣлается посуда? Какая посуда и кѣмъ дѣлается изъ дерева? Изъ глины? Изъ стекла? Изъ желѣза? Чугуна? Жести? Мѣди?

Загадки: *1) Самъ дубовый, поясъ вязовый, носъ липовый.—2) Родился на кружалѣ, росъ—вертѣлся, живучи парился, живучи жарился; старъ сталъ, пеленаться сталъ; померъ — выкинули въ поле: тамъ меня звѣрь не ѣстъ и птица не клюетъ. — 3) Новая посудина, а вся въ дырахъ.—4) Что безъ рукъ, безъ ногъ на печь лазитъ и выше дерева растетъ?—5) У туши уши, а головы нѣту. — 6) Три ноги, два уха, а шестое брюхо.—7) Два братца пошли въ воду купаться.—8) Утка въ морѣ, хвостъ на горѣ.*

Горшокъ котлу не товарищъ.

Кухарка мыла на рѣкѣ глиняный горшокъ и чугунный котёлъ, вымыла да и позабыла. Котёлъ и горшокъ обрадовались случаю, сговорились путешествовать вмѣстѣ и поплыли по рѣкѣ. Но недолго они вмѣстѣ плавали: глиняный горшокъ стукнулся о чугунный котёлъ и разбился.

Какъ аукнется, такъ и откликнется.

Подружилась лиса съ журавлёмъ и зовётъ его къ себѣ въ гости: „Приходи куманёкъ, приходи, дорогой! Ужь вотъ-какъ тебя угощу!"

Пришёлъ журавль на званый обѣдъ; а лиса наварила манной каши, размазала по тарелкѣ и подчуетъ журавля: „Кушай, куманёкъ, кушай, голубчикъ! Сама стряпала." Журавль хлопъ — хлопъ! носомъ по тарелкѣ: стучалъ, стучалъ — ничего не попадаетъ. А лиса лижетъ себѣ да лижетъ кашу, такъ всю сама и скушала. Съѣла лиса кашу и говоритъ: „Не обезсудь, куманёкъ! больше подчивать нечѣмъ."

— Спасибо, кума, и на этомъ — отвѣчаетъ журавль: приходи завтра ко мнѣ.

На другой день приходитъ лиса къ журавлю, а журавль наготовилъ окрошки, наклалъ въ высокій кувшинъ съ узкимъ горлышкомъ, поставилъ на столъ и подчуетъ: „Кушай, кумушка, кушай, — милая! Право больше подчивать нечѣмъ." Вертится лиса вокругъ кув-

шина: и такъ зайдётъ, и этакъ, и лизнетъ-то кувшинъ, и понюхаетъ — всё ничего не достанетъ. А журавль стоитъ на своихъ высокихъ ногахъ да длиннымъ носомъ изъ кувшина окрошку таскаетъ: клевалъ да клевалъ, пока всё съѣлъ: „Ну, не обезсудь, кумушка, больше угощать нечѣмъ.“ Пошла лиса домой, не солоно хлѣбавши. На этомъ у нихъ и дружба съ журавлёмъ кончилась.

Братецъ Иванушка и сестрица Аленушка.

I.

Идутъ двое сиротъ: братецъ Иванушка съ сестрицей Алёнушкой, въ дальній путь, по открытому полю; а жаръ-то, жаръ ихъ донимаетъ. Захотѣлось Иванушкѣ пить! „Сестрица Алёнушка, я пить хочу.“ — Подожди, братецъ: до колодца дойдемъ. Идутъ —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодецъ далёко; Потъ выступаетъ.
Стоитъ лошадиное копытце,
Полно водицы.

„Сестрица Алёнушка! хлѣбну я изъ копытца“. —Не пей, братецъ, жеребёночкомъ станешь. Вздохнулъ Иванушка — и опять пошли. Идутъ —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодецъ далеко; Потъ выступаетъ.
Стоитъ коровье копытце,
Полно водицы.

„Сестрица Алёнушка! хлѣбну я изъ копытца.“ — Не пей, братецъ, телёночкомъ скинешься — и пошли они дальше. Идутъ —

А солнце высоко, Жаръ донимаетъ,
Колодецъ далеко; Потъ выступаетъ.
Стоитъ баранье копытце,
Полно водицы.

Не спросился уже у Алёнушки братецъ: поотсталъ немного, схватилъ копытце и выпилъ до дна.

II.

Оглянулась Алёнушка, зовётъ братца; а вмѣсто Иванушки бѣжитъ къ ней бѣленькой барашекъ. Догадалась Алёнушка, что это за бѣлый барашекъ, и горько заплакала. Но дѣлать нечего — пошли дальше Алёнушка съ барашкомъ.

Идутъ они, а на встрѣчу имъ ѣдетъ баринъ: „Продай барашка, красная дѣвица!“ Алёнушка отвѣчаетъ: „Нѣтъ, баринъ, этотъ барашекъ не продажный; это не настоящій барашекъ, а мой братецъ родимый.“

Баринъ взялъ ихъ обоихъ и повёзъ къ себѣ; потомъ на Алёнушкѣ женился, а барашка берегъ и холилъ. Жили они очень счастливо. Добрые, на нихъ глядя, радовались; а злые — завидовали. Больше всѣхъ завидовала сосѣдка, старая вѣдьма: думала она, что баринъ женится на ея дочери, да не по ея вышло.

Вотъ задумала вѣдьма Алёнушку извести и стала ее подстерегать. Пошла разъ Алёнушка гулять; а вѣдь-

ма схватила ее, навязала ей тяжелый камень на шею и бросила въ рѣку. Дочку же свою обернула Алёнушкой и послала въ барскіе хоромы. Никто ее и не распозналъ: самъ баринъ обманулся. Одинъ барашекъ всё зналъ: не ѣстъ онъ, не пьётъ, ходитъ по берегу да жалобно кричитъ.

III.

Услышала новая барыня, какъ кричитъ барашекъ, и говоритъ барину: „вели барашка зарѣзать.“ Удивился баринъ: „какъ это, жена такъ любила барашка, а то вдругъ велитъ его рѣзать!“ Однако согласился, и велѣла вѣдьмина дочь наточить ножи, разложить костры и нагрѣть котлы. Провѣдалъ барашекъ, что ему не долго жить: легъ на бережку у рѣки и причитываетъ:

«Алёнушка, сестрица моя?
Меня хотятъ зарѣзати;
Костры кладутъ высокіе,
Котлы грѣютъ чугунные,
Ножи точатъ булатные.»

А Алёнушка изъ-подъ воды братцу въ отвѣтъ:

«Ахъ, братецъ мой, Иванушка!
Тяжелъ камень шею перетеръ,
Шелкова трава на рукахъ свилась,
Жёлты пески на грудь легли».

Баринъ былъ неподалёку; услыхалъ какъ Алёнушка съ братцемъ переговариваются, и сталъ своихъ людей звать.

«Собирайтесь вы, люди дворовые,
Закидайте невода шелковые!»

Собрались люди, закинули неводъ и вытащили Алёнушку. Отрѣзали камень, окунули ее въ чистую воду и обтерли полотенцемъ. Ожила Алёнушка и стала еще краше прежняго. Бросилась она барашка обнимать, а барашекъ сталъ уже Иванушкой. Зажили они тогда втроёмъ лучше прежняго; а вѣдьмину дочь слуги мётлами со двора прогнали.

Комнатныя животныя.

Бишка.

„А ну-ка, Бишка, прочти, что въ книжкѣ написано!“

Понюхала собачка книжку, да и прочь пошла. „Не мое“, говоритъ, „дѣло книги читать; я домъ стерегу, по ночамъ не сплю, лаю, воровъ да волковъ пугаю, на охоту хожу, зайку слѣжу, уточекъ ищу, поноску тащу— будетъ съ меня и этого.“

Что дѣлаетъ собачка? Сравните вашу собачку съ тою, что на картинкѣ.

Прилежная собака.

Собака собаку въ гости звала. „Некогда, недосугъ.“ — Что такъ? — „Хозяинъ завтра за сѣномъ ѣдетъ: надо впередъ забѣгать да лаять.“

Охота.

У моего дяди есть ружьё и охотничья сумка. У него есть и собаки: двѣ борзыя, двѣ гончія и одна

лягавая. Недавно дядя взялъ ружьё и сказалъ мнѣ: „Не хочешь-ли идти со мною на охоту? Лиса опять утащила у насъ двухъ курочекъ, и я хочу её подстрѣлить.“ Вотъ мы пошли и взяли съ собою двухъ гончихъ и одну лягавую. Гончія скоро разыскали слѣдъ звѣря и скрылись въ лѣсу. Мы слышали только, какъ онѣ лаютъ, точно по командѣ: гау-гау! гау-гау!

„Присядемъ здѣсь за кустомъ,“ сказалъ мнѣ дядя, „мои умныя гончія выгонятъ звѣря прямо на насъ.“

Присѣли мы и ждёмъ. Собаки лаютъ гдѣ-то очень далеко. Я думалъ, что онѣ никогда не воротятся. Но вотъ лай становился все слышнѣе, слышнѣе.... и вдругъ! изъ кустовъ выскочилъ заяцъ, а за нимъ большая рыжая лисица. Дядя выстрѣлилъ, и лисица перекувыркнулась; а заяцъ испугался, присѣлъ, пригнулъ ушки къ спинѣ — и ни съ мѣста. Мы взяли его живымъ и принесли домой. Я ещё и теперь кормлю его капустою.

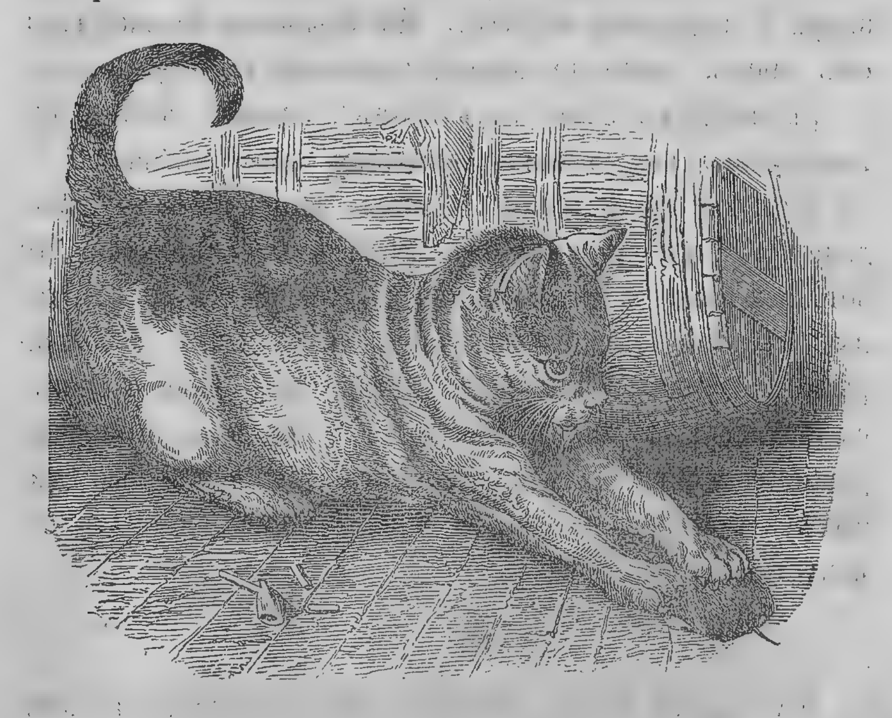
Загадка: Рубль бѣжитъ, сто догоняетъ; а какъ пятьсотъ споткнется, то неоцѣненный убьется.

Васька.

Котичекъ-котокъ — сѣренькій лобокъ. Ласковъ Вася, да хитёръ, лапки бархатныя, ноготокъ остёръ. У Васютки—ушки чутки, усы длинны, шубка шёлковая.

Ласкается котъ, выгибается, хвостикомъ виляетъ, глазки закрываетъ, пѣсенку поётъ; а попалась мышка — не прогнѣвайся! Глазки-то большіе, лапки что стальныя, зубки-то кривые, когти выпускные!

Сравните кошку съ собакой.

Ученый котъ.

У лукоморья дубъ зелёный,
Златая цѣпь на дубѣ томъ.
И днемъ, и ночью котъ ученый
Все ходитъ по цѣпи кругомъ.
Идетъ на право — пѣснь заводитъ,
На лѣво — сказку говоритъ.

Двѣ мышки.

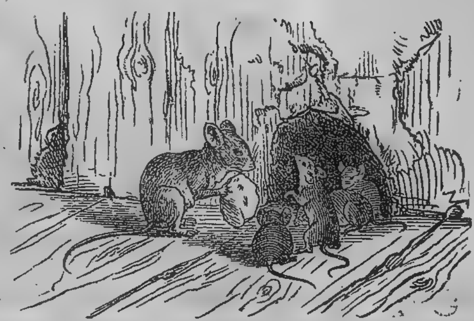
Молодая мышка сказала старой: „Какъ золъ и скупъ нашъ хозяинъ! завелъ котовъ, наставилъ вездѣ мышеловокъ и всячески хочетъ насъ извести. А много-ли намъ нужно? Кусочекъ сальной свѣчки, корочка хлѣбца, два-три зернушка—вотъ я и сыта“.

— Правда твоя, отвѣтила старая мышь: каждой изъ насъ нужно немного, да насъ то много.

Скороговорка. Шли сорокъ мышей, несли сорокъ грошей; двѣ мыши поплоше несли по два гроша.

— Мышка! мышка! на тебѣ зубокъ; возьми себѣ костяной, дай мнѣ желѣзный.

Мышки.

Собрались мышки у своей норки, старыя и малыя. Глазки у нихъ чёрненькіе, лапки у нихъ маленькія, остренькіе зубки, сѣренькія шубки, ушки къ верху торчатъ, хвостища по землѣ волочатся.

Собралися мышки, подпольныя воровки, думушку ду-

маютъ, совѣтъ держатъ: „какъ бы намъ, мышкамъ, сухарь въ норку протащить?“

Охъ, берегитесь, мышки! вашъ пріятель, Вася, недалёко. Онъ васъ очень любитъ, лапкой приголубитъ; хвостики вамъ помнётъ, шубочки вамъ порвётъ.

Сравните кошку съ мышкой.

На мышку и кошка звѣрь.

„Сосѣдка! слышала-ль ты добрую молву“—вбѣжавши, крысѣ мышь сказала: „вѣдь кошка, говорятъ, попала въ когти льву? Вотъ отдохнуть и намъ пора настала!“— „Не радуйся, мой свѣтъ“, ей крыса говоритъ въ отвѣтъ, „и не надѣйся по пустому! Коль до когтей у нихъ дойдётъ, то вѣрно льву не быть живому: сильнѣе кошки звѣря нѣтъ“.

Не все то золото, что блеститъ.

Былъ домъ, гдѣ подъ окномъ и чижъ, и соловей висѣли и пѣли. Лишь только соловей, бывало, запоётъ, сынъ маленькій отцу проходу не даётъ: всё птичку показать къ нему онъ приступаетъ, что этакъ хорошо поётъ. Отецъ, обоихъ снявъ, мальчишкѣ подаётъ. „Ну, говоритъ, узнай, мой свѣтъ, которая тебя такъ много забав-

ляетъ?“ Тотчасъ на чижика малютка указалъ; „вотъ, батюшка, она!“ сказалъ!

Сравните чижика съ мышкой.

Заднимъ умомъ крѣпокъ.

Перепелъ въ клѣткѣ пѣлъ только по ночамъ. „Отчего ты не поешь днемъ!“ спросила у него летучая мышь.

— Прежде я пѣлъ по утрамъ, да меня поймали — отвѣчалъ перепелъ.

— „Недурно, если бы ты подумалъ объ этомъ прежде, чѣмъ тебя поймали“, сказала летучая мышь.

Птичка.

Вчера я отворилъ темницу
Воздушной плѣнницы моей;
Я рощамъ возвратилъ пѣвицу,
Я возвратилъ свободу ей.

Она исчезла, утопая
Въ сіяньи голубаго дня,
И такъ запѣла, улетая,
Какъ-бы молилась за меня.

Плутишка котъ.

I.

Жили-были на одномъ дворѣ котъ, козёлъ, да баранъ. Жили они дружно: сѣна клокъ и тотъ пополамъ; а коли вилы въ бокъ, такъ одному коту Васькѣ. Онъ такой воръ и разбойникъ: гдѣ что плохо лежитъ, туда и глядитъ. Вотъ идётъ разъ котишко-мурлышко, сѣрый лобишко; идётъ да таково жалостно плачетъ.

Спрашиваютъ кота козёлъ да баранъ: „Котикъ-котокъ, сѣренькій лобокъ! о чемъ ты плачешь, на трехъ ногахъ скачешь?“ Отвѣчаетъ имъ Вася: „Какъ мнѣ не плакать! Била меня баба, била; уши выдирала, ноги поломала, да ещё и удавку на меня припасала.“ — А за что же на тебя такая бѣда пришла? спрашиваютъ козёлъ да баранъ. „Эхъ-эхъ! За то, что нечаянно смѣтанку слизалъ“. — По дѣломъ вору и мука, говоритъ козёлъ: не воруй смѣтаны!

Вотѣ котъ опять плачетъ: „Била меня баба, била; била-приговаривала: придётъ ко мнѣ зять, гдѣ смѣтаны будетъ взять? Поневолѣ придётся козла да барана рѣзать.“ Заревѣли тутъ козёлъ да баранъ. „Ахъ ты, сѣрый ты котъ! безтолковый твой лобъ! За что ты насъ-то сгубилъ?“

Стали они судить, да рядить, какъ бы имъ бѣды великой избыть — и порѣшили тутъ-же: всѣмъ троимъ бѣжать. Подстерегли, какъ хозяйка не затворила воротъ, и ушли.

II.

Долго бѣжали котъ, козёлъ да баранъ по доламъ, по горамъ, по сыпучимъ пескамъ; пристали и порѣшили заночевать на скошенномъ лугу; а на томъ лугу стога, что города, стоятъ.

Ночь была тёмная, холодная: гдѣ огня добыть? А котишка-мурлышка ужь досталъ бересты, обернулъ козлу рога и велѣлъ ему съ бараномъ лбами стукнуться.

Стукнулись козёлъ съ бараномъ, искры изъ глазъ посыпались: бересточка такъ и зарыдала.

„Ладно, молвилъ сѣрый котъ, теперь обогрѣемся!“ да, не долго думавши, и зажёгъ цѣлый стогъ сѣна.

Не успѣли они еще порядкомъ обогрѣться, какъ жалуетъ къ нимъ незванный гость — мужичокъ-сѣрячокъ, Михайло Потапычъ Топтыгинъ. „Пустите, говоритъ, братцы, обогрѣться да отдохнуть; что-то мнѣ не можется“.— Добро пожаловать, мужичокъ-сѣрячокъ! говоритъ котикъ: откуда идёшь? „Ходилъ на пчельникъ, говоритъ медвѣдь, пчёлокъ провѣдать, да подрался съ мужиками! оттого и хворость прикинулась.“

Вотъ стали они всѣ вмѣстѣ ночку коротать: козёлъ да баранъ у огня, мурлышка на стогъ влѣзъ, а медвѣдь подъ стогъ забился.

III.

Заснулъ медвѣдь; козёлъ да баранъ дремлютъ; одинъ мурлыка не спитъ и всё видитъ. И видитъ онъ: идутъ семь волковъ сѣрыхъ, одинъ бѣлый — и прямо къ огню: „Фу-фу! Что за народъ такой!“ говоритъ бѣлый волкъ козлу да барану, „давайте-ка силу пробовать“. Заблеяли тутъ со страху козёлъ да баранъ; а котишка, сѣрый лобишка, повёлъ такую рѣчь: „Ахъ ты бѣлый волкъ, надъ волками князь! не гнѣви ты нашего старшаго: онъ, помилуй Богъ, сердитъ! Какъ расходится — никому не сдобровать. Аль не видишь у него бороды: въ ней-то и вся сила; бородой онъ всѣхъ звѣрей по-

биваетъ, рогами только кожу сымаетъ. Лучше подойдите да честью попросите: хотимъ-де поиграть съ твоимъ меньшимъ братцемъ, что подъ стогомъ спитъ.“ Волки на томъ козлу кланялись; обступили Мишу и ну заигрывать. Вотъ Миша крѣпился-крѣпился, да какъ хватитъ на каждую лапу по волку, такъ запѣли они Лазаря. Выбрались волки изъ подъ стога еле живы, и поджавъ хвосты—давай Богъ ноги!

Козёлъ же да баранъ, пока медвѣдь съ волками расправлялся, подхватили мурлышку на спину и поскорѣе домой: „Полно, говорятъ, безъ пути таскаться, еще не такую бѣду наживемъ.“

Старикъ и старушка были рады-радёхоньки, что козёлъ съ бараномъ домой воротились; а котишку-мурлышку еще за плутни выдрали.

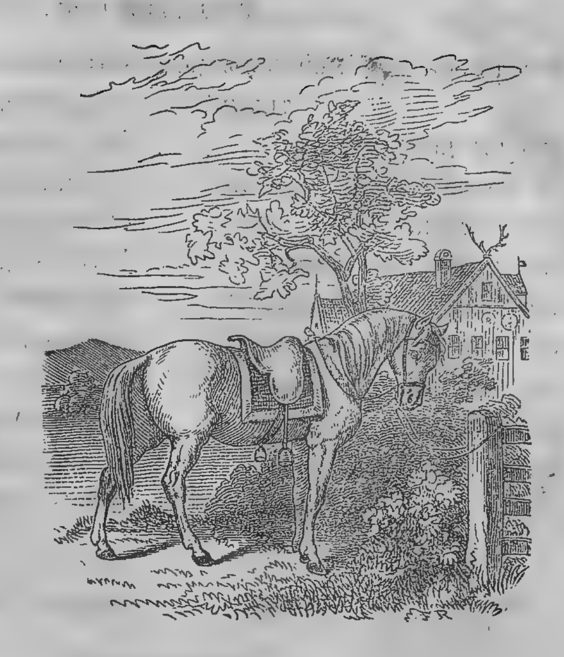
Конюшня, скотный дворъ и птичникъ.

Лошадка.

Конь храпитъ, ушми прядётъ, глазами поводитъ, удила грызётъ, шею, словно лебедь, гнётъ, копытомъ землю роетъ. Грива на шеѣ волной, сзади хвостъ трубой, межъ ушей—чёлка, на ногахъ—щётка; шерсть серебромъ отливаетъ. Во рту удила, на спинѣ сѣдло, стремена золотыя, подковки стальныя.

— Садись и пошелъ! за тридевять земель, въ тридесятое царство!

Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изо рта пѣна, изъ ноздрей паръ валитъ.

Скороговорка.
Отъ топота копытъ пыль по полю несется.

Конь.

Какъ у нашихъ у воротъ
Стоитъ озеро воды.
Ой люли, ой люли!
Стоитъ озеро воды.
Молодецъ коня поилъ,
Къ воротечкамъ приводилъ.
Ой люли, ой люли!
Къ воротечкамъ приводилъ.
Къ вереюшкѣ привязалъ,
Красной дѣвкѣ приказалъ.
Ой люли, ой люли!
Красной дѣвкѣ приказалъ.

Красна дѣвица—душа!
Сбереги добра коня,
Ой люли, ой люли!
Сбереги добра коня.
Сбереги добра коня,
Коня семитысячнаго.
Ой люли, ой люли!
Коня семитысячнаго.
Не сорвалъ бы повода,
Не сломалъ бы удила.
Ой люли, ой люли!
Не сломалъ бы удила.

Печальный конь.

Что ты ржешь, мой конь ретивый?
Что ты шею опустилъ?
Не потряхиваешь гривой,
Не грызешь своихъ удилъ?
Али я тебя не холю?
Али ѣшь овса не вволю?
Али сбруя не красна?
Аль поводья не шелковы?
Не серебряны подковы,
Не злачены стремена?

Отвѣчаетъ конь печальный:
— «Оттого я присмирѣлъ,
Что я слышу топотъ дальній,
Трубный звукъ и пѣнье стрѣлъ;
Оттого я ржу, что въ полѣ
Ужъ не долго мнѣ гулять,
Проживать въ красѣ и холѣ,
Свѣтлой сбруей щеголять, —
Что ужъ скоро врагъ суровый
Сбрую всю мою возьметъ,
И серебряны подковы
Съ легкихъ ногъ моихъ сдеретъ.

Загадка. Четыре дѣда назадъ бородами.

Коровка.

Некрасива коровка, да молочко даетъ. Лобъ у ней широкъ, уши въ сторону; во рту зубовъ недочетъ, за то рожища большіе; хребётъ—остріёмъ, хвостъ—помеломъ, бока оттопырились, копыта двойныя. Она травушку рвётъ, жвачку жуётъ, пойло пьётъ, мычитъ и ре-

вётъ, хозяйку зовётъ: „Выходи хозяюшка; выноси подойничекъ, чистый утиральничекъ! Я дѣточкамъ молочка принесла, густыхъ сливочекъ.“

Сравните корову съ лошадью.

Не гони коня кнутомъ, а гони коня овсомъ. — Добръ конь, да копыта отряхиваетъ. — Волъ налогомъ беретъ, конь урывомъ. — У коровы на языкѣ молоко.

Споръ животныхъ.

Корова, лошадь и собака заспорили между собою, кого изъ нихъ хозяинъ больше любитъ.

— Конечно меня, говоритъ лошадь: я ему соху и борону таскаю, дрова изъ лѣсу вожу; самъ онъ на мнѣ въ городъ ѣздитъ: пропалъ бы онъ безъ меня совсѣмъ.

— Нѣтъ, хозяинъ любитъ больше меня, — говоритъ корова: я всю его семью молокомъ кормлю.

— Нѣтъ, меня, ворчитъ собака: я его добро стерегу.

Подслушалъ хозяинъ этотъ споръ и говоритъ: „перестаньте спорить по пустому: всѣ вы мнѣ нужны, и каждый изъ васъ хорошъ на своемъ мѣстѣ.“

Какую пользу приноситъ людямъ лошадь? корова? собака? кошка?

Козёлъ.

Идётъ козёлъ мохнатый, идетъ бородатый, рожищами помахиваетъ, бородищей потряхиваетъ, копытками

постукиваетъ; идётъ, блеётъ, козъ и козлятокъ зовётъ.

А козочки съ козлятками въ садъ ушли, травку щиплютъ, кору гложутъ, молодые прищепы портятъ, молочко дѣткамъ копятъ; а козлятки, малые ребятки, молочка насосались, на заборъ взобрались, рожками передрались.

Погодите, ужо придётъ бородатый хозяинъ,—всѣмъ вамъ порядокъ дастъ!

Сравните козла съ собакой и коровой.

Лиса и Козёлъ.

Бѣжала лиса, на воронъ зазѣвалась — и попала въ колодезь. Воды въ колодцѣ было немного: утонуть нельзя, да и выскочить—тоже. Сидитъ лиса, горюетъ. Идетъ козелъ, умная голова; идетъ, бородищей трясетъ, рожицами мотаетъ; заглянулъ, отъ нечего дѣлать, въ колодезь, увидалъ тамъ лису и спрашиваетъ:

„Что ты тамъ, лисанька, подѣлываешь?“

— Отдыхаю, голубчикъ, отвѣчаетъ лиса: тамъ на верху жарко, такъ я сюда забралась. Ужъ какъ здѣсь прохладно да хорошо! Водицы холодненькой—сколько хочешь.

А козлу давно пить хочется. „Хороша ли вода-то?“ спрашиваетъ козелъ.

— Отличная! — отвѣчаетъ лиса: чистая, холодная!

Прыгай сюда, коли хочешь; здѣсь обоимъ намъ мѣсто будетъ.

Прыгнулъ съ-дуру козелъ, чуть лисы не задавилъ; а она ему:

— Эхъ, бородатый дурень! и прыгнуть-то не умѣлъ— всю обрызгалъ.

Вскочила лиса козлу на спину, со спины на рога, да и вонъ изъ колодца.

Чуть было не пропалъ козелъ съ голоду въ колодцѣ; насилу-то его отыскали и за рога вытащили.

Овца.

Говорятъ, что овечка глупа, и я думаю, что это правда. На пожарѣ овцы сами кидаются въ огонь; а завидя волка, стоятъ на мѣстѣ и глупо постукиваютъ копытками. Но на что людямъ овечій умъ! Имъ нужна овечья шерсть на чулки и сукно, сало на мыло и свѣчи, кожа на сапоги и башмаки, мясо на жаркое.

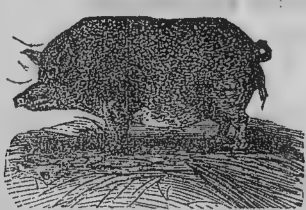
Сравните овцу съ козломъ.

Ягненокъ въ волчьей шкурѣ.

Ягненокъ, съ-дуру надѣвши волчью шкуру, пошелъ по стаду въ ней гулять: Ягненокъ лишь хотѣлъ пощего-

лять. Но псы, увидѣвши повѣсу, подумали, что волкъ пришелъ изъ лѣсу: вскочили, кинулись къ нему, свалили съ ногъ, и прежде, чѣмъ опомниться онъ могъ, чуть по клочкамъ его не расхватили. По счастью пастухи, узнавъ его, отбили. Но побывать у псовъ не шутка на зубахъ: бѣдняжка, отъ такой тревоги, насилу доволокъ въ овчарню ноги.

Хавронья.

Грязна наша хавроньюшка, грязна и обжорлива: всё жрётъ, все мнётъ, объ углы чешется; лужу найдетъ— какъ въ перину прётъ, хрюкаетъ, нѣжится.

Рыло у хавроньюшки не нарядное: въ землю носомъ упирается, ротъ до ушей; а уши, словно тряпки, болтаются; на каждой ногѣ по четыре копыта, а ходитъ — спотыкается. Хвостъ у хавроньюшки винтомъ, хребетъ — горбомъ; на хребтѣ щетина торчитъ. Жрётъ она за троихъ, толстѣетъ за пятерыхъ; за то ее хозяюшки холятъ, кормятъ, помоями поятъ; а вломится въ огородъ — полѣномъ прогонятъ.

Сравните овцу съ свиньей.

Свиньѣ только рыло просунуть, и вся пролѣзетъ.— Ничего не болитъ, а все стонетъ.

Скороговорка. Рыла свинья тупорыла, бѣлорыла, полдвора рыломъ изрыла.

Пѣтушокъ съ семьей.

Ходитъ по двору пѣтушокъ: на головѣ красный гребешокъ, подъ носомъ красная бородка. Носъ у Пети долотцомъ, хвостъ у Пети колесцомъ; на хвостѣ узоры, на ногахъ шпоры. Лапами Петя кучу разгребаетъ, курочекъ съ цыплятами созываетъ:

„Курочки — хохлатушки! хлопотуньи — хозяюшки! пестренькія — рябинькія! черненькія — бѣленькія! собирайтесь съ цыплятами, съ малыми ребятками: я вамъ зернышко припасъ!"

Курочки съ цыплятками собирались, разкудахталися; зернышкомъ не подѣлились — передралися.

Петя-пѣтушокъ безпорядковъ не любитъ — сейчасъ семью помирилъ: ту за хохолъ, того за вихоръ, самъ зернышко съѣлъ, на плетень взлетѣлъ, крыльями замахалъ, во все горло заоралъ: ку-ку-ре-ку!

Сравните пѣтуха съ кошкой и съ курицею.

Уточка.

Сидитъ Вася на бережку; смотритъ онъ, какъ уточки въ прудѣ кувыркаются: широкіе носики въ воду

прячутъ, жёлтыя лапки на солнышкѣ сушатъ. Приказали Васѣ уточекъ стеречь; а онѣ на воду ушли—и

старыя и малыя: какъ ихъ теперь домой загнать? Вотъ и сталъ Вася уточекъ кликать: „ути, ути-уточки! прожоры — тараторочки! носики широкіе, лапочки перепончатыя! полно вамъ червячковъ таскать, травку щипать, тину глотать, зобы набивать—пора вамъ домой идти!"

Уточки Васю послушались, на берегъ вышли; домой идутъ, съ ноги на ногу переваливаются.

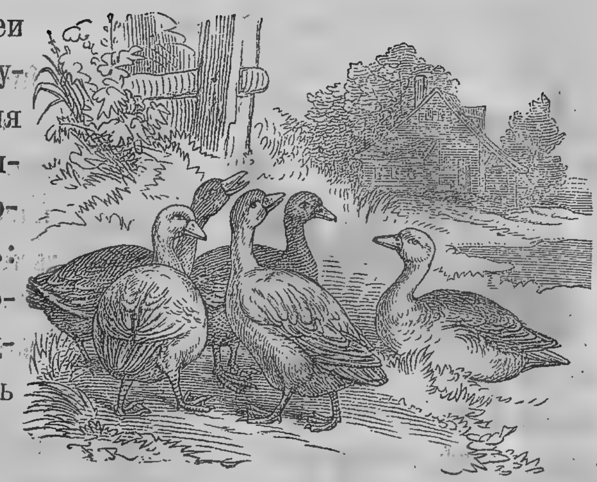
Сравните утку съ курицею.

Бѣлыя лебёдушки и сѣрые гуси.

Изъ за лѣсу, лѣсу тёмнаго
Вылетало стадо лебединое,
А другое гусиное.
Отставала лебёдушка
Прочь отъ стада лебединаго;
Приставала лебёдушка
Что ко стаду да сѣрыхъ гусей.
Не умѣла лебёдушка
По гусиному кричати.
Стали ее щипать и рвать,
А лебёдушка просити:
— Не щипите, гуси сѣрые!
Не сама я залетѣла къ вамъ,
Не своею я волею,
Занесло меня погодою.

Гуси.

Вышла хозяюшка и манитъ гусей домой: „теги-теги-теги! гуси бѣлые, гуси сѣрые, ступайте домой!"

А гуси шеи длинныя вытянули, лапы красныя растопырили, крыльями машутъ, носы раскрываютъ: „га-га-га! Не хотимъ мы домой идти! намъ и здѣсь хорошо.“

Видитъ хозяйка, что добромъ отъ гусей ничего не добьешься: взяла длинную хворостину и погнала ихъ домой.

Сравните гуся съ курицею и уткой.

Гусь и Журавль.

Плаваетъ гусь по пруду и громко разговариваетъ самъ съ собою: „Какая я, право, удивительная птица! И хожу-то я по землѣ, и плаваю-то по водѣ, и летаю по воздуху: нѣтъ другой такой птицы на свѣтѣ! Я всѣмъ птицамъ царь!“

Подслушалъ гуся журавль и говоритъ ему: „Прямой ты гусь, глупая птица! Ну можешь-ли ты плавать, какъ щука, бѣгать, какъ олень, или летать, какъ орелъ? Лучше знать что нибудь одно, да хорошо, чѣмъ все, да плохо.

Голуби.

Голуби-голубочки, мохноногіе воркуночки, на крышѣ сидючи, другъ на друга глядючи, цѣлуются, милуются, другъ другомъ любуются, носики обчищаютъ, перышки выправляютъ. Вотъ по полю полетали, пшенички поклевали, зобки по набили, дѣткамъ кашу приготовили; а въ гнѣздышкѣ дѣтки, безпёрые голубятки, лежатъ—пищатъ, кушать хотятъ: носики раскрываютъ, мягкой кашки поджидаютъ.

Сравните голубя съ курицею.

Не смѣйся чужой бѣдѣ — своя на грядѣ.

Чижа захлопнула злодѣйка-западня: бѣдняжка въ ней и рвался, и метался; а голубь молодой надъ нимъ же издѣвался. „Не стыдно-ль," говоритъ, „средь бѣла дня попался! Не провели бы такъ меня; за это я ручаюсь смѣло." Анъ смотришь, тутъ же самъ запутался въ силокъ! И дѣло! Впередъ чужой бѣдѣ не смѣйся, голубокъ.

Сивка-бурка.

I.

Было у старика трое сыновей: двое умныхъ, а третій—Иванушка-дурачёкъ: день и ночь дурачёкъ на печи валяется.

Посѣялъ старикъ пшеницу, и выросла пшеница богатая, да повадился ту пшеницу кто-то по ночамъ толочь и травить. Вотъ старикъ и говоритъ дѣтямъ: „Милыя мои дѣти, стерегите пшеницу каждую ночь, поочередно: поймайте мнѣ вора!"

Приходитъ первая ночь. Отправился старшій сынъ пшеницу стеречь, да захотѣлось ему спать: забрался онъ на сѣновалъ и проспалъ до утра. Приходитъ утромъ домой и говоритъ: „всю ночь-де не спалъ, иззябъ, а вора не видалъ."

На вторую ночь пошёлъ средній сынъ и также всю ночку проспалъ на сѣновалѣ.

На третью ночь приходитъ черёдъ дураку идти. Взялъ онъ арканъ и пошёлъ. Пришёлъ на межу и сѣлъ на камень: сидитъ, не спитъ, вора дожидается.

Въ самую полночь прискакалъ въ пшеницу разношёрстный конь: одна шерстинка золотая, другая — серебрянная; бѣжитъ — земля дрожитъ, изъ ушей дымъ столбомъ валитъ, изъ ноздрей пламя пышетъ. И сталъ тотъ конь пшеницу ѣсть: не столько ѣстъ, сколько топчетъ.

Подкрался дуракъ на четвереничкахъ къ коню и разомъ накинулъ ему на шею арканъ. Рванулся конь изо всѣхъ силъ — не тутъ-то было! Дуракъ уперся, арканъ шею давитъ. И сталъ тутъ конь дурака молить: „отпусти ты меня, Иванушка, а я тебѣ великую сослужу службу". — Хорошо, отвѣчаетъ Иванушка-дурачёкъ: да какъ я тебя потомъ найду? — „Выйди за око-

лицу, говоритъ конь, свисни три раза и крикни: „сивка-бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!—я тутъ и буду." Отпустилъ коня Иванушка-дурачёкъ и взялъ съ него слово—пшеницы больше не ѣсть и не топтать.

Пришёлъ Иванушка домой. „Ну что, дуракъ, видѣлъ?" спрашиваютъ братья. — „Поймалъ я, говоритъ Иванушка, разношёрстнаго коня; пообѣщался онъ больше не ходить въ пшеницу — вотъ я его и отпустилъ." Посмѣялись вволю братья надъ дуракомъ; но только ужъ съ этой ночи никто пшеницы не трогалъ.

2.

Скоро послѣ этого стали по деревнямъ и городамъ бирючи отъ царя ходить, кличь кликать: „Собирайтесь-де, бояре и дворяне, купцы и мѣщане и простые крестьяне, всѣ къ царю на праздникъ, на три дня; берите съ собою лучшихъ коней, и кто на своемъ конѣ до царевнина терема доскочитъ и съ царевниной руки перстень сниметъ, за того царь царевну замужъ отдастъ."

Стали собираться на праздникъ и Иванушкины братья: не то, чтобы ужъ самимъ скакать; а хоть на другихъ посмотрѣть. Просится и Иванушка съ ними. „Куда тебѣ, дуракъ, говорятъ братья: людей, что-ли, хочешь пугать? Сиди себѣ на печи, да золу пересыпай."

Уѣхали братья; а Иванушка-дурачёкъ взялъ у невѣстокъ лукошко и пошелъ грибы брать. Вышелъ Ива-

нушка въ поле, лукошко бросилъ, свиснулъ три раза и крикнулъ: „сивка-бурка, вѣщій каурка! стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Конь бѣжитъ, земля дрожитъ, изъ ушей пламя, изъ ноздрей дымъ столбомъ валитъ; прибѣжалъ — и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. „Ну, говоритъ конь: влѣзай мнѣ, Иванушка, въ правое ухо, а въ лѣвое вылѣзай.“ Влѣзъ Иванушка коню въ правое ухо, въ лѣвое вылѣзъ — и сталъ такимъ молодцомъ, что ни вздумать, ни взгадать, ни въ сказкѣ сказать.

Сѣлъ тогда Иванушка на коня и поскакалъ на праздникъ къ царю. Прискакалъ на площадь передъ дворцомъ — видитъ народу видимо не видимо; а въ высокомъ терему, у окна, царевна сидитъ: на рукѣ перстень — цѣны нѣтъ; собою — красавица изъ красавицъ. Никто до нея скакать и не думаетъ: никому нѣтъ охоты навѣрняка шею ломать. Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—только на три вѣнца до царевнина окна не допрыгнулъ. Удивился народъ, а Иванушка повернулъ коня и поскакалъ назадъ; братья его не скоро посторонились, такъ онъ ихъ шелковой плеткой хлестнулъ. Кричитъ народъ: „держи! держи его!“—а Иванушкинъ ужъ и слѣдъ простылъ.

Выѣхалъ Иванъ изъ города, слѣзъ съ коня, влѣзъ къ нему въ лѣвое ухо, въ правое вылѣзъ, и сталъ опять прежнимъ Иванушкой, дурачкомъ. Отпустилъ Иванушка коня; набралъ лукошко мухоморовъ и принёсъ домой:

„Вотъ вамъ, хозяюшки, грибковъ!“ говоритъ. Разсердились тутъ невѣстки на Ивана: „Что ты, дуракъ, за грибы принёсъ? Развѣ тебѣ одному ихъ ѣсть.“ Усмѣхнулся Иванъ и опять залёгъ на печь.

Пришли братья домой и разказываютъ отцу, какъ они въ городѣ были и что видѣли; а Иванушка лежитъ на печи, да подсмѣивается.

3.

На другой день старшіе братья опять на праздникъ поѣхали, а Иванушка взялъ лукошко и пошёлъ за грибами. Вышелъ въ поле, свиснулъ, гаркнулъ: „Сивка-бурка, вѣщій каурка! Стань передо мной, какъ листъ передъ травой!“ Прибѣжалъ конь и сталъ передъ Иванушкой, какъ вкопанный. Перерядился опять Иванъ и поскакалъ на площадь. Видитъ на площади народу еще больше прежняго; всѣ на царевну любуются, а прыгать никто и не думаетъ: кому охота шею ломать? Ударилъ тутъ Иванушка своего коня по крутымъ бедрамъ: осерчалъ конь, прыгнулъ—и только на два вѣнца до царевнина окна не досталъ. Поворотилъ Иванушка коня, хлеснулъ братьевъ, чтобъ посторонились, и ускакалъ.

Приходятъ братья домой; а Иванушка ужъ на печи лежитъ, слушаетъ, что братья разсказываютъ, и посмѣивается.

На третій день опять братья поѣхали на праздникъ; прискакалъ и Иванушка. Стегнулъ онъ своего коня плёткой. Осерчалъ конь пуще прежняго: прыгнулъ и — досталъ до окна. Иванушка поцѣловалъ царевну въ сахарныя уста, схватилъ съ ея пальца дорогой перстень, повернулъ коня и ускакалъ, не позабывши братьевъ плёткой огреть. Тутъ ужъ и царь, и царевна стали кричать: „держи! держи его!" — а Иванушкинъ и слѣдъ простылъ.

Пришёлъ Иванушка домой: одна рука тряпкой обмотана. „Что это у тебя такое?" спрашиваютъ Ивана невѣстки.—Да вотъ, говоритъ, искавши грибовъ, сучкомъ накололся — и полѣзъ Иванъ на печь. Пришли братья; стали разказывать, что и какъ было; а Иванушкѣ на печи захотѣлось на перстенёкъ посмотрѣть: какъ приподнялъ онъ тряпку, избу всю такъ и осіяло. „Перестань дуракъ, съ огнёмъ баловать!" крикнули на него братья: „ещё избу сожжешь; пора тебя, дурака, совсѣмъ изъ дому прогнать!"

Дня черезъ три идётъ отъ царя кличъ, чтобы весь народъ, сколько ни есть въ его царствѣ, собирался къ нему на пиръ и чтобы никто не смѣлъ дома оставаться; а кто царскимъ пиромъ побрезгаетъ — тому голову съ плечь.

Нечего тутъ дѣлать: пошёлъ на пиръ самъ старикъ со своей семьёй. Пришли, за столы дубовые посадилися; пьютъ и ѣдятъ, рѣчи гуторятъ. Въ концѣ

пира стала царевна мёдомъ изъ своихъ рукъ гостей обносить. Обошла всѣхъ, подходитъ къ Иванушкѣ послѣднему; а на дуракѣ-то платьишко худое, весь въ сажѣ, волосы дыбомъ, одна рука грязной тряпкой завязана... просто страсть! „Зачѣмъ это у тебя, молодецъ, рука обвязана?“ спрашиваетъ царевна: „развяжи-ка!“ Развязалъ Иванушка руку; а на пальцѣ царевнинъ перстень — такъ всѣхъ и осіялъ. Взяла тогда царевна дурака за руку, подвела къ отцу и говоритъ: „вотъ, батюшка, мой суженый.“

Обмыли слуги Иванушку, причесали, одѣли въ царское платье, и сталъ онъ такимъ молодцомъ, что отецъ и братья глядятъ — и глазамъ своимъ не вѣрятъ. Сыграли свадьбу царевны съ Иванушкой и сдѣлали пиръ на весь міръ. Я тамъ былъ, мёдъ вино пилъ; по усамъ текло, а въ ротъ не попало.

Огородъ и садъ.

Огородъ.

Огороды бываютъ возлѣ домовъ и обносятся заборомъ или плетнёмъ. Огородъ обработываютъ сами хозяева или огородники; его сильно удобряютъ навозомъ. На огородѣ копаютъ грядки; на грядкахъ сѣютъ и садятъ огородные овощи. Для гороха и бобовъ ставятъ тычинки и вѣшаютъ пугалы. Огороду вредятъ черви, воробьи, куры и домашній скотъ. Въ засуху грядки по-

ливаютъ. Огородные овощи идутъ въ пользу людямъ, а остатки—домашнему скоту.

Весна говоритъ: гнило!
А лѣто: мило, лишь-бы было!

Мужикъ и медвѣдь.

Подружился медвѣдь съ мужикомъ и вздумали они вмѣстѣ рѣпу сѣять. Мужикъ сказалъ: „мнѣ корешокъ; а тебѣ, Миша, вершокъ". Выросла славная рѣпа; мужикъ взялъ себѣ корешки, а Мишѣ отдалъ вершки. Поворчалъ Миша, да дѣлать нечего.

На другой годъ говоритъ мужикъ медвѣдю: „давай опять вмѣстѣ сѣять". — Давай! только теперь ты себѣ бери вершки, а мнѣ отдай корешки, уговоривается Миша. „Ладно!" говоритъ сговорчивый мужикъ: „пусть будетъ по твоему," и посѣялъ пшеницу. Добрая пшеница уродилась: мужикъ получилъ вершки, а Миша корешки.

Съ тѣхъ поръ у медвѣдя съ мужикомъ и дружба врозь.

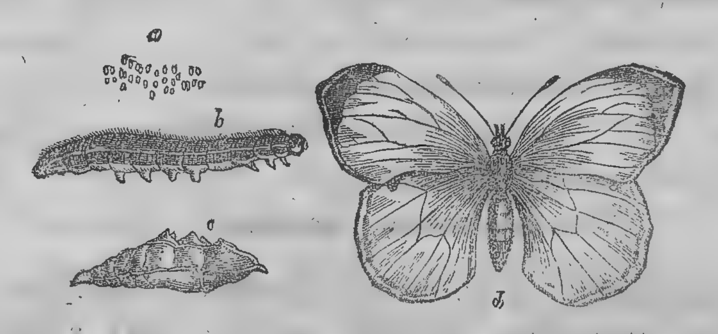
Что ѣдятъ у рѣпы? у моркови? у картофеля? у капусты? у мака? у ржи?

Капустная бабочка.

Мальчикъ поймалъ на огородѣ бѣленькую бабочку и принёсъ къ отцу.

„Это превредная бабочка," сказалъ отецъ: „если ихъ разведётся много, то пропадетъ наша капуста."

— Неужели эта бабочка такая жадная? спрашиваетъ мальчикъ.

„Не самая бабочка, а ея *гусеница*, отвѣчалъ отецъ бабочка эта нанесётъ крохотныхъ яичекъ, и изъ яичекъ выползутъ червячки: ихъ-то и зовутъ гусеницами. Гусеница очень обжорлива: она только и дѣлаетъ, что ѣстъ да растётъ. Когда она выростетъ, то сдѣлается *куколкой*. Куколка ни ѣстъ, ни пьётъ; лежитъ безъ движенія; а потомъ вылетитъ изъ нея бабочка, такая-же, какъ вотъ эта. Такъ превращается всякая бабочка: изъ яичка въ гусеницу, изъ гусеницы въ куколку, изъ куколки въ бабочку; а бабочка нанесётъ яичёкъ и замрётъ гдѣ-нибудь на листѣ."

Разсказать по порядку превращенія бабочки.

Садъ.

Сады разводятся возлѣ домовъ и обносятся заборами или рѣшетками. Въ садахъ растутъ плодовыя деревья, ягодные кусты и садовые цвѣты. Бываютъ въ садахъ и простыя красивыя деревья; хороши и тѣни-

стыя липовыя аллеи и бесѣдки. Дорожки въ саду усыпаютъ пескомъ. За садомъ смотритъ или самъ хозяинъ, или садовникъ. Садамъ вредятъ птицы, гусеницы, и домашній скотъ. Кроты взрываютъ дорожки и портятъ клумбы.

Сравните садъ съ огородомъ.

Садъ

Зеленѣйся, зеленѣйся,
Мой зеленый садъ;
Разцвѣтайте, разцвѣтайте,
Мои алые цвѣточки!
Поспѣвайте, поспѣвайте
Вкусны ягоды скорѣй!
Ко мнѣ будутъ, ко мнѣ будутъ,
Ко мнѣ гости дорогіе.
Сударь батюшка родимый
Будетъ по саду ходити,
Спѣлы ягодки щипати,
Меня младу похваляти,
Что горазда садъ садити,
Что горазда поливати,
От морозу укрывати.

Какія бываютъ растенія.

Изъ растеній мы знаемъ: деревья, кусты, хлѣбныя растенія, овощи, грибы и травы.

У дерева одинъ толстый стволъ, много сучьевъ и вѣтокъ. На вѣткахъ или листья, или колючія иглы — *хвои*.

У куста не одинъ стволъ, а нѣсколько тоненькихъ стволовъ.

У хлѣбныхъ растеній, вмѣсто стебельковъ, пустыя соломенки, на верху колоски съ зёрнышками.

У травы — тоненькій стебелекъ. У гриба нѣтъ ни

листьевъ, ни вѣтокъ: только сверху шляпка, а снизу—корень.

У однихъ овощей мы ѣдимъ стручья и зерна, что въ стручьяхъ; у другихъ—корни; у третьихъ—листья.

Какія вы знаете деревья? кусты? хлѣбныя растенія? травы? грибы? овощи? цвѣты?

Пѣсенки цвѣтовъ.

Роза.

Зовутъ меня люди
Царицей цвѣтовъ,
За цвѣтъ и за запахъ
Моихъ лепестковъ.

Хоть кустъ мой зеленый
Васъ ранить готовъ...
Но кто-жъ не проститъ мнѣ
Колючихъ шиповъ?

Лилія.

Въ моей бѣлой чашкѣ
Для всѣхъ ароматы,
И пыль золотая
Для пчелки мохнатой;
И стебель мой строенъ,
Головка красива,

И листикъ мой длиненъ,
Но я не спѣсива:
И бабочкѣ пестрой,
Жучку, муравью,
И всякой букашкѣ
Пріютъ я даю.

Резеда.

Мой кустикъ не пышенъ,
И цвѣтъ не богатъ;
Но издали слышенъ
Мой всѣмъ ароматъ.

За то вы найдёте
Вездѣ резеду:
И въ скромномъ букетѣ,
И въ царскомъ саду.

Роза.

И по красотѣ, и по запаху розу называютъ царицею цвѣтовъ. Она растетъ на кустахъ. Корни у розо-

ваго куста длинные, крѣпкіе; коричневый стволъ и зеленые молодые побѣги покрыты колючими шипами. Листокъ на розовомъ кустѣ кругловатый съ острыми зубчиками. Цвѣты розы бываютъ бѣлые, пунцовые, розовые, жёлтые; но всегда одного цвѣта. У полныхъ розъ множество лепестковъ, сложенныхъ какъ шаръ.

Некрасиво, да спасибо.

Простенькій, бѣленькій цвѣточекъ земляники выглядывалъ скромно изъ травы; а пышный тюльпанъ гордо покачивалъ надъ нимъ своею пестрою головою. Прошло дней десять: на мѣстѣ бѣленькаго цвѣточка заалѣла душистая ягода, а на мѣстѣ гордаго тюльпана торчалъ увядшій стебель.

Тюльпанъ.

Тюльпанъ очень красивый садовой цвѣтокъ, но безъ запаха. Онъ выростаетъ изъ луковицы. Луковица пускаетъ въ землю тонкіе корешки, точно ниточки; а вверхъ выгоняетъ длинные, гладкіе листья и круглый стебель. На стеблѣ раскрывается цвѣтокъ, похожій на колокольчикъ. Тюльпаны бываютъ желтые, красные и пестрые.

Сравните тюльпанъ съ земляникой и съ розой.

Съ кѣмъ поведешься, отъ того наберешься.

Простой цвѣточекъ дикій попалъ въ одинъ букетъ съ гвоздикой. И что же? Отъ нея душистымъ сталъ и самъ. Хорошее знакомство—въ прибыль намъ.

Исторія одной яблоньки.

I.

Росла въ лѣсу дикая яблоня; осенью упало съ нея кислое яблоко. Птицы склевали яблоко, поклевали и зёрнышки. Одно только зёрнышко спряталось въ землю и осталось.

Зиму пролежало зёрнышко подъ снѣгомъ, а весной, когда солнышко пригрѣло мокрую землю, зерно стало проростать: пустило внизъ корешекъ, а кверху выгнало два первые листика. Изъ-промежь листочковъ выбѣжалъ стебелекъ съ почкой, а изъ почки, на верху, вышли зеленые листики. Почка за почкой, листикъ за листикомъ, вѣточка за вѣточкой — и лѣтъ черезъ пять хорошенькая яблонька стояла на томъ мѣстѣ, гдѣ упало зёрнышко.

Пришёлъ въ лѣсъ садовникъ съ заступомъ, увидалъ яблоньку и говоритъ: „вотъ хорошее деревцо; оно мнѣ пригодится.“ Задрожала яблонька, когда садовникъ сталъ ее выкапывать, и думаетъ: „пропала я совсѣмъ!“ Но садовникъ выкопалъ яблоньку осторожно, корешковъ не повредилъ, перенесъ ее въ садъ и посадилъ въ хорошую землю.

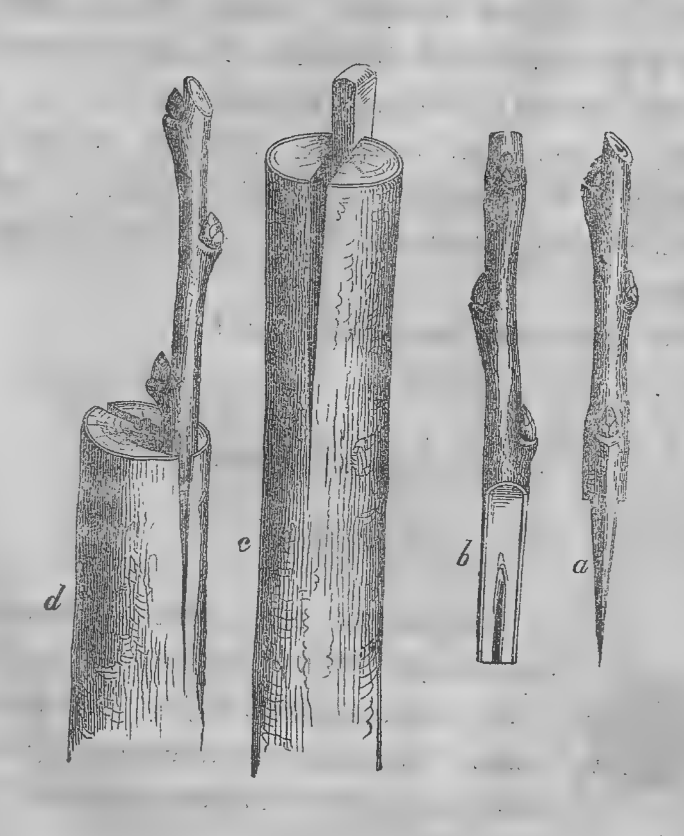
2.

Загордилась яблонька въ саду: „должно быть, я рѣдкое дерево,“ думаетъ она, „когда меня изъ лѣсу въ садъ перенесли,“ и свысока посматриваетъ вокругъ

на некрасивые пеньки, завязанные тряпочками: не знала она, что попала въ *школу*.

На другой годъ пришелъ садовникъ съ кривымъ ножемъ и сталъ яблоньку рѣзать. Задрожала яблонька и думаетъ: „ну, теперь-то я совсѣмъ пропала“.

Срѣзалъ садовникъ всю зеленую верхушку деревца, оставилъ одинъ пенёкъ, да и тотъ ещё расщепилъ сверху; въ трещину воткнулъ садовникъ молодой побѣгъ отъ хорошей яблони; закрылъ рану замазкой,

обвязалъ тряпочкою, обставилъ новую прищепу колышками и ушелъ.

3.

Прихворнула яблонька; но была она молода и сильна, скоро поправилась и срослась съ чужой вѣточкой. Пьетъ вѣточка соки сильной яблоньки и растетъ быстро: выкидываетъ почку за почкою, листокъ за листкомъ; выгоняетъ побѣгъ за побѣгомъ, вѣточку за вѣточкой, и года черезъ три зацвѣло деревцо бѣлорозовыми, душистыми цвѣтами. Опали бѣлорозовые лепестки и на ихъ мѣстѣ появилась зеленая завязь, а къ осени изъ завязи сдѣлались яблоки; да ужъ не дикія кислицы, а большія, румяныя, сладкія, разсыпчатыя И такая-то хорошенькая удалась яблонька, что изъ другихъ садовъ приходили брать отъ нея побѣги для прищепъ.

Какъ разводятъ хорошія яблони?

Божья коровка.

Мальчикъ.

Посмотри, папа, какого я хорошенькаго, кругленькаго жучка поймалъ. Головка у него черненькая, крылья красненькія. а на крыльяхъ пятнышки. Да живъ ли онъ? Что-то не шевелится.

Отецъ.

Живъ, а только прикинулся мёртвымъ: сложилъ свои шесть ножекъ, спряталъ усики и ждётъ, чтобъ ты бросилъ его на траву. Это—*божья коровка,* очень полезный жучёкъ. Онъ, а еще больше его гусеница, истребляютъ множество вредныхъ зеленоватыхъ насѣкомыхъ, что кучами живутъ на листьяхъ и портятъ растенія.

Дитя.

Посмотри, папа, жучёкъ очнулся и взлѣзъ мнѣ на палецъ. Куда-то онъ полѣзетъ дальше?

Отецъ.

А вотъ увидишь: посмотри, какъ онъ раздвигаетъ свои твёрдыя надкрылья и распускаетъ изъ-подъ нихъ настоящія крылышки—легкія и прозрачныя.

Сынъ.

Вотъ и улетѣлъ: какой же онъ хитрый жучёкъ!

Сравните божью коровку съ бабочкою.

Летитъ жукъ да шумитъ: „убью!“ Гусь спрашиваетъ: „кого?“ Теленокъ говоритъ: „меня!“ а уточка: „такъ такъ-такъ!“

Мотылёкъ.

Мальчикъ.

Разскажи, мотылёкъ,
Чѣмъ живешь ты, дружокъ?
Какъ тебѣ не устать
День-деньской всё порхать?

Мотылёкъ.

Я живу средь луговъ
Въ блескѣ лѣтняго дня,
Ароматы цвѣтовъ —
Вотъ вся пища моя.

Но коротокъ мой вѣкъ —
Онъ не долѣе дня;
Будь же добръ, человѣкъ,
И не трогай меня!

Воронъ и Сорока.

Пёстрая сорока прыгала по вѣткамъ дерева и безъ умолку болтала; а воронъ сидѣлъ молча. „Что жъ ты молчишь, куманекъ? или ты не вѣришь тому, что я тебѣ разсказываю?“ спросила наконецъ сорока.

— Плохо вѣрю, кумушка, отвѣчалъ воронъ: кто такъ много болтаетъ, какъ ты, тотъ навѣрно много вретъ.

Ласточка.

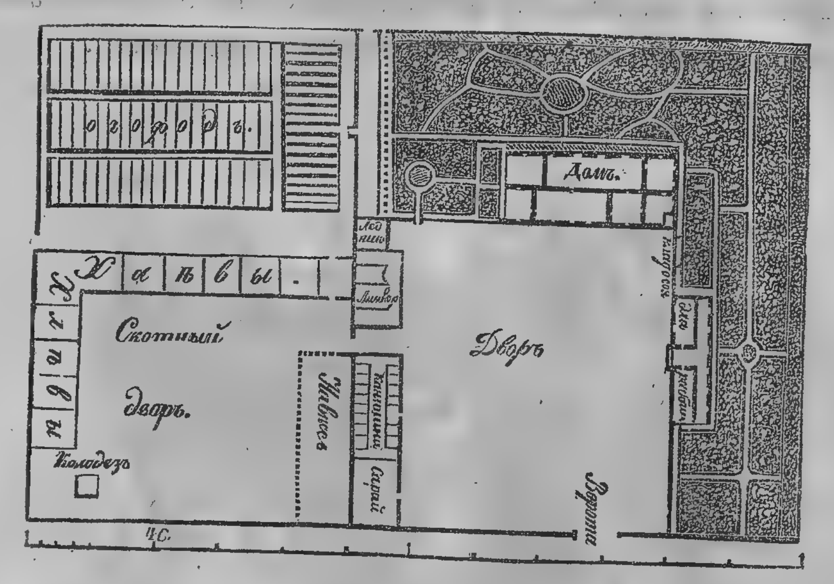

Ласточка-косаточка покою не знала, день-деньской летала, соломку таскала, глинкой лѣпила, гнѣздышко вила. Свила себѣ гнѣздышко: яички носила. Нанесла яичекъ: съ яичекъ не сходитъ, дѣтокъ поджидаетъ. Высидѣла дѣтушекъ: дѣтки пищатъ, кушать хотятъ. Ласточка-косаточка день-деньской летаетъ, покою не знаетъ: ловитъ мошекъ, кормитъ крошекъ.

Придётъ пора неминучая, дѣтки оперятся, всѣ врозь разлетятся, за синія моря, за темные лѣса, за высокія

горы. Ласточка-косаточка не знаетъ покою: день-денской всё рыщетъ — милыхъ дѣтокъ ищетъ.

Какъ живетъ ласточка и какъ курица?

Разскажите, что начерчено на этомъ планѣ.

Загадки: *1) Сидитъ красная дѣвица въ темной темницѣ, коса на улицѣ. — 2) Ни окошекъ, ни дверей, полна горница людей. — 3) Семьдесятъ одежекъ, а все безъ застежекъ; ни шитъ, ни кроёнъ, а весь въ рубцахъ.*

Не плюй въ колодецъ—пригодится воды напится.

I.

Жили себѣ дѣдъ да баба; у дѣда была дочь и у бабы дочь. Баба была злая-презлая, и дочь у ней такая же.

Дѣдъ былъ человѣкъ смирный, и дочь его, Машенька—тоже дѣвочка смирная, работящая, красавица.

Не взлюбила мачиха Машеньки и пристала къ дѣду: „Не хочу съ Машкой жить! Вези её въ лѣсъ, въ землянку; пусть тамъ прядётъ—больше напрядётъ“.

Совсѣмъ заѣла мужика злая баба; нечего тому дѣлать: запрёгъ онъ телѣгу, посадилъ Машу и повёзъ въ лѣсъ. Ѣхали, ѣхали и нашли они въ лѣсу землянку. Жаль старику дочери, да дѣлать нечего! Далъ онъ ей огниво, кремешёкъ, труту и мѣшёчекъ крупъ, и говоритъ: „огонёкъ, Маша, не переводи, кашку вари, избушку припри, а сама сиди да пряди; завтра я пріѣ-

ду тебя провѣдать.“ Попрощался старикъ съ дочерью и поѣхалъ домой.

Осталась Маша одна, весь день пряла; а какъ пришла ночь, затопила печурку и заварила кашу. Только-что каша закипать стала, какъ вылѣзла изъ-подъ полу мышка и говоритъ: „дай мнѣ, красная дѣвица, ложечку кашки“. Машенька до сыта мышку накормила; а мышка поблагодарила её и спряталась.

Поужинала Маша и сѣла опять прясть. Вдругъ, въ самую полночь, вломился медвѣдь въ избу и говоритъ Машѣ: „А ну-ка, дѣвушка, туши огонь, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ серебрянный колокольчикъ: бѣгай да звони, а я буду тебя ловить“.

Испугалась Маша, не знаетъ, что ей дѣлать; а мышка вылѣзла изъ-подъ полу, вбѣжала дѣвушкѣ на плечо, да въ ухо и шепчетъ: „Не бойся, Маша, туши огонь, полѣзай сама подъ печь, а колокольчикъ мнѣ отдай.“ Машенька такъ и сдѣлала.

Сталъ медвѣдь въ жмурки играть: никакъ мышки поймать не можетъ; а та бѣгаетъ да колокольчикомъ звонитъ. Ловилъ медвѣдь, ловилъ — разозлился, заревѣлъ и сталъ поленьями во всѣ углы швырять: перебилъ всѣ горшки и миски, а въ мышку не попалъ. Присталъ, наконецъ, медвѣдь и говоритъ: „Мастерица ты дѣвушка, въ жмурки играть! За это пришлю тебѣ утромъ стадо коней да возъ добра“, и ушёлъ.

II.

Поутру баба сама посылаетъ дѣда въ лѣсъ: „поѣзжай, посмотри, много ли твоя Машутка напряла!“

Уѣхалъ старикъ; а баба сѣла у окна и дожидается, что вотъ-де пріѣдетъ дѣдъ и Машуткины косточки въ мѣшкѣ привезётъ.

Сидитъ баба часъ, другой, слышитъ что-то по дорогѣ изъ лѣсу тарахтитъ, а шавка изъ подъ-лавки: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Со старикомъ дочка ѣдетъ, стадо коней гонитъ, возъ добра везётъ.“ Крикнула баба на собачку: „врешь ты, шафка: это въ кузовѣ Машуткины косточки гремятъ!“ Но заскрипѣли ворота, кони на дворъ вбѣжали; а Маша съ отцомъ сидятъ на возу — полонъ возъ добра! Почернѣла тутъ баба отъ злости и говоритъ: „Эка невидаль какая! Вези мою дочку въ лѣсъ: моя Наташка не твоей Машкѣ чета — два стада коней пригонитъ, два воза серебра привезётъ“.

III.

На другой день отвёзъ дѣдъ бабину дочь въ землянку и снарядилъ её всѣмъ, какъ и свою. Наташа развела огонь и заварила кашу. Мышка выглянула изъ-подъ полу и проситъ: „красная дѣвица, дай мнѣ ложечку кашки“. А Наташка какъ крикнетъ: „ишь ты, гадина какая! еще каши захотѣла!“ и швырнула въ мышку полѣномъ. Мышка убѣжала, а Наташа сѣла, всю кашу сама прiѣла и легла спать.

Въ самую полночь вломился медвѣдь въ избу: „А ну-ка, дѣвушка, давай въ жмурки играть! Вотъ тебѣ колокольчикъ: бѣгай да звони, а я буду тебя ловить.“ Взяла Наташа колокольчикъ и стала бѣгать, да куда!— колѣна трясутся, рука дрожитъ, колокольчикъ безъ толку звонитъ; а мышка изъ подъ полу отзывается: „злой Наташкѣ избитой быть!“

На утро баба посылаетъ старика въ лѣсъ: „поѣзжай, говоритъ, гони коней, вези серебро“.

Уѣхалъ старикъ, а баба сѣла у воротъ и дожидается. Вотъ затарахтѣло по дорогѣ изъ лѣсу, а собака изъ-подъ воротъ: „Тяфъ-тяфъ-тяфъ! Хозяйкина дочка ѣдетъ, охаетъ да кричитъ; а пустой возъ тарахтитъ“. Швырнула баба въ собачку полѣномъ: „врешь ты, шафка! это серебро въ сундукахъ звенитъ“.

Подъѣхалъ старикъ съ Наташкой и на силу-то ее съ пустаго воза сняли. Завыла тутъ злая мачиха, да дѣлать нечего; а Машенька скоро потомъ за хорошаго молодца за мужъ вышла.

На улицѣ и на дорогѣ.

Приглашеніе на улицу.

По лугамъ вода разливалася,
По садамъ пташки разлеталися;
Одна пташка тамъ осталася,
Раскричалася.

Она по пёрушкамъ—перепёлушка,
А по голосу—красна дѣвушка;
Она звала братца играть на улицу,
На широкую:
Братецъ миленькій! лебедь бѣленькій!
Ты пойди со мной играть на улицу,
На широкую.
Ты, братъ, съ гуслями; я съ ладонями,
Съ перебоями!

Наша улица.

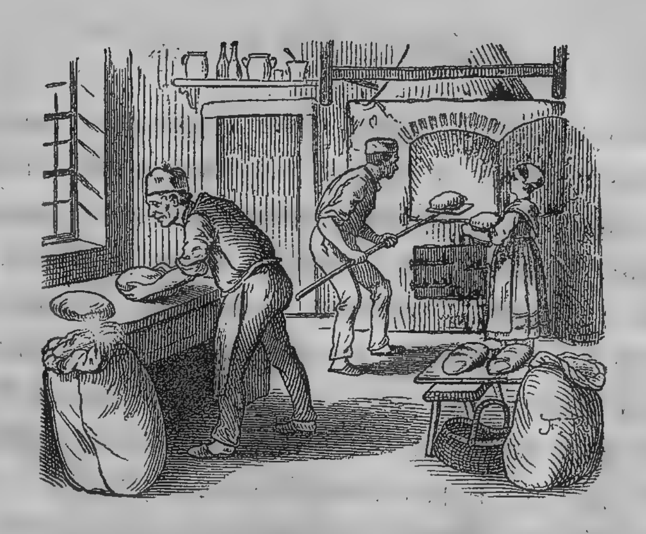
Улица, гдѣ стоитъ наша школа, очень длинна. Она идётъ отъ заставы до площади, гдѣ стоитъ соборъ. Въ неё выходитъ много переулковъ. Дома на улицѣ стоятъ по обѣ стороны рядами; у домовъ идутъ тротуары со столбиками, а по серединѣ—каменная мостовая. На нашей улицѣ много вывѣсокъ; есть вывѣска булочника, портного и сапожника; есть нѣсколько магазиновъ и лавокъ.

Такова ли ваша улица?

Двѣ бочки.

Двѣ бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая—пустая. Вотъ первая себѣ безъ шуму и шажкомъ плетётся, другая въ скачь несётся. Отъ ней по мостовой и стукотня, и громъ, и пыль столбомъ. Прохожій къ сторонѣ скорѣй отъ страху жмётся, её заслышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Худое колесо громче скрипитъ.

Булочникъ.

Люблю я ходить мимо булочной: тамъ, за окномъ, лежатъ румяныя булки, вкусные крендели и сухари. Но жарко, должно быть, булочнику возиться около огромной печи.

Я знаю, что булки пекутъ изъ пшеничной муки. Муку разводятъ водою, прибавляютъ дрожжей и ставятъ тѣсто въ квашнѣ куда-нибудь въ тёплое мѣсто. Когда тѣсто подымется, тогда начинаютъ его мѣсить и лѣпятъ изъ него булки и крендели; потомъ кладутъ ихъ на желѣзный листъ и ставятъ въ вытопленную печь, гдѣ нѣтъ уже ни огня, ни угольевъ.

Много работы булочнику, и работаетъ онъ по ночамъ, чтобы утромъ были готовы къ чаю свѣжія булки.

Разскажите по порядку, изъ чего и какъ дѣлаютъ булки.

Какъ Митѣ сшили сюртукъ.

Отецъ захотѣлъ сшить Митѣ суконный сюртучёкъ. Пришёлъ портной и снялъ съ Мити мѣрку. Воротясь домой, портной развернулъ штуку сукна и нарисовалъ на нёмъ мѣломъ части сюртука: спинку, грудь, полы, рукава, воротникъ, лацканы и обшлага. Потомъ взялъ онъ большія ножницы, выкроилъ всѣ эти части и отдалъ въ мастерскую, гдѣ на лавкахъ сидѣли и шили работники. Работники стали пришивать одну часть сюртука къ другой и разглаживали швы утюгомъ. Черезъ недѣлю всё было сшито, петли обмётаны, пуговицы пришиты, подкладка подложена. Тогда работникъ вычистилъ сюртукъ и отнёсъ его хозяину, а хозяинъ отнёсъ Митѣ. Сюртукъ былъ, какъ разъ, въ пору. Митинъ отецъ заплатилъ портному за матеріялъ, за прикладъ и за работу; а сыну сказалъ:—„носи на здоровье, да береги! сюртукъ стоитъ не дёшево.“

Назовите всѣ части сюртука. Кто и какъ его сшилъ?

Сапожникъ.

Сапожникъ снимаетъ мѣрку съ ноги. По этой мѣркѣ дѣлаетъ онъ изъ дерева *колодку*. Острымъ ножемъ выкроитъ онъ изъ кожи верхъ сапога и голенище, размочитъ ихъ въ водѣ и прибьётъ гвоздиками на колодку. Когда кожа высохнетъ на колодкѣ, то приметъ форму сапога, и тогда сапожникъ снимаетъ сапогъ съ

колодки и пришиваетъ къ нему подошву. Подошву выкраиваетъ сапожникъ изъ толстой бычачьей кожи. Шьётъ сапожникъ не иглой, а шиломъ: проколетъ шиломъ дырочку и продѣнетъ въ неё *дратву*. Дратва дѣлается изъ крѣпкихъ нитокъ, просмолённыхъ смолою. Чтобы дратву удобнѣе было вдѣвать, къ ней привязываютъ твёрдую свинную щетинку.

Пришивъ подошву, сапожникъ придѣлываетъ каблукъ и вбиваетъ въ него гвоздики; потомъ пришиваетъ къ голенищамъ ушки, чернитъ сапоги, чиститъ ихъ ваксою и несётъ тому, кто заказывалъ.

Назовите всѣ части сапога; разскажите, изъ чего и какъ его сшили.

Загадка. Сквозь быка и барана свинья лёнъ волочитъ.

Ремесло не коромысло, плечъ не оттянетъ, а само прокормитъ. — Лапти плесть — однова въ день есть. — У портного и локоть на отлетъ.—Крой да пѣсни пой: шить станешь—наплачешься.—Безъ клиньевъ кафтана не сошьешь.

Въ дорогѣ.

По дорогѣ зимней, скучной
Тройка борзая бѣжитъ;
Колокольчикъ однозвучный
Утомительно гремитъ.
Ни огня, ни черной хаты:
Глушь и снѣгъ... На встрѣчу мнѣ

Только вёрсты полосаты
Попадаются однѣ

Загадка. Самъ не видитъ, не слышитъ, другимъ указываетъ; нѣмъ и глухъ, а счётъ ведётъ.

Тише ѣдешь, дальше будешь.

Катитъ баринъ въ своей бричкѣ, на тройкѣ, во всю мочь и спрашиваетъ у встрѣчнаго мужичка: „далеко ли до города?“ Посмотрѣлъ мужичекъ на колёса и говоритъ: „а какъ тише, баринъ, поѣдешь, то къ ночи доѣдешь“. Разсердился баринъ на глупый отвѣтъ и велѣлъ кучеру погнать лошадей. Не проѣхалъ баринъ и трёхъ вёрстъ, какъ колесо переднее разлетѣлось; а желѣзная ось съ размаху въѣхала въ землю и лопнула пополамъ. Къ счастью, не по далёку отъ дороги была кузница: кое-какъ дотащили туда бричку и чинили ёе цѣлый день. Только на другой день къ ночи попалъ баринъ въ городъ.

Куй желѣзо, пока горячо.

Большая печь въ кузницѣ называется *горномъ*. Въ горнѣ много горячихъ угольевъ, а съ боку придѣланъ большой *мѣхъ*. Помощникъ кузнеца раздуваетъ мѣхомъ уголья, чтобы жарче горѣли.

Кузнецъ берётъ полосу желѣза и кладётъ её въ горнъ. Желѣзо раскаляется, краснѣетъ, потомъ бѣлѣетъ и дѣ-

лается мягкимъ. Кузнецъ берётъ желѣзо изъ горна большими щипцами, кладётъ его на желѣзную наковальню и начинаетъ ковать тяжёлымъ молотомъ, что кому нужно: подкову, гвоздь, топоръ, желѣзную ось... На кузнецѣ кожаный передникъ, потому что отъ раскалённаго желѣза сыплются искры.

Кузницу устраиваютъ возлѣ города и покрываютъ дёрномъ, чтобы она не загорѣлась отъ искръ.

Какъ куютъ желѣзо и что изъ него дѣлаютъ?

Не огонь желѣзо калитъ, а мѣхъ. — У кузнеца — что стукъ, то гривна.

Какъ человѣкъ ѣздитъ по землѣ.

Ходитъ человѣкъ, хоть и не то, чтобы очень тихо, а всё же не далёко бы онъ ушёлъ на своихъ на двоихъ.

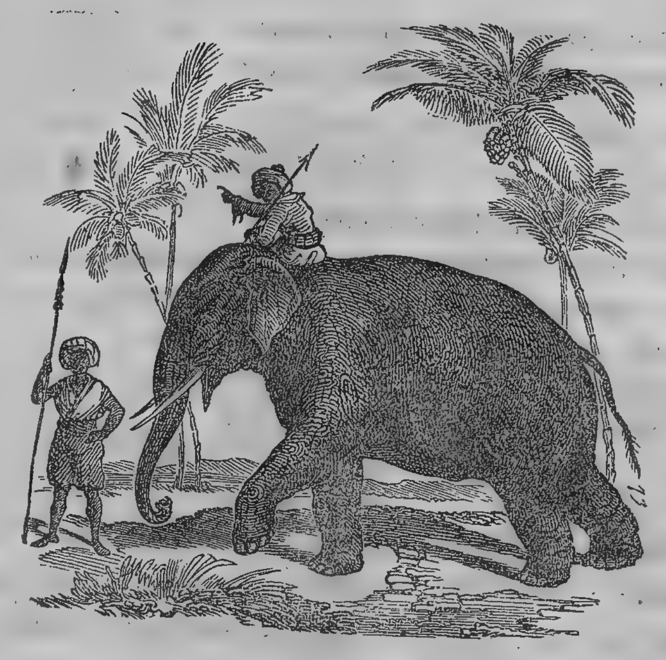
Но не даромъ Богъ далъ человѣку разумъ. Видитъ человѣкъ, что лошадка на своихъ четырёхъ бѣгаетъ скорѣе его, и сумѣлъ взлѣзть къ ней на спину: сѣдло приладилъ, узду въ ротъ всунулъ; а потомъ придумалъ телѣги на колёсахъ и сани на полозьяхъ — и вотъ, не уставая самъ, сталъ уѣзжать въ день вёрстъ по сту и больше; заставилъ лошадку и пахать, и боронить, и обозы возить.

Да и съ одной-ли лошадью совладалъ человѣкъ? Покорилъ онъ своей волѣ и сильнаго вола съ могучей шеей, и длинноногаго верблюда съ жирными горбами, и лёгкаго оленя съ вѣтвистыми рогами. Мало этого: взлѣзъ человѣкъ на спину громадному слону и, сидя на немъ какъ муха, поколачиваетъ его въ голову молоточкомъ и ѣдетъ, куда угодно.

Замѣтилъ человѣкъ, что по ровной дорогѣ колесо ровнѣе катится и ѣхать легче, и сталъ ровнять большія *почтовыя* дороги, прокладывать *шоссе*.

Какъ ѣздятъ люди по землѣ?

Шоссе и просёлокъ.

Прямая дорога, большая дорога,
Простору не мало взяла ты у Бога.
Ты вдаль протянулась, пряма какъ стрѣла;
Широкою гладью, что скатерть легла;
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!
Въ тебѣ, что ни шагъ — то мужикъ работалъ,
Прорѣзывалъ горы, мосты настилалъ.
А съ каменкой рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьётся, живая дорожка.
Дорожка, дорожка, куда ты ведёшь?
Безъ званья-ли ты, иль со званьемъ слывёшь?
Идёшь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ, по долинамъ, чрезъ рѣчку и гору.

Тебя не ровняли топоръ и лопата;
Мягка ты копыту и пылью богата!

Обозъ.

Шёлъ нѣкогда обозъ;
А въ томъ обозѣ былъ такой престрашный возъ,
Что передъ прочими казался онъ возами,
Какими кажутся слоны предъ комарами:
Не возикъ и не возъ, возище то валитъ.
Но чѣмъ сей баринъ-возъ набитъ?
—Да пузырями.

Языкъ до Кіева доводитъ. — Дорогой пять, а прямо десять. — Подъ гору вскачь, а въ гору хоть плачь. — Ѣдешь на день, а хлѣба бери на недѣлю.—Купи, денегъ не жалѣй, со мной ѣздить веселѣй.

Какъ ѣздятъ безъ лошадей.

Тихо показалось человѣку ѣздить на долгихъ и на почтовыхъ, по простой дорогѣ и по шоссе: сталъ онъ думушку думать и выдумалъ *желѣзную дорогу*. Про-

копалъ онъ горы, сравнялъ долины, проложилъ мосты и сдѣлалъ прямую, какъ стрѣла, дорожку, словно *полотно* разостлалъ. На этомъ полотнѣ положилъ чугунныя колеи — *рельсы*, а на рельсы поставилъ желѣзную машину съ трубою, котломъ и печкою, точно самоваръ. Въ печку дрова или уголь кладётъ, въ котлѣ воду кипятитъ, а на парахъ катитъ безъ лошадей, да такъ, что ни на какой лошади его не догонишь, вёрстъ по 50 въ часъ, по 1000 въ сутки. Катитъ желѣзная машина по *чугункѣ*, пыхтитъ, свиститъ, устали не знаетъ, только дрова и воду по станціямъ забираетъ. Тащитъ она цѣлый рядъ *вагоновъ*: въ однихъ вагонахъ сотни людей сидятъ, въ окошечки смотрятъ; а въ другихъ — что товару наложено — страсть!

Чугунка.

Полотно, а не дорожка;
Конь не конь, сороконожка
По дорожкѣ той ползётъ;
Весь обозъ одинъ везётъ.

Мчитъ стрѣлой, не то, что тянетъ,
Не запнётся, не устанетъ,
Только съ присвистомъ пыхтитъ,
Въ часъ полсотни укатитъ.

Какъ ѣздятъ по землѣ безъ лошадей?

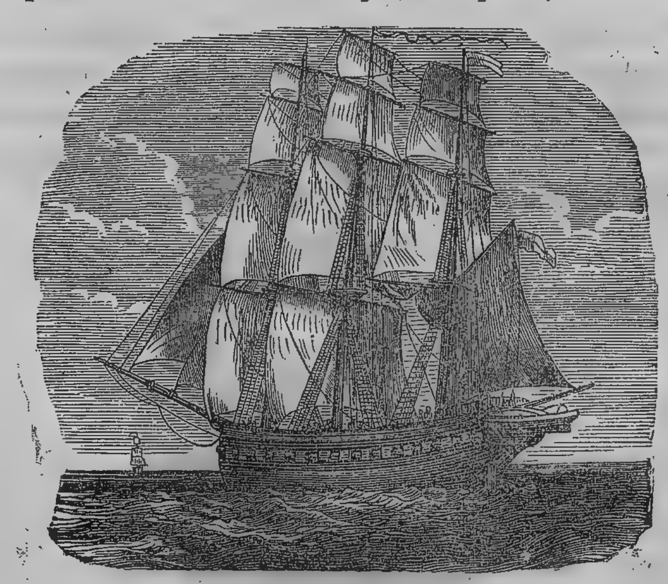

Какъ человѣкъ ѣздитъ по водѣ.

Плавать человѣкъ не очень гораздъ: какъ ни учится, а плаваетъ всё хуже рака, не то, что рыбы. „Это дѣло не ладно!“ подумалъ человѣкъ: выдолбилъ изъ дерева лодку, вырѣзалъ весельце — и поѣхалъ.

Надоѣло человѣку весломъ махать: машешь-машешь, пристанешь,—а всё не далёко уѣхалъ. Какъ тутъ быть? И подумалъ человѣкъ: зачѣмъ это вѣтеръ даромъ по свѣту гуляетъ, по дорогѣ пыль подымаетъ, по морю волны, по небу облака гоняетъ? Дай-ка я заставлю его себя возить! Взялъ человѣкъ полотно, напялилъ на мачту, сдѣлалъ парусъ — и потащилъ вѣтеръ маленькую лодку и огромный корабль.

Запрёгъ-то человѣкъ вѣтра, запрёгъ; да нѣту кну-

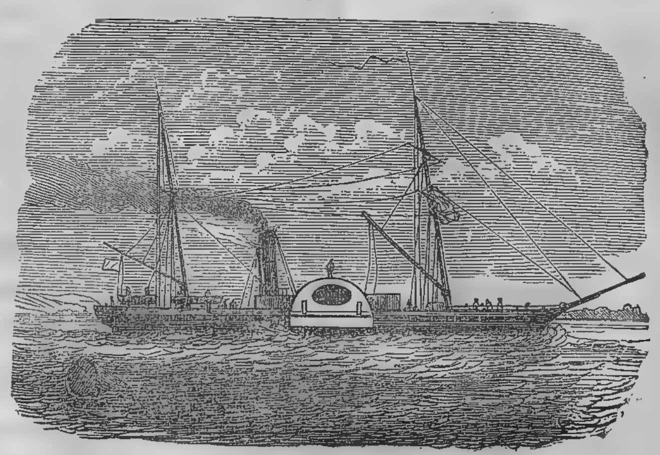
тика, чтобъ вѣтеръ погонять; нѣту узды, чтобъ сдержать; нѣтъ возжей, чтобъ управлять.

Корабль.

Вѣтеръ по морю гуляетъ
И корабликъ подгоняетъ;
Онъ бѣжитъ себѣ въ волнахъ.
На раздутыхъ парусахъ.

Какъ придумалъ человѣкъ ѣздить по водѣ?

Волга—добрая лошадка: все свезетъ.—Кто на морѣ не бывалъ, тотъ и страху не видалъ.

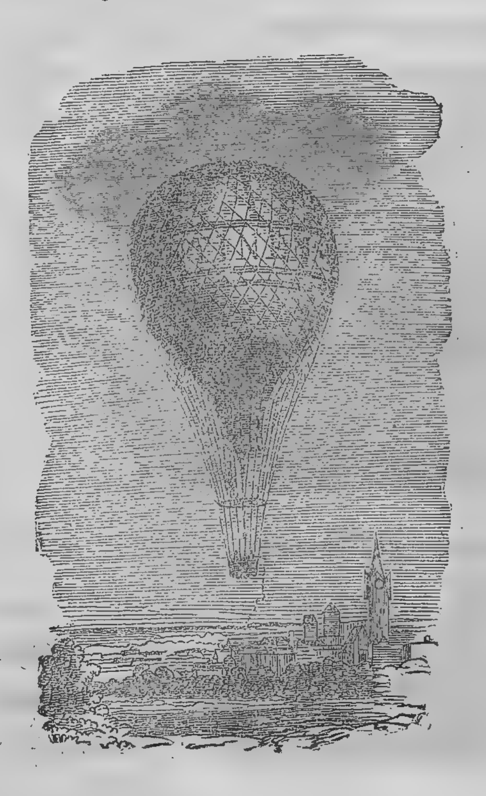
По водѣ на колёсахъ.

Хорошо было-бы на парусахъ ѣздить, если-бы вѣтеръ насъ слушался; да въ томъ-то и бѣда, что хочешь ты ѣхать на югъ, а онъ тебѣ дуетъ на сѣверъ; хочешь ты ѣхать сегодня, а онъ говоритъ тебѣ: „погоди до-

завтрева! сегодня я спать хочу;“ — хочешь ѣхать потихоньку, а онъ корабль твой какъ щепку кидаетъ, къ верху дномъ переворачиваетъ.

„Нѣтъ, это не ладно!“ сказалъ человѣкъ: „паръ хоть тише вѣтра возитъ, за то послушнѣе.“ Придѣлалъ человѣкъ къ кораблю колёса, заставилъ паръ тѣ колёса вертѣть и поѣхалъ по морю, словно по суху — на колёсахъ. Топитъ себѣ на кораблѣ печку, воду въ котлѣ кипятитъ, дымъ въ трубу выпускаетъ, а на парахъ ѣдетъ, и противъ теченія, и противъ вѣтра,—куда хочетъ.

Какую пользу приносятъ пароходы?

Какъ летаютъ люди по воздуху?

Стало свободно человѣку и по землѣ, и по водѣ ѣздить; но позавидовалъ онъ птицамъ небеснымъ. Крыльевъ Богъ человѣку не далъ — взять ихъ негдѣ; а не дурно бы по воздуху летать: не нужно тамъ ни шоссе дѣлать, ни полотна настилать — всюду дорога широкая. Сталъ человѣкъ учить-

ся, да думать: выдумалъ *воздушный шаръ*, привѣсилъ къ шару лодочку и полетѣлъ выше лѣса стоячаго, выше облака ходячаго, выше орла быстрокрылаго. Одна бѣда—неугомонный вѣтеръ обижаетъ человѣка въ воздухѣ ещё хуже, чѣмъ на морѣ: носитъ его куда ему, вѣтру, вздумается, а не куда человѣку хочется, и не можетъ человѣкъ до сихъ поръ на воздухѣ съ вѣтромъ справиться.

Село и деревня.

Въ селѣ и деревнѣ много крестьянскихъ дворовъ. Въ селѣ дворовъ больше и есть церковь; въ деревнѣ дворовъ меньше и церкви нѣтъ. Жители деревни ходятъ въ церковь въ ближайшее село. Улицъ въ селѣ и деревнѣ немного и тѣ немощёныя; избы бревенчатыя, иныя съ тесовыми, иныя съ соломенными крышами. Въ деревнѣ есть овины, гумна, скотные дворы, огороды и сады. Заборы попадаются рѣдко, а чаще плетни. На улицѣ въ деревнѣ встрѣтишь крестьянъ въ тѣлегахъ, сохи и бороны, а зимою — дровни и розвальни. Жители деревень и сёлъ, по большой части, занимаются земледѣлiемъ и скотоводствомъ; но есть богатыя *промышленныя* сёла, гдѣ много *фабрикъ*.

Новосёловка и Михайловка.

Гулюшки, гулубокъ,
Мой сизенькiй воркунокъ!

Мимо терема леталъ,
Ворковалъ;

Къ окну прилетѣлъ,
Послушалъ;
Что въ теремѣ говорятъ,
Во высокомъ гуторятъ;
А въ теремѣ говорятъ,
Новосёловку всё корятъ;
Новосёловка — слобода
Крапивою заросла,
Полыномъ она зацвѣла;
Тамъ некому поиграть,
Тамъ некому поплясать;
Тамъ дѣвушки босыя,
Молодушки косыя.
А въ теремѣ говорятъ:
Михайловку всё хвалятъ,
Михайловка — слобода
Малиною заросла,
Калиною зацвѣла;
Тамъ есть кому поиграть,
Тамъ есть кому поплясать;
Тамъ дѣвушки въ башмачкахъ,
Молодушки въ ходочкахъ.

Сравните Новосёловку съ Михайловкой.

Городъ.

Въ каждомъ уѣздѣ сёлъ и деревень много, а уѣздный городъ одинъ. Въ городѣ деревянные или каменные дома крыты тёсомъ или желѣзомъ: нѣтъ ни гуменъ, ни овиновъ, а магазины да лавки; между домами

не плетни, а заборы или хорошія рѣшётки. Въ большомъ городѣ улицы мощены камнемъ, а по бокамъ улицъ тротуары. Въ городѣ нѣсколько площадей, улицъ и переулковъ. На улицахъ попадаются на встрѣчу дрожки, кареты, коляски, а зимою — городскія сани. Церквей въ городѣ нѣсколько, и одна называется соборною. Жители города занимаются ремёслами, торговлею и службою. Вокругъ иныхъ городовъ много фабрикъ, простыхъ и паровыхъ съ высокими трубами.

Города бываютъ разные: *заштатные, уѣздные, губернскіе* и *столичные.*

Въ Россіи двѣ столицы: Петербургъ и Москва. Въ Петербургѣ живётъ Государь.

Сравните городъ съ деревней. Какіе бываютъ города?

Чудный работникъ.

Скрипъ машинъ неугомонный;
Веретёнъ, колёсъ мильоны;
Всѣ скрежещутъ и визжатъ,
И не люди ихъ вертятъ.
Какъ по щучьему велѣнью,
Паръ приводитъ всё въ движенье,
Паръ молотитъ, паръ и тчётъ,
Шерсть, бумагу, лёнъ прядётъ;
И монету выбиваетъ;
Лѣсъ пилитъ, гранитъ хрусталь;
Масло бьётъ, шлифуетъ сталь.

Ярмарка.

Флагъ поднятъ, ярмарка открыта. Народомъ площадь вся покрыта; глядятъ изъ лавокъ кушаки и разноцвѣтные платки, и разноцвѣтная серпянка; тутъ груды чашекъ и горшковъ, корчагъ, боченковъ, кувшиновъ; тамъ—лыки, вёдра и ушаты, лотки, подойники, лопаты.

Весёлый говоръ, крикъ торговли, пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ, и ранній звонъ колоколовъ — всё въ гулъ слилось. Межъ тѣмъ оглобли приподнялись поверхъ возовъ, какъ лѣсъ безъ вѣтокъ и листовъ.

Куплей да продажей торгъ стоитъ. — Ваши деньги, нашъ товаръ.— Чего мало, то дорого; чего много, то дешево. — На базаръ ѣхать—съ собой цѣны не возить. — Торгуй правдою—больше барыша будетъ.

Зимнее утро въ столицѣ.

Встаётъ купецъ, идётъ разнощикъ;
На биржу тянется извощикъ;
Съ кувшиномъ охтянка спѣшитъ,
Подъ ней снѣгъ утренній хруститъ.
Проснулся утра шумъ пріятный;
Открыты ставни; трубный дымъ
Столбомъ восходитъ голубымъ;
И хлѣбникъ — нѣмецъ акуратный —
Въ бумажномъ колпакѣ, не разъ
Ужъ отворялъ свой *васъ-исъ-дасъ.*

Змѣй и цыганъ.

I.

Въ старые годы повадился въ одну деревнюшку змѣй летать, людей пожирать: всѣхъ переѣлъ, одинъ мужикъ остался.

Шёлъ мимо этой деревни цыганъ, и захотѣлъ на ночлегъ пристать. Въ какую избу не заглянетъ—пусто! Зашёлъ, наконецъ, въ послѣднюю избушку: сидитъ тамъ да плачетъ остальной мужичекъ. „Ты зачѣмъ сюда, цыганъ? спрашиваетъ мужичокъ: видно, жизнь тебѣ надоѣла.“—А что? „Да вѣдь повадился сюда змѣй летать: всѣхъ поѣлъ; а завтра прилетитъ—меня сожрётъ и тебѣ не сдобровать: разомъ двухъ съѣстъ.“—А, можетъ, подавится, — отвѣчалъ цыганъ; ляжемъ-ка спать: утро вечера мудренѣе.

Переночевали. Утромъ поднялся вдругъ вихрь: затряслась изба и прилетаетъ змѣй: „Ага, говоритъ: прибыль есть! оставилъ одного мужика, а нашёлъ двухъ—будетъ чѣмъ позавтракать.“ —Будто и вправду съѣшь? спрашиваетъ цыганъ. „Да таки съѣмъ.“—Врёшь: подавишься! „Чтожъ, ты развѣ сильнѣе меня?“ — Ещё бы? отвѣчаетъ цыганъ: чай самъ знаешь, что у меня силы больше твоей. „А ну, давай, попробуемъ, кто кого сильнѣе.“—Давай.

Змѣй взялъ жерновъ и говоритъ: „Смотри: я этотъ камень одной рукой раздавлю“, стиснулъ жёрновъ въ

горсти такъ, что тотъ весь въ песокъ разсыпался — только искры брызнули. „Эко диво! говоритъ цыганъ: а ты такъ сожми камень, чтобъ изъ него вода потекла.“ Взялъ съ полки узелокъ творогу и ну давить: сыворотка и потекла. „Что, видѣлъ? У кого силы больше?“—Правда твоя, говоритъ змѣй: рука у тебя сильнѣе; а вотъ, попробуемъ, кто крѣпче свиснетъ. „Ну, свисти!“ Змѣй какъ свиснулъ—со всѣхъ деревъ листъ осыпался. „Хорошо, братъ, свистишь, говоритъ цыганъ: а всё не по моему; завяжи-ка напередъ свои бѣльмы, а то я какъ свисну, то онѣ у тебя изо лба повыскочатъ.“ Завязалъ змѣй платкомъ глаза и говоритъ: „А ну-ка, свисти?“ Цыганъ взялъ дубину, да какъ свиснетъ змѣя по башкѣ, такъ что тотъ во всё горло заоралъ: „Полно, полно, братъ цыганъ! не свисти больше, и съ одного разу глаза чуть на лобъ не вылѣзли.“—Какъ знаешь, говоритъ цыганъ: а я ещё готовъ разокъ-другой свиснуть. „Нѣтъ, не надо; не хочу больше спорить, отвѣчаетъ змѣй; давай лучше побратаемся,“—и побратались цыганъ со змѣемъ.

II.

Говоритъ змѣй цыгану: „Ступай, братъ, на степь, тамъ пасётся стадо воловъ: выбери самаго жирнаго и волоки сюда на обѣдъ.“ Пошёлъ цыганъ на степь, нашёлъ гуртъ воловъ: давай ихъ ловить, другъ съ дружкой за хвосты связывать. Ждалъ-ждалъ змѣй — не дождался; побѣжалъ самъ: „Что такъ долго?“—А вотъ по-

годи, навяжу штукъ сорокъ да заразъ и поволоку, чтобы на цѣлый мѣсяцъ хватило. „Экой ты какой! говоритъ змѣй: нѣшто намъ здѣсь вѣкъ вѣковать—будетъ съ насъ и одного“. Ухватилъ змѣй самаго жирнаго вола за хвостъ, сдёрнулъ шкуру, взвалилъ и шкуру, и мясо на плечи, и потащилъ домой. „Какъ же, братъ, говоритъ цыганъ: я столько штукъ навязалъ—неужели жъ бросить?“ — Ну, брось.

Пришли въ избу, наклали два котла мяса, а воды нѣтъ.—На, тебѣ, воловью шкуру, говоритъ змѣй: набери полную воды и принеси сюда. Потащилъ цыганъ къ колодцу воловью шкуру: еле-еле порожнюю тащитъ; пришёлъ, и давай колодецъ кругомъ окапывать. Змѣй ждалъ-ждалъ — не дождался, побѣжалъ самъ. „Что ты дѣлаешь?“ Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ: хочу колодецъ кругомъ окопать и въ избу перетащить, чтобы не нужно было всякій разъ по воду ходить. „Экой ты какой! много затѣваешь,“ сказалъ змѣй, набралъ полную шкуру воды и понесъ домой.

Есть и мясо, и вода, да дровъ нѣтъ, и говоритъ змѣй цыгану: „Сходи, братъ, въ лѣсъ, выбери сухой дубъ и волоки сюда.“ Пошёлъ цыганъ въ лѣсъ: началъ лыки драть да верёвки вить. Ждалъ-ждалъ змѣй—не дождался, опять бѣжитъ: „Что ты здѣсь дѣлаешь?“—Да вотъ, отвѣчаетъ цыганъ: хочу заразъ дубовъ двадцать зацѣпить верёвкой и тащить всѣ съ кореньями, чтобъ на долго дровъ хватило. „Экой ты, право! говоритъ змѣй: всё по

своему дѣлаешь“, вырвалъ съ корнемъ самый толстый дубъ и поволокъ въ избу.

Наварилъ змѣй говядины и зовётъ цыгана обѣдать; а цыганъ надулся и говоритъ: „не хочу.“ Вотъ змѣй сожралъ самъ цѣлаго вола и сталъ цыгана спрашивать: „скажи, братъ, за что ты сердишься?“—А за то, отвѣчаетъ цыганъ: всё что я ни сдѣлаю—всё, не такъ, всё не по твоему. „Ну, не сердись, помиримся.“—Коли хочешь со мной мириться, говоритъ цыганъ: поѣдемъ ко мнѣ въ гости. „Изволь, братъ, поѣдемъ!“

Змѣй досталъ повозку, запрёгъ тройку, что ни есть лучшихъ коней, и поѣхали вдвоёмъ въ цыганскій таборъ. Стали подъѣзжать; а цыганята увидали отца, бѣгутъ къ нему на встрѣчу, голые, черные, да во всё горло кричатъ: „Батька пріѣхалъ! змѣя привезъ!“ Змѣй испугался и спрашиваетъ у цыгана; „это кто?“—А это мои дѣти, отвѣчаетъ цыганъ, чай голодны теперь; смотри, какъ за тебя примутся! Змѣй съ повозки да бѣжать, и оставилъ цыгану и повозку, и лошадей.

ОТДѢЛЪ II.

ВРЕМЕНА ГОДА.

Зима.

Что сдѣлала зима?

Гдѣ сладкій шопотъ
Густыхъ лѣсовъ,
Потоковъ ропотъ,
Цвѣты луговъ?
Деревья голы;
Коверъ зимы
Покрылъ холмы,
Луга и долы.

Подъ ледяной
Своей корой
Ручей нѣмѣетъ,
Все цѣпенѣетъ
Лишь вѣтеръ злой,
Бушуя, воетъ
И небо кроетъ
Сѣдою мглой.

Загадка: *Зимой грѣетъ, весной тлѣетъ, лѣтомъ умираетъ, осенью оживаетъ.*

Проказы старухи зимы.

Разозлилася старуха зима: задумала она всякое дыханіе со свѣта сжить. Прежде всего стала она до птицъ добираться: надоѣли ей онѣ своимъ крикомъ и пискомъ.

Подула зима холодомъ, посорвала листья съ лѣсовъ и дубравъ и разметала ихъ по дорогамъ. Некуда пти-

цамъ дѣваться: стали онѣ стайками собираться, думушку думать. Собрались, покричали и полетѣли за высокія горы, за синія моря, въ тёплыя страны. Остался воробей и тотъ подъ стреху забился.

Видитъ зима, что птицъ ей не догнать: накинулась на звѣрей. Запорошила снѣгомъ поле, завалила сугробами лѣса; одѣла деревья ледяной корой и посылаетъ морозъ за морозомъ. Идутъ морозы одинъ другаго злѣе, съ ёлки на ёлку перепрыгиваютъ, потрескиваютъ да пощёлкиваютъ, звѣрей пугаютъ. Не испугалися звѣри; у однихъ шубы тёплыя, другіе въ глубокія норы запрятались; бѣлка въ дуплѣ орѣшки грызётъ; медвѣдь въ берлогѣ лапу сосётъ; заинька, пригаючи, грѣется; а лошадки, коровки, овечки давнымъ-давно въ тёплыхъ хлѣвахъ готовое сѣно жуютъ, тёплое пойло пьютъ.

Пуще злится зима—до рыбъ она добирается; посылаетъ морозъ за морозомъ, одинъ другаго лютѣе. Морозцы бойко бѣгутъ, молоточками громко постукиваютъ: безъ клиньевъ, безъ подклинковъ по озерамъ, по рѣкамъ мосты строятъ. Замёрзли рѣки и озёра, да только сверху; а рыба вся въ глубь ушла; подъ ледяной кровлей ей еще теплѣе.

Ну, постой же, думаетъ зима; дойму я людей — и шлётъ морозъ за морозомъ, одинъ другаго злѣе. Заволокли морозы узорами оконницы въ окнахъ; стучатъ и въ стѣны, и въ двери, такъ что брёвна лопаются. А люди затопили печки, пекутъ себѣ блины горячіе, да надъ зимою подсмѣиваются. Случится кому за дро-

вами въ лѣсъ ѣхать, надѣнетъ онъ тулупъ валенки, рукавицы тёплыя, да какъ примется топоромъ махать, даже потъ прошибётъ. По дорогамъ, будто зимѣ на смѣхъ, обозы потянулись; отъ лошадей паръ валитъ; извощики ногами потопываютъ, рукавицами похлопываютъ, плечами передёргиваютъ, морозцы похваливаютъ.

Обиднѣе всего показалось зимѣ, что даже малые ребятишки—и тѣ ея не боятся! катаются себѣ на конькахъ да на салазкахъ, въ снѣжки играютъ, бабъ лѣпятъ, горы строятъ, водой поливаютъ, да ещё морозъ кличутъ: „приди-ка подсобить!“ Щипнётъ зима со злости одного мальчугана за ухо, другаго за носъ, даже побѣлѣютъ; а мальчикъ схватитъ снѣгу, давай тереть—и разгорится у него лицо, какъ огонь.

Видитъ зима, что ни чѣмъ ей не взять: заплакала со злости. Со стрехъ зимнія слёзы закапали... видно весна недалёко!

Что сдѣлала зима съ птицами? съ звѣрями? съ рыбами? съ людьми?

Загадки: *1) Летитъ молчитъ, сядетъ молчитъ, а помретъ да сгніетъ, такъ и заревётъ.—2) Старикъ у воротъ, тепло уволокъ; самъ не бѣжитъ, стоять не велитъ.*

Маленькій мужичокъ.

Однажды, въ студёную зимнюю пору я изъ лѣсу вышелъ; былъ сильный морозъ. Гляжу, поднимается медленно въ гору лошадка, везущая хворосту возъ. И, шествуя важно, въ спокойствіи чинномъ, лошадку ведётъ подъ уздцы мужичокъ въ большихъ сапогахъ, въ полушубкѣ овчинномъ, въ большихъ рукавицахъ, а самъ съ ноготокъ.—Здорово товарищъ!—„Ступай себѣ мимо!“ —Ужъ больно ты грозенъ, какъ я погляжу! Откуда дровишки?—„Изъ лѣсу, вѣстимо! Отецъ, слышишь, рубитъ а я отвожу.“

Зайка.

Заинька у елочки попрыгиваетъ,
Лапочкой объ лапочку поколачиваетъ:

* * *

«Экіе морозцы, прости Господи, стоятъ!
Елочки отъ холода потрескиваютъ.

* * *

Елочки отъ холода потрескиваютъ,
Лапочки отъ холода совсѣмъ свело.

* * *

Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, мужичонкомъ быть,
Вотъ кабы мнѣ, зайкѣ, да въ лапоткахъ ходить;

* * *

Жить бы мнѣ да грѣться въ избушечкѣ
Со своею хозяюшкой сѣренькой.

*
* *

Пироги мнѣ ѣсть, да всё съ капусткою,
Пироги бы со сладкою морковкою.

*
* *

На полатяхъ зимушку пролёживать,
По морозцу въ саночкахъ покатывать.»

Телѣга хлѣбъ въ домъ возитъ, а сани на базаръ.— Что лѣтомъ ногой, то зимою рукой.—Лѣто пролежишь, зимой съ сумой побѣжишь.—Береги носъ въ большой морозъ.— Что мужику дѣется: бѣжитъ да грѣется.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

23 декабря.

Завтра рождественскій сочельникъ, и сегодня распустили нашу школу. На силу-то мы досидѣли послѣдній урокъ! Я такъ бѣжалъ домой, что потерялъ было книгу. До 8-го января мы свободны. Эта первая треть учебнаго года—самая длинная. Надо поправить нашу ледяную гору: она совсѣмъ развалилась; надобно бы устроить кукольный театръ маленькимъ братьямъ и сестрамъ: я объ этомъ позабочусь.

24 декабря.

„Кутья стоитъ на покути, а узварь пошёлъ на базаръ,“ сказала намъ сегодня няня. Кутья, точно, стояла

въ переднемъ углу, подъ образами, на сѣнѣ; да и узваръ съ базару воротился, и оказался очень вкуснымъ. Мамаша разсказала мнѣ, зачѣмъ кутью ставятъ на сѣно, Вечеромъ была страшная мятель; но это не помѣшало мальчикамъ и дѣвочкамъ прійти колядовать. Охъ, какъ воетъ въ трубѣ! Какъ жутко должно быть теперь въ открытомъ полѣ!

Такъ ли вы провели рождественскій сочельникъ?

Мятель.

Въ чистомъ полѣ въ полночь, завываетъ, гудётъ, завываетъ-несётся мятелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идётъ, по слѣдамъ растилается-стелется.

„Ну, заѣхалъ въ сугробъ! Видно, здѣсь ночевать; ну, Савраско, потрогивай, маленькій! Вовсе сбились съ тобой; захотѣлося спать; понабилося снѣгу за валенки.“

„Что тамъ? Словно-ка гдѣ колокольчикъ звенитъ; Огонь китамъ, что-ль, зажигаются? А хозяйка-то ждетъ, а мальчишка-то спитъ. Что ему! знай, по печи валяется.“

Въ чистомъ полѣ, въ полночь, завываетъ гудётъ, завываетъ-несётся мятелица; бѣлымъ снѣжнымъ столбомъ по дорогѣ идётъ, по слѣдамъ растилается-стелется.

Не то снѣгъ, что мететъ; а что сверху идетъ.— Сыпитъ да дуетъ: что-то будетъ?

Коляда подъ Рождество.

Коляда, коляда!
Пришла коляда
Наканунѣ Рождества.
Мы ходили, мы искали
Коляду святую
По всѣмъ по дворамъ,
По проулочкамъ.
Нашли коляду
У Петрова-то двора;
Петровъ-то дворъ, желѣзный тынъ.
Середи двора три терема стоятъ:
Въ первомъ терему—свѣтелъ мѣсяцъ;
Въ другомъ терему—красно солнце;
А въ третьемъ терему—часты звѣзды.
Свѣтелъ мѣсяцъ—Петръ сударь,
Свѣтъ-Ивановичъ!
Красно солнце—Марья Павловна!
Часты звѣздочки—ихъ дѣтушки!
Здравствуй, хозяинъ съ хозяюшкой,
На долгіе вѣка, на многія лѣта!

Разскажите все, что здѣсь нарисовано.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

25 декабря.

Когда мы проснулись сегодня, метель уже утихла и солнце свѣтило ярко. У нашихъ кроватокъ лежали подарки: я получилъ книгу съ картинками и краски, Вѣра и Надя — новыя куклы, Костя — лошадку, а Воля — барабанщика, и барабанилъ Воля до тѣхъ поръ, пока у барабанщика руки перестали подыматься.

Послѣ обѣдни, куда насъ не взяли по случаю холода, приходилъ къ намъ священникъ съ причтомъ: они пѣли, какъ родился Спаситель, какъ появилась на небѣ новая звѣзда, какъ пѣли ангелы и какъ мудрецы съ востока приходили поклониться божественному младенцу. Видно, тамъ, гдѣ родился Спаситель, не было такъ холодно, какъ у насъ, если пастухи ночевали въ полѣ.

Вечеромъ къ намъ приносили звѣзду и вертепъ. Красивую звѣзду сдѣлалъ дьячекъ! Вертепъ тоже очень удался: страшная смерть ловко срубила голову злому Ироду. И подѣломъ ему — не преслѣдуй Христа, не убивай младенцевъ!

Такъ ли вы провели Рождество?

Зимній вечеръ.

Буря мглою небо кроетъ, вихри снѣжные крутя; то, какъ звѣрь, она завоетъ, то заплачетъ, какъ дитя; то по кровлѣ обветшалой вдругъ соломой зашумитъ, то, какъ путникъ запоздалый, къ намъ въ окошко застучитъ.

Зимнее утро.

Вечо̀ръ, ты помнишь, вьюга злилась; на мутномъ небѣ мгла носилась; луна, какъ блѣдное пятно, сквозь облака едва смотрѣла.... А нынче: посмотри въ окно! Подъ голубыми небесами, великолѣпными коврами, блестя на солнцѣ, снѣгъ лежитъ; прозрачный лѣсъ одинъ чернѣетъ, и ель сквозь иней зеленѣетъ, и рѣчка подо льдомъ блеститъ!

Коляда на новый годъ.

Ай, во борѣ, борѣ
Сосенка стояла,
Зелена, кудрява!
Ой, Овсенъ; ой, Овсенъ!
Ѣхали бояре,
Сосенку срубили,
Дощечки пилили,
Мосточекъ мостили,
Сукномъ устилали.
Гвоздьми убивали.
Ой, Овсенъ; ой, Овсенъ!
Кому жъ, кому ѣхать
По тому мосточку?
Ѣхать тамъ Овсену
Да новому году!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1-го января.

Вчера вечеромъ у насъ были гости: встрѣчали но-

вый годъ. Но я не дождался двѣнадцати часовъ и заснулъ, не раздѣвшись. Сегодня всѣ поздравляютъ другъ друга съ новымъ годомъ и желаютъ другъ другу счастья. Мамаша надѣла на меня новенькую рубашку. Приходили крестьянскія дѣти и обсыпали всѣхъ ячменемъ и пшеницею: желали хорошаго урожая въ новомъ году. Сегодня мы ѣдемъ въ гости къ тётушкѣ. Я знаю, что тамъ будутъ играть въ фанты, гадать и пѣть подблюдныя пѣсни. — „Какой начался сегодня годъ, спросили меня: простой или високосный?“ а я и не зналъ.

Какъ вы встрѣтили и провели первый день новаго года?

Подблюдныя пѣсни.

1) Дивная щука.

Щука шла изъ Новагорода;
Слава!
Она хвостъ волокла изъ Бѣлаозера.
Слава!
Какъ на щукѣ—чешуйка серебряная,
Слава!
Что серебряная, позолоченая;
Слава!
Какъ у щуки спина жемчугомъ сплетена;
Слава!
Какъ головка у щуки унизанная,
Слава!
А на мѣсто глазъ—дорогой алмазъ.
Слава!

2) Русскому царству слава.

Слава Богу на небѣ!
Слава!
Государю нашему на всей землѣ;
Слава!
Чтобы нашему Государю не старѣться,
Слава!
Его цвѣтному платью не изнашиваться,
Слава!
Его добрымъ конямъ не изъѣзживаться
Слава!
Его вѣрнымъ слугамъ не измѣниваться;
Слава!
Чтобы правда была на Руси,
Слава!
Краше солнца свѣтла;
Слава!
Чтобъ большимъ-то рѣкамъ
Слава!
Слава неслась до моря,
Слава!
Малымъ-то рѣчкамъ — до мельницы,
Слава!
А эту пѣсню мы хлѣбу поемъ,
Слава!
Хлѣбу поемъ, хлѣбу честь воздаемъ,
Слава!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

6-го января.

Вчера мы обѣдали очень поздно, при свѣчахъ: до-

жидались святой воды. Ночью былъ страшный морозъ; я самъ слышалъ, какъ трещало. Говорятъ, что въ саду нашли двухъ замёрзшихъ воронъ. Даже и меня не взяли сегодня на Іорданъ—такъ холодно!

Приходилъ священникъ съ причтомъ: кропили весь домъ святой водой и пѣли, какъ Іоаннъ Предтеча крестилъ Спасителя въ Іорданѣ, какъ сходилъ Духъ Святой въ видѣ голубя и какъ слышенъ былъ съ неба голосъ Бога Отца. Дьячекъ нарисовалъ у насъ на дверяхъ большой красный крестъ.

Сердце сжимается, какъ подумаешь, что завтра классы. Но мамаша говоритъ, что если бы я все гулялъ, то и праздники не были бы для меня такіе весёлые. Какъ бы разсчитать, далеко-ли до масляницы?

Таково ли было крещеніе въ этомъ году? Разскажите, какъ крестился Спаситель?

Крещенскій вечеръ.

Разъ въ крещенскій вечерокъ
Дѣвушки гадали:
За ворота башмачокъ,
Снявъ съ ноги, бросали;
Снѣгъ пололи, подъ окномъ
Слушали, кормили
Счетнымъ курицу зерномъ,
Ярый воскъ топили;
Въ чашу съ чистою водой
Клали перстень золотой,
Серги изумрудны;
Разстилали бѣлый платъ;
И надъ чашей пѣли въ ладъ
Пѣсенки подблюдны.

Силенъ морозъ: бревна рветъ, на лету птицу бьетъ.— Въ морозъ заснуть легко, проснуться трудно. — Трещи, не трещи: прошли водокрещи!

2-го февраля.

Сегодня большой праздникъ — Срѣтеніе Господне. Отецъ прочёлъ намъ изъ Евангелія, какъ Симеонъ Богопріимецъ встрѣтилъ Спасителя въ храмѣ. Бабушка при этомъ заплакала и всѣхъ насъ перецѣловала. Я долго потомъ думалъ: отъ чего это заплакала бабушка?

Зима начинаетъ надоѣдать. Дни замѣтно стали длиннѣе, но солнышко всё ещё плохо грѣетъ. Масляница близёхонько. Въ прошломъ году она была ранѣе. — Ахъ, еслибъ весна приходила поскорѣе?

Дуй, не дуй! не къ Рождеству пошло, къ Велику дню.—Февраль три часа дня прибавитъ.—Февраль воду подпуститъ, мартъ подберетъ.—Солнце на лѣто—зима на морозъ.

Весна.

Ожиданіе весны.

На зимнихъ поляхъ не ищите цвѣтовъ: всю землю одѣлъ ещё снѣжный покровъ. Подъ снѣгомъ цвѣточкамъ тепло почивать; когда же малютки проснутся опять? Не всё же морозы и вьюги одни, придутъ къ намъ и тёплые красные дни. Весна по полямъ всюду станетъ бродить: и рощу, и поле, и рѣчки будить; она, разбивая льдяные оковы, холодные сниметъ съ природы покровы, разбудитъ цвѣточки отъ долгаго сна; проглянутъ малютки и скажутъ: „весна“!

Масляница— семикова племяница.—Звалъ, позывалъ честной семикъ широкую масляницу къ себѣ погулять: на горахъ покататься, въ блинахъ поваляться.—Не все коту масляница: придетъ и великій постъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Чистый понедѣльникъ.

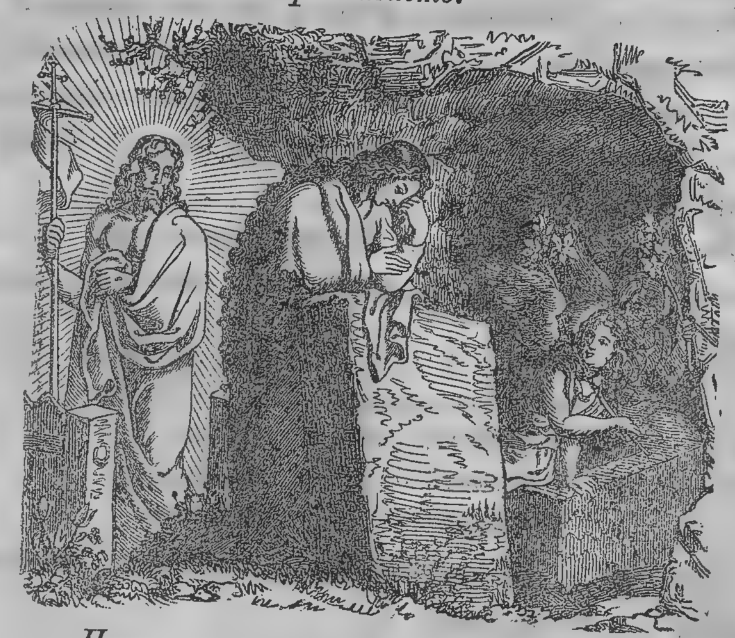
На масляницѣ мы славно повеселились: и съ горъ покатались, и блиновъ поѣли. Было шумно и весело: за то сегодня — какая тишина и въ домѣ и на улицахъ! Только слышенъ печальный и протяжный благовѣстъ. Мамаша и бабушка надѣли тёмныя платья и собираются говѣть. Приходилъ священникъ: прочёлъ молитву и поздравилъ всѣхъ съ великимъ постомъ.

Въ воздухѣ уже пахнетъ весною. Въ полдень солнышко замѣтно пригрѣваетъ; съ крышъ свѣсились брильянтовыя сосульки; снѣгъ рыхлѣетъ; въ саду показываются проталинки. Какъ бы мнѣ хотѣлось знать: будетъ-ли Пасха на снѣгу, или на зелёной травкѣ? Ученья всего шесть недѣль; на седьмую насъ распустятъ. Надя и Вѣра уже начали собирать цвѣтныя тряпочки для писанокъ. Раненько, мои милыя!

Какъ вы провели масляницу? Что вы знаете о великомъ постѣ?

Заговляюсь на хрѣнъ, на рѣдьку да на бѣлую ка-

пусту. — Недѣля средокрестная — переломъ поста. — Щука хвостомъ ледъ разбиваетъ.

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Вербное Воскресенье.

Вотъ и пролетѣло шесть недѣль поста! Вчера нашу школу распустили. Когда я пришёлъ домой, отецъ спросилъ меня: „когда воскресенье бываетъ въ субботу?“ Я не зналъ; а выходитъ, что на вербной недѣлѣ въ субботу празднуется воскресеніе Лазаря.

Сегодня всѣ наши, кромѣ дѣтей, ходили очень рано къ заутренѣ. Когда мамаша и бабушка воротились домой съ вербами, то нашли насъ еще въ постеляхъ: стали

насъ, шутя, вербами бить и приговаривать: „не я бью, верба бьётъ — вставайте, дѣти, и будьте здоровы!“

Вскочили мы, а у насъ, у каждаго, за кроваткой заткнуто по вербочкѣ, съ румянымъ восковымъ херувимчикомъ! Херувимчики были похожи на Надю — такіе же толстушки!

Но вотъ что хорошо! На вербочкахъ ужъ есть пушистые барашки, а сегодня у насъ выставили первую раму!

Выставляется первая рама!
И въ комнату шумъ ворвался,
И благовѣстъ ближняго храма,
И говоръ народа, и стукъ колеса.

Такъ ли вы провели Вербное воскресенье? Что празднуется въ этотъ день?

Призывъ весны.

Весна, весна красная!
Приди, весна, съ радостью, радостью,
Съ великою милостью: со льномъ высокимъ,
Съ корнемъ глубокимъ,
Съ хлѣбомъ обильнымъ!

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Страстной понедѣльникъ.

Сегодня начали мы съ папашей говѣть: ходимъ къ заутренѣ, къ часамъ и къ вечернѣ. Священникъ въ чёрныхъ ризахъ. Когда онъ читаетъ молитву: „Господи, Владыко живота моего!“ всѣ кладутъ земные поклоны.

Солнышко каждый день работаетъ прилежно. Дороги испортились; снѣгъ проваливается; вездѣ лужи; лёдъ на рѣкѣ почернѣлъ; у береговъ полыньи; на припёкѣ, какъ будто, зеленѣетъ травка; на деревьяхъ почки вздулись: въ водостокахъ шумятъ ручейки.

Какіе успѣхи сдѣлала ваша весна къ этому дню?

Весеннія воды.

Ещё въ поляхъ бѣлѣетъ снѣгъ.
А воды ужъ весной шумятъ;
Бѣгутъ и будятъ сонный брегъ,
Бѣгутъ, и блещутъ, и гласятъ;

Онѣ гласятъ во всѣ концы:
«Мы молодой весны гонцы,
«Она насъ выслала впередъ...
«Весна идётъ! весна идётъ!»

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Страстной четвергъ.

Вчера я исповѣдывался во второй разъ въ моей жизни. Со страхомъ пошёлъ я за ширмочки, гдѣ сидѣлъ священникъ въ чёрной эпитрахили. Передъ нимъ, на налоѣ, лежали крестъ и Евангеліе.

Сегодня я пріобщался и цѣлый день не бѣгалъ, а всё сидѣлъ возлѣ бабушки и читалъ ей Евангеліе.

Вечеромъ мы ходили на Страсти. Священникъ посереди церкви читалъ, какъ страшно мучили Спасителя. Не даромъ, послѣ каждаго Евангелія, на клиросѣ славили долготерпѣніе Твое, Господи! Всѣ мы стояли съ зажжёнными свѣчами. Кончилъ священникъ тѣмъ, какъ похоронили Спасителя и приставили стражу къ Его гробу.

Трудно было выстоять всѣ двѣнадцать Евангелій; но я выстоялъ. Вечеръ былъ тихій, и мнѣ удалось безъ фонаря донести домой зажжённую страстную свѣчу. Бабушка взяла у меня свѣчу и выжгла на дверяхъ кресты.

Такъ ли вы говѣли? такъ ли вы ходили на страсти?

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Страстная пятница.

Сегодня я былъ на выносѣ плащаницы и ходилъ со свѣчою вокругъ церкви. День былъ ясный: солнышко сильно грѣло; птички носились у церковной крыши и весело щебетали. Свѣчи наши тихо теплились, и мнѣ

было какъ-то грустно, но пріятно слушать, какъ прекрасный Іосифъ обвилъ чистою плащаницею тѣло Спасителя.

Мы не прикладывались сегодня къ плащаницѣ, потому что не вытерпѣли — и утромъ напились чаю.

Снѣгъ ещё бѣлѣетъ кое-гдѣ въ тѣни; но на дворѣ у насъ совсѣмъ сухо, и весело идти по сухой землѣ. На рѣкѣ только чернѣетъ бывшая дорога. Вотъ бы теперь по ней проѣхаться! Переправы уже два дня нѣтъ. Милое солнышко! работай прилежнѣе: помни, что послѣзавтра праздникъ.

Какъ вы провожали плащаницу? Какіе успѣхи сдѣлала ваша весна?

Сегодня не таетъ, а завтра Богъ знаетъ. — Вѣтеръ снѣгъ съѣдаетъ. — Весна и осень на пѣгой кобылѣ ѣздятъ. — Весенній ледъ толстъ, да простъ; осенній тонокъ, да цѣпокъ.

Страстная суббота.

Рано утромъ, до чаю, ходили мы приложиться къ плащаницѣ. Утро было ясное, но маленькій морозъ затянулъ лужицы льдомъ. Я всякій разъ пробью ледокъ ногою: хочу помочь солнышку.

Плащаница лежитъ посреди церкви; кругомъ горятъ большія свѣчи. Кто это положилъ на плащаницу души-

стый вѣнокъ? По угламъ плащаницы вышиты золотомъ терновый вѣнокъ, трость и копьё. Я знаю, зачѣмъ они здѣсь.

Я видѣлъ уже сегодня куличъ и пасху. Бабушка приготовила по пасочкѣ каждому изъ насъ, и всѣ подъ ростъ; моя, конечно, больше всѣхъ.

Ахъ, какая радость! лёдъ на рѣкѣ тронулся. Весело смотрѣть, какъ плывутъ громадныя льдины: шумятъ, сталкиваются, тѣснятся, взбираются одна на другую. Прощайте, льдинки, до будущаго года!

Такая ли у васъ въ церкви плащаница? Когда вскрылась ваша рѣка?

Что нарисовано на этой картинкѣ?

Свѣтлое воскресеніе.

Я рѣшился не спать эту ночь; но когда стемнѣло, братья и сёстры заснули, то и я, сидя въ креслахъ, задремалъ, хоть и зналъ, что въ залѣ накрывали большой столъ чистою скатертью и разставляли пасхи, куличи, крашенки и много-много хорошихъ вещей.

Ровно въ полночь ударили въ соборѣ въ большой колоколъ; въ другихъ церквахъ отвѣтили, и звонъ разлился по всему городу. На улицахъ послышалась ѣзда экипажей и людской говоръ. Сонъ мигомъ соскочилъ съ меня, и мы всѣ отправились въ церковь.

На улицахъ темно; но церковь наша горитъ тысячами огней и внутри, и снаружи. Народу валитъ столько, что мы едва протѣснились. Мамаша не пустила меня съ крестнымъ ходомъ вокругъ церкви. Но какъ обрадовался я, когда наконецъ за стеклянными дверьми священники появились въ блестящихъ ризахъ и запѣли: *„Христосъ воскресе изъ мертвыхъ!“* Вотъ ужъ именно изъ праздниковъ праздникъ!

Послѣ ранней обѣдни пошли святить пасхи, и чего только не было наставлено вокругъ церкви!

Мы воротились домой, когда уже разсвѣтало. Я похристосовался съ нашею нянею: она, бѣдняжка, больна и въ церковь не ходила. Потомъ всѣ стали разговляться; но меня одолѣлъ сонъ.

Когда я проснулся, яркое солнышко свѣтило съ неба и по всему городу гудѣли колокола.

Такъ ли вы встрѣтили и провели Свѣтлый Праздникъ?

Христосъ Воскресъ.

Повсюду благовѣстъ гудитъ,
Изъ всѣхъ церквей народъ валитъ;
Заря глядитъ уже съ небесъ...
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

* * *

Съ полей ужъ снятъ покровъ снѣговъ,
И рѣки рвутся изъ оковъ,
И зеленѣетъ ближній лѣсъ...
Христосъ Воскресъ! Христосъ воскресъ!

* * *

Вотъ просыпается земля,
И одѣваются поля...
Весна идетъ полна чудесъ!
Христосъ воскресъ! Христосъ воскресъ!

Пчёлка.

Только что по проталинкамъ весеннимъ показались ранніе цвѣточки, какъ изъ царства восковаго, изъ душистой келейки медовой вылетаетъ первая пчёлка. Полетѣла по раннимъ цвѣточкамъ о красной веснѣ развѣдать: скоро-ли луга зазеленѣютъ, распустятся клейкіе листочки, зацвѣтётъ черемуха душиста?

Ласточка.

Травка зеленѣетъ,
Солнько блеститъ;
Ласточка съ весною
Въ сѣни къ намъ летитъ.

Съ нею солнце краше,
И весна милѣй...
Прощебечь съ дороги
Намъ привѣтъ скорѣй!

Дамъ тебѣ я зеренъ;
А ты пѣсню спой,
Что изъ странъ далекихъ
Принесла съ собой.

Изъ дѣтскихъ воспоминанiй.

(Радоница).

Бабушка и мамаша взяли меня и двухъ сестёръ на кладбище. Тамъ, подъ крестами, много спитъ нашихъ родныхъ: тамъ и моя сестрёнка—Лиза. Какъ обросла травою ея маленькая могилка!

Повсюду проглянули желтые одуванчики, а длинныя космы плакучихъ берёзъ будто осыпаны зелёнымъ пухомъ. Пташки носятся и щебечутъ: та тащитъ соломенку, та пёрышко—видно принялись онѣ вить гнѣзда. За кладбищемъ крестьяне уже пашутъ яровое поле.

Что такое Радоница? Успѣхи вашей весны къ этому дню?

Пѣсня пахаря.

Ну, тащися, сивка, пашней-десятиной! Выбѣлимъ желѣзо о сырую землю. Красавица зорька въ небѣ загорѣлась, изъ большаго лѣса солнышко выходитъ. Весело на пашнѣ! Ну, тащися, сивка!... Я самъ-другъ съ тобою, слуга и хозяинъ. Весело я лажу борону и соху, телѣгу готовлю, зёрна насыпаю. Весело гляжу я на гумно, на скирды, молочу и вѣю. Ну, тащися, сивка!... Пашенку

мы рано съ сивкою распашемъ: зёрнышку сготовимъ колыбель святую. Его вспоитъ, вскормитъ мать земля сырая; выйдетъ въ полѣ травка... Ну, тащися, сивка!... Выйдетъ въ полѣ травка, выростетъ и колосъ: станетъ спѣть, рядиться въ золотыя ткани. Заблеститъ нашъ серпъ здѣсь, зазвенятъ здѣсь косы: сладокъ будетъ отдыхъ на снопахъ тяжёлыхъ! Ну, тащися, сивка!.... Накормлю до-сыта, напою водою, водой ключевою. Съ тихою молитвой я вспашу, посѣю: уроди мнѣ, Боже, хлѣбъ—мое богатство!

Орёлъ и ворона.

Жила была на Руси ворона, съ нянькам, съ мамками, съ малыми дѣтками, съ ближними сосѣдками. Прилетѣли гуси, лебеди, нанесли яицъ; а ворона стала ихъ обижать, стала у нихъ яички таскать.

Случилось сычу мимо летѣть, и видитъ онъ, что ворона птицъ обижаетъ, полетѣлъ и сказалъ орлу: „Батюшка, сизый орёлъ! дай намъ праведный судъ на воровку ворону“.

Сизый орёлъ послалъ за вороной лёгкаго посла, воробья. Воробей полетѣлъ, захватилъ ворону; она было упираться, а онъ давай ее пинками, и поволокъ таки къ орлу.

Вотъ сталъ орёлъ ворону судить: „Ахъ ты, воровка ворона, глупая голова! Про тебя говорятъ, что ты на

чужое добро ротъ разѣваешь: у большихъ птицъ яйца таскаешь“.

—Напраслина, батюшка, сизый орёлъ, напраслина Это всё слѣпой сычъ, старый хрычъ, про меня навралъ.

„Про тебя сказываютъ, говоритъ орёлъ: что выйдетъ мужикъ сѣять, а ты выскочишь со всѣмъ своимъ содомомъ—и ну разгребать“.

—Напраслина, батюшка, сизый орёлъ, напраслина!

„Да еще сказываютъ: станутъ бабы снопы класть, а ты совсѣмъ своимъ содомомъ выскочишь—и ну снопы ворошить“.

—Напраслина, батюшка, сизый орёлъ, напраслина!

Осудилъ орёлъ ворону въ острогъ посадить.

Весеннее утро пахаря.

Весеннее солнце взошло надъ землей; пахарь ужъ въ полѣ идётъ за сохой. Тихо идётъ онъ и громко поётъ: „Кто-то весною, какъ пахарь, живётъ!“

Пахарь и цвѣтокъ.

Цвѣтокъ смиренный полевой!
Въ недобрый часъ ты встрѣченъ мной.
Какъ велъ я плугъ, твой стебелекъ
Былъ на пути...
Краса долины! я не могъ
Тебя спасти.

* *
*

Ты скромно въ зелени мелькалъ,
Какъ синенькій глазокъ; ты ждалъ
Привѣта солнышка — и вдругъ,
Тебя скосилъ мой острый плугъ
И погубилъ.

Орёлъ и кошка.

За деревней весело играла кошка со своими котятами. Весеннее солнышко грѣло и маленькая семья была очень счастлива. Вдругъ, откуда ни возьмись — огромный степной орёлъ: какъ молнія, спустился онъ съ вышины и схватилъ одного котёнка. Но не успѣлъ ещё орёлъ подняться, какъ мать вцѣпилась уже въ него. Хищникъ бросилъ котёнка и схватился со старой кошкой. Закипѣла битва на смерть.

Могучія крылья, крѣпкій клювъ, сильныя лапы съ длинными, кривыми когтями давали орлу большое преимущество: онъ рвалъ кожу кошки и выклевалъ ей одинъ глазъ. Но кошка не потеряла мужества, крѣпко вцѣпилась въ орла когтями и перекусила ему правое крыло.

Теперь уже побѣда стала клониться на сторону кошки; но орёлъ всё ещё былъ очень силёнъ, а кошка уже устала; однако же она собрала свои послѣднія силы, сдѣлала ловкій прыжокъ и повалила орла на землю. Въ ту же минуту откусила она ему голову и, забывъ свои собственныя раны, принялась облизывать своего израненнаго котёнка.

Сравните орла съ кошкой.

Вечерняя заря весною.

Слети къ намъ, тихій вечеръ,
На мирныя поля;
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря.

* * *

Темнѣетъ ужъ въ долинѣ,
И ночи близокъ часъ;
На маковкѣ березы
Послѣдній лучъ угасъ.

Какъ тихо всюду стало,
Какъ воздухъ охладѣлъ!
И въ ближней рощѣ звонко,
Ужъ соловей пропѣлъ.

* * *

Слети-жъ къ намъ, тихій вечеръ,
На мирныя поля!
Тебѣ поемъ мы пѣсню,
Вечерняя заря!

Въ потѣ лица твоего будешь ты ѣсть хлѣбъ твой!

Земля кормитъ человѣка, но кормитъ не даромъ. Много должны потрудиться люди, чтобы поле, вмѣсто травы, годной только для скота, дало рожь для чёрнаго хлѣба, пшеницу для булки, гречу и просо для каши.

Сначала земледѣлецъ пашетъ поле *сохою,* если не нужно пахать глубоко, или *плугомъ,* если пашетъ *новину,* или такое поле, что его пахать нужно глубже. Соха легче плуга и въ неё запрягаютъ одну лошадку. Плугъ гораздо тяжелѣе сохи, берётъ глубже, и въ него впрягаютъ нѣсколько паръ лошадей или воловъ.

Вспахано поле; всё оно покрылось большими глыбами земли. Но этого ещё мало. Если поле новое, или земля сама по себѣ очень жирна, то *навозу* не надобно; но если на *нивѣ* что-нибудь уже было сѣяно и она истощилась, то её надобно удобрить навозомъ.

Навозъ вывозятъ крестьяне на поле осенью или весною и разбрасываютъ кучками. Но въ кучкахъ навозъ мало принесётъ пользы: надобно его запахать сохою въ землю.

Вотъ навозъ перегнилъ; но сѣять всё ещё нельзя. Земля лежитъ комьями, а для зёрнушка надобно мягкую постельку. Выѣзжаютъ крестьяне на поле съ зубчатыми боронами: боронятъ, пока всѣ комья разобьются, и тогда только начинаютъ сѣять.

Сѣютъ или весною, или осенью. Осенью сѣютъ *озимый* хлѣбъ: рожь и озимую пшеницу. Весною сѣютъ яровой хлѣбъ: ячмень, овёсъ, просо, гречиху и яровую пшеницу.

Озимь всходитъ ещё съ осени, и когда на лугахъ трава уже давно пожелтѣла, тогда озимыя поля покрываются всходами, словно зелёнымъ бархатомъ. Жалко смотрѣть, какъ падаетъ снѣгъ на такое бархатное поле. Молодые листочки озими подъ снѣгомъ скоро вянутъ; но тѣмъ лучше растутъ корешки, кустятся и глубже идутъ въ землю. Всю зиму просидитъ озимь подъ снѣгомъ, а весною, когда снѣгъ сойдетъ и солнышко пригрѣетъ, пуститъ новые стебельки, новые листки, крѣпче, здоровѣе прежнихъ. Дурно только, если начнутся морозы прежде, чѣмъ ляжетъ снѣгъ; тогда, пожалуй, озимь можетъ вымерзнуть. Вотъ почему крестьяне боятся морозовъ безъ снѣгу, и не жалѣютъ, а радуются, когда озимь прикрывается на зиму толстымъ снѣжнымъ одѣяломъ.

Какъ обработываютъ и сѣютъ хлѣбъ?

Поле и школа.

Люди пашутъ поле, зерномъ посыпаютъ: дѣти ходятъ въ школу слово Божье слушать. Зёрнышко ложится въ мягкую землицу: слово Божье входитъ въ души молодыя. Дождёмъ землю смочитъ, солнышкомъ пригрѣетъ: умнымъ словомъ, лаской душу согрѣваютъ. Подъ землёй, въ потёмкахъ не улежатъ зёрна: не загинетъ въ сердцѣ доброе ученье. Выглянутъ посѣвы яриной зелёной: скажется ученье умными рѣчами. Поле обольётся жатвой золотистой: взойдетъ Божье слово добрыми дѣлами. Господи, пошли намъ въ пору дождь и вёдро! Отче, возрасти въ насъ сѣмена благія!

Сравните то, что дѣлается на полѣ, съ тѣмъ, что дѣлается въ школѣ.

Посѣвъ льна.

Ужъ я сѣяла, сѣяла ленокъ,
Я сѣяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся, ленокъ!
Ты удайся, мой бѣленькій ленокъ!
Лёнъ мой, лёнъ!
Бѣлый лёнъ!

* * *

Я полола-полола ленокъ,
Я полола, приговаривала,
Чеботами приколачивала...
(Повторяется тотъ же припѣвъ)

* * *

Ужъ я дёргала-дёргала ленокъ;
Я дёргала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Ужъ я стлала, я стлала ленокъ,
Ужъ я стлала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Я сушила-сушила ленокъ;
Я сушила, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Ужъ я мяла-то, мяла ленокъ,
Ужъ я мяла, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Я трепала-трепала ленокъ,
Я трепала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Я чесала-чесала ленокъ,
Я чесала, приговаривала,
Чеботами приколачивала...

* * *

Ужъ я пряла-то пряла ленокъ.
Ужъ я пряла, приговаривала;
Чеботами приколачивала:
Ты удайся, удайся ленокъ!
Ты удайся, мой бѣленькій ленокъ!
Лёнъ мой, лёнъ!
Бѣлый лёнъ!

Обезьяна.

Крестьянинъ на зарѣ съ сохой надъ полосой своей трудился; трудился такъ, крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился: мужикъ работникъ былъ прямой. За то, кто мимо ни проходитъ, отъ всѣхъ ему: спасибо, исполать! Мартышку это въ зависть вводитъ. Хвалы приманчивы — какъ ихъ не пожелать! Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ, и ну, надъ нимъ возиться! Хлопотъ Мартышкѣ полонъ ротъ: чурбанъ она то понесётъ, то такъ, то сякъ его обхватитъ, то поволочитъ, то покатитъ; рѣкой съ бѣдняжки льётся потъ, и наконецъ она, пыхтя, насилу дышетъ; а все ни отъ кого похвалъ себѣ не слышитъ.

И не диковинка, мой свѣтъ! Трудишься много ты, да пользы въ этомъ нѣтъ.

Что нарисовано на этой картинкѣ?
Не приходитъ Вознесенье въ среду, а въ четвергъ.

Май.

Дождалися мы свѣтлаго мая;
Цвѣты и деревья цвѣтутъ;
И по небу синему, тая,
Румяныя тучки плывутъ.

Троицынъ день.

Рано мы проснулись сегодня. Мы знали, что у насъ на дворѣ цѣлый возъ молоденькихъ берёзокъ и что надобно разставлять ихъ и по двору, и на воро-

тахъ, и на крыльцѣ, и въ комнатахъ по угламъ, и за образами, гдѣ ещё торчатъ высохшія вербочки. Чуть-чуть накрапываетъ весенній тёплый дождикъ, отчего липкіе листочки на берёзѣ ещё ярче и душистѣй. Правду говорятъ, что Троицынъ день—зелёный праздникъ.

Мнѣ и двумъ старшимъ сёстрамъ поручили нарвать букеты въ церковь; я наломалъ душистой сирени и нашелъ одно *счастье* о девяти листочкахъ.

Въ церкви на полу набросана трава, свѣжія вѣтки нависли на образа. У всѣхъ въ рукахъ цвѣты или хоть какая-нибудь вѣточка. У одной бѣдной дѣвочки не было ничего. Костя отдалъ ей свой букетъ. Какой добрякъ, нашъ маленькій Костя!

Завтра Духовъ день, а сегодня гремѣлъ первый громъ.

Какъ вы провели Троицынъ день? Что празднуется въ Духовъ день?

Весенняя гроза.

Люблю грозу въ началѣ мая,
Когда весенній первый громъ,
Какъ-бы рѣзвяся и играя,
Грохочетъ въ небѣ голубомъ.
Гремятъ раскаты молодые...
Вотъ дождикъ брызнулъ, пыль летитъ.
Повисли перлы дождевые,
И солнце нивы золотитъ.
Съ горы бѣжитъ потокъ проворный,
Въ лѣсу не молкнетъ птичій гамъ,
И гамъ лѣсной, и шумъ нагорный,
Все вторитъ весело громамъ...

Майское утро.

Утро свѣжестью пахнуло; поле зеленью одѣто; сквозь волнистые туманы улыбнулось уже лѣто.

Выхожу я въ лѣсъ сосѣдній; тамъ, подъ зеленью тѣнистой, ужъ разцвѣлъ питомецъ мая—ландышъ бѣлый и душистый.

И кругомъ ковёръ зелёный, въ золотистыхъ переливахъ; и роса въ алмазныхъ капляхъ — на деревьяхъ и на нивахъ.

Лѣто.

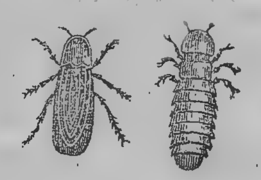
Лѣтомъ.

Всю щедрую руку Создатель открылъ,
И рощи, и нивы богатствомъ залилъ.
Одѣты деревья, одѣты кусты,
Кругомъ по травѣ запестрѣли цвѣты.
Привольно стадамъ на зелёныхъ лугахъ;
Привольно и рыбкѣ въ прохладныхъ струяхъ.
Въ садахъ между листьевъ желтѣютъ плоды
И пахаря зрѣютъ на нивахъ труды.
Въ лугу ужъ звенитъ и сверкаетъ коса,
А въ рощицѣ птичьи твердятъ голоса:
«Какъ славно здѣсь, мальчикъ, въ прохладной тѣни!
«Иди къ намъ скорѣй, на травѣ отдохни;
«Послушай, какую мы пѣсню поёмъ,
«Какъ щедрому лѣту хвалу воздаёмъ».
—«Не лѣто хвалите», имъ мальчикъ сказалъ:
«Хвалите Того вы, Кто лѣто вамъ далъ!»

Ивановскій червячокъ.

Насталъ Ивановъ день, и свѣтлякъ зажёгъ свой фонарикъ. Словно зелёная звѣздочка блеститъ онъ въ темнотѣ и падаетъ съ травки на травку.

— Поймаемъ его и положимъ въ стаканъ съ травой. Отчего же это свѣтлякъ потушилъ свой фонарикъ? Не задавили ли мы бѣдняка? Нѣтъ, онъ только испугался; а вотъ теперь опять засвѣтилъ попрежнему. Оставимъ же его на ночь въ покоѣ, а завтра разсмотримъ хорошенько.

— Какъ некрасивъ этотъ червякъ днёмъ! А ночью можно было подумать, что онъ брильянтовый. Его коричневое тѣльце сверху плоско, снизу выпукло: всё состоитъ изъ одинадцати колецъ. Колечки будто вдѣты одно въ другое. Подъ верхнимъ кольцомъ, какъ подъ щиткомъ, прячется головка съ чёрными усиками, съ большими чёрными глазками. Да это насѣкомое, а не червякъ: у него шесть чёрненькихъ ножекъ. Видите-ли вы эти бѣлыя пятнышки на заднихъ трехъ колечкахъ? Вотъ эти-то пятнышки и свѣтятъ въ темнотѣ.

Крылышекъ нѣтъ у нашего свѣтляка — это самочка; но у самца есть и крылышки, и тёмныя, твердыя надкрылья, какъ у всякаго жучка. Самчикъ также свѣтитъ; но онъ летаетъ отлично, и его поймать не легко.

Самка свѣтляка приклеиваетъ свои крошечныя яички

къ травинкѣ. Изъ яичекъ выходятъ *личинки*, очень похожія на мать; а къ Иванову дню жучокъ готовъ и зажигаетъ свой фонарикъ.

Опишите свѣтляка; разскажите его превращенія.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

29-го іюня.

Сегодня у меня не одинъ праздникъ, а много: я имянинникъ; вчера въ нашей школѣ былъ публичный актъ и мнѣ подарили книгу; сегодня начались каникулы; завтра мы ѣдемъ въ деревню, — а въ деревнѣ-то зелень, цвѣты, поля, рощи, птички, ягоды! Я знаю, что какъ мы пріѣдемъ въ деревню, такъ и отправимся съ папашей на сѣнокосъ. Вотъ гдѣ повеселюсь-то я вволю! Не забыть бы купить удочекъ.

Какихъ святыхъ память празднуется 29 іюня? Какъ вы провели ваши каникулы?

На лугу лѣтомъ.

(Изъ дѣтскихъ воспоминаній.)

„Сегодня, дѣти, мы всѣ ѣдемъ на сѣнокосъ“, сказалъ намъ недавно отецъ — и мы такъ раскричались и разбѣгались, что насъ насилу уняли. Я приготовилъ удочки для рыбы и сачки для раковъ, дѣвочки — корзинки для ягодъ, и послѣ обѣда вся наша семья отправилась на двухъ телѣгахъ.

Часа через два ѣзды по узкимъ просёлкамъ, а подъ конецъ и вовсе безъ дороги, добрались мы до своего заливнаго сѣнокоса на берегу Десны.

Когда мы пріѣхали, солнце уже садилось за мѣловыя горы, но работа ещё кипѣла по всему лугу; а лугъ-то, лугъ — и глазомъ не окинешь!

Косари въ бѣлыхъ рубахахъ дружно наступали на высокую траву, и за каждымъ быстро вытягивалась позади зелёная грядка. Подальше, крестьянки съ пѣснями сгребали въ копны сѣно, а у ольховой рощи уже складывался стогъ: два работника стояли на верху ростущаго стога и искусно складывали сѣно, а двое другихъ подавали имъ его на вилахъ. Мальчики на лошадкахъ подтаскивали къ стогу новыя копны, зацѣпивъ ихъ верёвкою; двѣ собачёнки барахтались въ сѣнѣ. Весело разносились въ воздухѣ пѣсни, смѣхъ, говоръ, лай собакъ и звонъ косы подъ ударами точильной лопатки, набитой пескомъ.

Но вотъ солнце сѣло; стало темнѣть; на западѣ разгорѣлась заря: журавли съ крикомъ пронеслись въ вышинѣ; пролетѣла вереница дикихъ утокъ на ночлегъ; въ ближнемъ озерѣ, что осталось послѣ разлива, хоромъ заквакали лягушки; ночные кузнечики затрещали.

Работы прекратились. На берегу запылали костры, отражаясь въ водѣ; чёрные котлы повисли надъ огнями, а вокругъ ихъ задвигались люди, точно громадныя тѣни.

Молодые ребята отправились съ огнёмъ щупать ра-

ковъ; одинъ удалецъ взялъ въ руки двѣ горящія головни и прокатился съ ними огненнымъ колесомъ по скошенному лугу. Палатки наши разбили и мы, набѣгавшись вволю, уснули на душистомъ сѣнѣ. Я попросилъ разбудить себя пораньше: утромъ рыба лучше клюётъ.

Что вы видѣли на сѣнокосѣ? разскажите и сравните съ тѣмъ, что прочли.

Сѣнокосъ.

Пахнетъ сѣномъ надъ лугами;
Пѣсней душу веселя,
Бабы съ граблями, рядами
Ходятъ, сѣно шевеля.
Тамъ сухое убираютъ:
Мужички его кругомъ
На возъ вилами кидаютъ...
Возъ ростётъ, ростётъ, какъ домъ.

Въ ожиданьи конь убогій,
Точно вкопанный, стоитъ:
Уши врозь, дугою ноги,
И, какъ будто, стоя, спитъ.
Только жучка удалая,
Въ рыхломъ сѣнѣ, какъ въ волнахъ,
То взлетая, то ныряя,
Скачетъ, лая въ попыхахъ.

Пѣсня косаря.

Раззудись плечо!
Размахнись рука!
Ты пахни въ лицо
Вѣтеръ съ полудня;
Освѣжи, взволнуй
Степь просторную!
Зажужжи коса,
Засверкай кругомъ!
Зашуми трава,

Подкошеная;
Поклонись цвѣты
Головой землѣ!
Наряду съ травой
Вы засохнете,
Нагребу копёнъ,
Намечу стоговъ;
Дастъ козачка мнѣ
Денегъ пригоршни.

Рыбка.

Жарко.... а въ рѣчкѣ, въ прибрежной тѣни, рѣзвыя рыбки стадами гуляютъ; въ свѣжихъ струяхъ такъ свободно онѣ ищутъ добычи, иль вольно играютъ. Вонъ посмотрите, какъ рыбка одна бойко рѣзвится у самаго дна.

Рыбочка-рыбочка, пожалуй рѣзвись, только стальнаго крючка берегись: съ удочкой мальчикъ подъ ивой сидитъ и за лесою прилежно слѣдитъ.

Рыбкѣ не видѣнъ коварный крючокъ: лакомый вьётся на нёмъ червячокъ. Быстро схватила насадку она, съ нею нырнула до самаго дна. Мальчикъ проворно бѣдняжку подсѣкъ, дёрнулъ.... Ну, рыбка, твой кончился вѣкъ!

Опишите удочку и рыбную ловлю.

Ивушка.

Ивушка, ивушка зелёная моя!
Что же ты, ивушка, не весела стоишь?
Или тебя, ивушку, солнышкомъ печётъ;
Солнышкомъ печётъ, частымъ дождичкомъ сѣчётъ;
Подъ корешокъ ключева вода течётъ?

* * *

Ѣхали бояре изъ Новагорода:
Срубили ивушку подъ самый корешокъ;
Стали они ивушку потёсывати;
Сдѣлали изъ ивушки два весла,
Два весла, третью лодочку;

Сѣли въ лодочку, поѣхали домой.
Взяли, подхватили меня, молодца, съ собой.

Ворона и Ракъ.

Летѣла ворона надъ озеромъ; смотритъ — ракъ ползётъ: цапъ его! сѣла на вербѣ и думаетъ закусить. Видитъ ракъ, что приходится пропадать, и говоритъ: „ай ворона! ворона! зналъ я твоего отца и мать, что за славныя были птицы.“ — Угу! говоритъ ворона, не раскрывая рта. „И сестёръ, и братьевъ твоихъ зналъ— отличныя были птицы!“—Угу! опять говоритъ ворона. —„Да хоть хорошія были птицы, а всё же далеко до тебя“. — Ага! каркнула ворона во весь ротъ и уронила рака въ воду.

Левъ и Лягушка.

Слышитъ левъ кваканье лягушки и думаетъ: „большой, должно быть, звѣрь кричитъ“. Выскочила лягушка изъ болота, и левъ нечаянно раздавилъ ее лапой.

До солнца пройди три покоса, ходить будешь не босо.—Снѣгу надуетъ, хлѣба прибудетъ: вода разольется, сѣна наберется.

Лягушка и Волъ.

Лягушка, на лугу увидѣвши вола, затѣяла сама въ дородствѣ съ нимъ сравняться. Она завистлива была —

и ну топорщиться, пыхтѣть и надуваться. „Смотри-ка, квакушка, что буду ль я съ него?“ подругѣ говоритъ.— „Нѣтъ, кумушка, далеко!“ — „Гляди же, какъ теперь раздуюсь я широко... Гу, каково? пополнилась ли я?“— „Почти что ничего“. — „Ну, какъ теперь?“ — „Все тожъ“. Пыхтѣла, да пыхтѣла, и кончила моя затѣйница на томъ, что, не сравнявшися съ воломъ, съ натуги лопнула и—околѣла.

Волчьи слезы.

Провѣдалъ волкъ, что у пастуха пало все стадо; пришелъ къ нему со слезами на глазахъ и говоритъ: „жаль мнѣ тебя, добрый человѣкъ!“ Посмотрѣлъ пастухъ на волчьи слезы и молвилъ: „Спасибо, кумъ! Но кто тебя знаетъ, отчего ты плачешь: оттого ли, что тебѣ жаль меня, или оттого, что тебѣ самому нечѣмъ теперь поживиться?“

Лѣтнее утро.

Ночка укатила за лѣса, за горы; утренней прохладой въ воздухѣ пахнуло; сѣрые туманы поднялись въ лощинахъ; звѣздочки погасли одна за другою. Молодикъ рогатый поблѣднѣлъ и меркнетъ; съ высоты небесной видитъ онъ, что тучки всѣ бѣгутъ къ востоку и, завидѣвъ солнце, въ пурпуръ золотистый, въ серебристы ткани спѣшатъ нарядиться.

Вотъ и показалось! Весело и бодро на небо всплы-

ваетъ солнце золотое. Яркими лучами будитъ оно рѣчку, поле, лугъ и рощу; будитъ птицъ на вѣткахъ, будитъ звѣря въ чащѣ; будитъ и букашку, что во мху зелёномъ заспалась немного. Говоритъ всѣмъ кротко солнце золотое: „отдохнули, полно—пора и за дѣло!“

За ночь всё вздохнуло отъ денной работы: и поля, и нивы подъ росой студеной полны новой силы, свѣжи, серебристы. Листья на деревьяхъ, травка на покосахъ, колосокъ на полѣ... всё пріободрилось. Пташки пробудились, стали голосистѣй, веселѣй за дѣло прежнее берутся. Коротка ночь лѣтомъ, да богата силой!

Дѣточки проснулись, кинули постельки; вволю отдохнули члены молодые; ножки хотятъ бѣгать; ручки просятъ дѣла; въ головкахъ кудрявыхъ, словно пчёлки въ ульяхъ, мыслишки роятся. Дѣточки одѣлись, студёной водицей личики умыли; Богу помолились, въ школу собралися. Вотъ бѣгутъ, щебечутъ, словно птички въ полѣ; весело берутся за свои дѣлишки. Солнце смотритъ съ неба на прилежныхъ дѣтокъ, говоритъ имъ кротко: „помогай вамъ, Боже!“

Путешествіе воды.

1. Кому только не нужна вода! И травкѣ, и звѣрю, и птицѣ, и человѣку. Вотъ почему Богъ наполнилъ водою большія моря и океаны.

Но въ моряхъ вода горькая и солёная, да не всѣ

и живутъ у самаго моря. Какъ же очистить воду? Какъ перенесть её за тысячи верстъ? Какъ поднять на высокія горы?

Работу эту задалъ Господь прилежному солнышку. Своими тёплыми лучами передѣлываетъ солнышко воду въ лёгкіе пары. Водяные пары оставляютъ соль въ морѣ, поднимаются кверху и кажутся намъ серебряными облаками на голубомъ небѣ.

2. Подымутся пары облаками; но не стоять же имъ надъ моремъ! Выходитъ тутъ на работу вѣтеръ и разноситъ громадныя облака, какъ лёгкія пёрышки, во всѣ стороны свѣта бѣлаго. Въ каждомъ такомъ облакѣ такъ много воды, что если бы она вся разомъ хлынула на землю, то затопила бы города, сёла, людей и животныхъ. Но Господь устроилъ дѣло иначе: вода изъ облаковъ сѣется, какъ сквозь сито, мелкими каплями дождя, или замёрзаетъ, и летитъ пушистыми снѣжинками.

3. Освѣжитъ вода луга и нивы, и начнетъ просачиваться въ землю. Въ землѣ, капля за каплей, собирается она въ маленькія струйки. Струйка льнётъ къ струйкѣ, и вотъ пробьются онѣ изъ-подъ земли свѣтлымъ, холоднымъ ключомъ. Бьётъ ключъ и льётся по землѣ ручейкомъ. Пророетъ себѣ ручеёкъ русло въ землѣ и бѣжитъ, журчитъ по камешкамъ: встрѣтится съ своимъ братомъ, такимъ же говорливымъ ручейкомъ—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Бѣгутъ они вмѣстѣ; а къ нимъ по дорогѣ пристаётъ третій, четвёртый, пятый товарищъ...

Глядишь! уже порядочная рѣчка течётъ въ зелёныхъ берегахъ. Поитъ рѣчка людей и животныхъ, освѣжаетъ растенія на лугахъ, вертитъ мельничныя колёса, носитъ бревенчатые плоты и лёгкія лодки; а въ ея прохладныхъ струяхъ уже играютъ весёлыя рыбки, блестя серебристою чешуёю.

4. Бѣжитъ рѣчка, встрѣчается съ другою—сольются и побѣгутъ вмѣстѣ. Къ нимъ по дорогѣ пристанетъ третья, четвёртая... И вотъ огромная рѣка, со множествомъ притоковъ, пробѣгаетъ изъ края въ край большое государство или десятки малыхъ. Плывутъ по рѣкѣ тяжёлыя барки, нагруженныя до верху товаромъ; шумятъ пароходы; а на берегахъ стоятъ промышленныя сёла и торговые города, одинъ богаче другаго. Несётъ рѣка большія богатства изъ страны въ страну, въ далёкое море, и вноситъ въ него своимъ широкимъ устьемъ уже не маленькія лодки, а большіе корабли, одѣтые парусами, словно крыльями.

Много воды вливаетъ рѣка въ море, а солнце все работаетъ: опять подымаетъ воду въ облака и разсылаетъ её по цѣлому свѣту.

Льются вѣчно рѣки въ моря и никакъ вылиться не могутъ; черпаетъ вѣчно солнышко воду изъ морей и никакъ вычерпать не можетъ: такъ премудро устроилъ это дѣло Создатель!

Разскажите по порядку, какъ путешествуетъ вода.

Крестьянинъ и рѣка.

Крестьяне, вышедъ изъ терпѣнья отъ разоренья, что рѣчки имъ и ручейки при водопольѣ причиняли, пошли просить себѣ управы у рѣки, куда ручьи и рѣчки тѣ впадали. И было что на нихъ донесть! Гдѣ озими разрыты; гдѣ мельницы посорваны и смыты; потоплено скота, что и не счесть! А та рѣка течётъ такъ смирно, хоть и пышно; на ней стоятъ большіе города, и никогда за ней такихъ проказъ не слышно: „такъ, вѣрно, ихъ она уйметъ,“ между собой крестьяне разсуждали. Но что жъ? Какъ подходить къ рѣкѣ по-ближе стали и посмотрѣли, такъ узнали, что половину ихъ добра по ней несётъ.

Гуси и журавли.

Гуси и журавли паслись вмѣстѣ на лугу. Вдали показались охотники. Легкіе журавли снялись и улетѣли, а тяжелые гуси остались и были перебиты.

На полѣ лѣтомъ.

Весело на полѣ, привольно на широкомъ! До синей полосы далёкаго лѣса точно бѣгутъ по холмамъ разноцвѣтныя нивы. Волнуется золотистая рожь; вдыхаетъ она крѣпительный воздухъ. Синѣетъ молодой овёсъ; бѣлѣетъ цвѣтущая гречиха съ красными стебельками, съ бѣлорозовыми, медовыми цвѣточками. Подальше отъ дороги запрятался кудрявый горохъ, а за нимъ блѣднозеленая полоска льна съ голубоватыми глазками. На другой сторонѣ дороги чернѣютъ поля подъ струящимся паромъ.

Жаворонокъ трепещется надъ рожью, а острокрылый орёлъ зорко смотритъ съ вышины: видитъ онъ и крикливую перепёлку въ густой ржи, видитъ онъ и полевую мышку, какъ она спѣшитъ въ свою нору съ зёрнышкомъ, упавшимъ изъ спѣлаго колоса.

Повсюду трещатъ сотни невидимыхъ кузнечиковъ, а по дорогѣ на двухъ волахъ ползётъ скрипучій возъ съ новымъ сѣномъ и наполняетъ воздухъ благоуханіемъ.

Что сами вы видѣли лѣтомъ на полѣ? Сравните.

Горохъ завидное дѣло. — Государыня гречиха стоитъ боярыней, а хватитъ морозомъ — веди на калѣчій

дворъ.—Не вѣрь гречихѣ въ цвѣту, а вѣрь въ закрому.—Ленъ двѣ недѣли цвѣтетъ, четыре спѣетъ, на седьмую сѣмя летитъ.—На дорогѣ грязь—такъ овесъ князь.

Нива.

Нива моя, нива,
Нива золотая!
Зрѣешь ты на солнцѣ,
Колосъ наливая.
По тебѣ отъ вѣтру,
Словно въ синемъ морѣ,
Волны такъ и ходятъ,
Ходятъ на просторѣ;
Надъ тобою съ пѣсней
Жаворонокъ вьётся,
Надъ тобою туча
Грозно пронесётся.
Зрѣешь ты и спѣешь,
Колосъ наливая,
О людскихъ заботахъ
Ничего не зная.
Унеси ты, вѣтеръ,
Тучу градовую!
Сбереги намъ, Боже,
Ниву трудовую!

Орёлъ.

Орёлъ сизокрылый всѣмъ птицамъ царь. Вьётъ онъ гнѣзда на скалахъ да на старыхъ дубахъ; летаетъ высоко, видитъ далёко, на солнце, не мигаючи, смотритъ.

Носъ у орла серпомъ, когти крючкомъ; крылья длинныя; грудь на выкатъ-молодецкая.

Въ облакахъ орёлъ носится: добычу сверху высматриваетъ. Налетаетъ онъ на утку шелохвостую, на гуся краснолапаго, на кукушку обманщицу—только пёрушки посыплются.

Сравните орла съ курицей.

Соколъ въ клѣткѣ.

Растужится, расплачется младъ ясенъ-соколъ, сидючи-то въ клѣточкѣ, на серебряной нашёсточкѣ. Жалобу-то творитъ младъ-ясенъ соколъ на крылышки, на правильныя свои пёрушки: „Ой вы крылья мои, крылышки, вы правильныя мои пёрышки! уносили меня крылышки, и отъ вѣтру, и отъ вихря, отъ частаго дождя, отъ осенняго; только не унесли вы меня, крылышки, отъ невесёлой отъ неволюшки—отъ золотой отъ клѣточки, отъ серебряной отъ нашёсточки!

Засуха.

Было сухое лѣто. День за днёмъ вставало солнце на безоблачномъ небѣ. Пыль столбомъ стояла по дорогамъ. Земля затвердѣла, какъ камень, и стала трескаться. Ручейки пересохли. Цвѣты печально опустили головки, трава пожелтѣла; молодая рожь блёкнетъ. Съ грустью смотритъ земледѣлецъ на своё поле и думаетъ; „Господи! я все сдѣлалъ, что было въ моей власти: глубоко вспахалъ я ниву, прилежно взборонилъ её частою бороною,

засѣялъ полными сѣменами — теперь да будетъ Твоя святая воля!“

Что сдѣлала засуха?

Какъ въ маѣ дождь, такъ будетъ и рожь.—Поспѣешь крупнымъ зерномъ, будешь съ хлѣбомъ и виномъ. — Не земля хлѣбъ родитъ, а небо.—Не поле родитъ, а нива.

Пища растеній.

Появились облачки на свѣтломъ небѣ, взгромоздились они въ тёмныя тучи; а къ вечеру освѣжающій дождь напоилъ и луга, и нивы. Повеселѣли поблёкшія полевыя растенія; невидимо потянули они своими тоненькими корешками питательные соки изъ размякшей почвы. Трава зазеленѣла; цвѣты приподняли головки; яркіе листья на деревьяхъ жадно впиваютъ влажный воздухъ. Весело заколыхались на нивахъ и рожь, и ячмень, и пшеница: стали быстро наливаться зёрнышки въ усастыхъ колосьяхъ.

Чѣмъ питаются растенія? почему имъ нуженъ дождь?

Рожь двѣ недѣли зеленится, двѣ недѣли колосится, двѣ недѣли отцвѣтаетъ, двѣ недѣли наливаетъ, двѣ недѣли подсыхаетъ.

Урожай.

Посмотрю-пойду,
Полюбуйся,
Чтó послалъ Господь
За труды людямъ:
Выше пояса
Рожь зернистая
Дреметъ колосомъ
Почти до земли;
Словно Божій гость,
На всѣ стороны
Дню весёлому
Улыбается;
Вѣтерокъ по ней
Плывётъ-лоснится,
Золотой волной
Разбѣгается.

Кто деретъ носъ кверху.

Спросилъ мальчикъ отца: скажи, мнѣ, тятя, отчего это иной колосъ такъ и гнется къ землѣ, а другой — торчмя торчитъ?"

—Который колосъ полонъ, отвѣчалъ отецъ, тотъ къ землѣ гнется; а который пустой, тотъ и торчитъ кверху.

Новый хлѣбъ.

Вескресное солнышко садилось за рощею. Вышелъ крестьянинъ съ дѣтьми въ поле и весело взглянулъ на луга и нивы. На лугахъ стояли уже высокіе стога, а на нивахъ ещё колыхались густые и рослые хлѣба. Перекрестился крестьянинъ и сказалъ: „Божья благодать, дѣтки! Будетъ сѣнцо у скотинки, будетъ и у насъ хлѣбецъ." Сорвалъ крестьянинъ ржаной колосокъ, вытряхнулъ зёрна на ладонь, смотритъ — зёрнышко потемнѣло; по-

пробовалъ на зубъ—хруститъ. „Пора жать, дѣтки! Мать вчера подмѣла послѣднюю мучицу въ закромахъ“.

На другой день и старъ, и малъ высыпали въ поле. Стали быстро вставать снопы одинъ за другимъ; а къ вечеру уже высокія копны стояли на полѣ рядами.

Ещё жатва не была кончена, а цѣпъ уже прыгалъ на гумнѣ. Отецъ свёзъ мѣшокъ ржи на мельницу и привёзъ оттуда мягкой муки. Мать достала дрожжей, а на другой день дѣти уже ѣли душистый хлѣбъ изъ новой ржи.

Какъ узнаютъ, что рожь поспѣла, и что потомъ съ нею дѣлаютъ.

Обработка поля.

Сынъ видитъ, какъ поле отецъ удобряетъ, какъ въ рыхлую землю бросаетъ зерно, какъ поле потомъ зеленѣть начинаетъ, какъ колосъ растётъ, наливаетъ зерно. Готовую жатву подрѣжутъ серпами; снопы перевяжутъ, на ригу свезутъ, просушатъ, колотятъ, колотятъ цѣпами, на мельницѣ смелютъ и хлѣбъ испекутъ.

Держись за сошеньку, за кривую ноженьку. — Хлѣбъ на хлѣбъ сѣять — ни молотить, ни вѣять. — Навозъ отвеземъ, такъ хлѣбъ привеземъ. — Клади навозъ густо, въ амбарѣ не будетъ пусто. — Глубже пахать, больше хлѣба жевать.—Гдѣ пахарь плачетъ, тамъ жнея скачетъ.

Въ лѣсу лѣтомъ.

Нѣтъ въ лѣсу того раздолья, какъ на полѣ; но хорошо въ нёмъ въ жаркій полдень. И чего только не насмотришься въ лѣсу! Высокія, красноватыя сосны развѣсили свои иглистыя вершины, а зелёныя ёлочки выгибаютъ свои колючія вѣтви. Красуется бѣлая, кудреватая берёзка съ душистыми листочками; дрожитъ сѣрая осина; а коренастый дубъ раскинулъ шатромъ свои вырѣзные листья. Изъ травы глядитъ бѣленкій глазокъ земляники, а рядомъ уже краснѣетъ душистая ягодка.

Бѣлыя серёжки ландыша качаются между длинными, гладкими листьями. Гдѣ-то рубитъ крѣпконосый дятелъ; кричитъ жалобно жёлтая иволга; отсчитываетъ года бездомная кукушка. Сѣрый зайчикъ шмыгнулъ въ кусты, высоко между вѣтвями мелькнула пушистымъ хвостомъ цѣпкая бѣлка. Далеко въ чащѣ что-то трещитъ и ломится: ужъ не гнётъ-ли дугъ косолапый Мишка?

Какія растенія, какихъ звѣрей и птицъ вы сами видѣли въ лѣсу?

Споръ деревьевъ.

Заспорили деревья про-между себя: кто изъ нихъ лучше? Вотъ дубъ говоритъ: „Я всѣмъ деревамъ царь!

Корень мой глубоко въ землю ушёлъ, стволъ въ три обхвата, верхушка въ небо смотрится; листья у меня вырѣзные, а сучья будто изъ желѣза вылиты. Я не кланяюсь бурямъ, не гнусь передъ грозою.“

Услышала яблоня, какъ дубъ хвастаетъ, и молвила: „не хвастай много, дубище, что ты великъ и толстъ: за то растутъ на тебѣ одни жёлуди, свиньямъ на потѣху; а моё-то румяное яблочко и на царскомъ столѣ бываетъ.“

Слушаетъ сосенка, иглистой верхушкой качаетъ: „погодите, говоритъ, похваляться; вотъ придётъ зима и будете вы оба стоять голёшеньки, а на мнѣ всё же останутся мои зелёныя колючки; безъ меня въ холодной сторонѣ житья бы людямъ не было; я имъ и печки топлю, и избы строю.“

Сравните дубъ съ яблоней, березу съ сосной, сосну съ елкой.

Чудная бѣлка.

Градъ на островѣ стоитъ
Съ златоглавыми церквами,
Съ теремами да садами.
Ель растётъ передъ дворцомъ,
А подъ ней хрустальный домъ;
Бѣлка тамъ живётъ ручная,
Да затѣйница какая!
Бѣлка пѣсенки поётъ,
Да орѣшки всё грызётъ;
А орѣшки не простые,
Всё скорлупки золотыя,

Ядра — чистый изумрудъ.
Слуги бѣлку берегутъ,
Служатъ ей прислугой разной —
И приставленъ дьякъ приказный
Строгій счётъ орѣхамъ весть;
Отдаётъ ей войско честь;
Изъ скорлупокъ льютъ монету,
Да пускаютъ въ ходъ по свѣту;
Дѣвки сыплютъ изумрудъ
Въ кладовыя, да подъ спудъ.
Всѣ въ томъ островѣ богаты:
Изобъ нѣтъ, вездѣ палаты.

Жалобы зайки.

Растужился, расплакался сѣренькій зайка, подъ кустикомъ сидючи; плачетъ, приговариваетъ:

„Нѣтъ на свѣтѣ доли хуже моей, сѣренькаго зайки! И кто только не точитъ зубовъ на меня? Охотники, собаки, волкъ, лиса и хищная птица; кривоносый ястребъ, пучеглазая сова; даже глупая ворона и та таскаетъ своими кривыми лапами моихъ милыхъ дѣтушекъ—сѣренькихъ зайчатъ. Отовсюду грозитъ мнѣ бѣда; а защищаться то нечѣмъ: лазить на дерево, какъ бѣлка, я немогу; рыть норъ, какъ кроликъ, не умѣю. Правда, зубки мои исправно грызутъ капустку и кору гложутъ, да укусить смѣлости не хватаетъ. Бѣгать я таки мастеръ и прыгаю не дурно; но хорошо, если придется бѣжать по ровному полю или на гору, а какъ подъ гору—то и пойдешь кувыркомъ черезъ голову: переднія ноги не доросли.

„Всё бы еще можно жить на свѣтѣ, еслибъ не трусость негодная. Заслышишь шорохъ — уши подымутся, сердчишко забьется, не взвидишь свѣта, пырскнешь изъ куста — да и угодишь прямо въ тенёта или охотнику подъ ноги.

„Охъ, плохо мнѣ, сѣренькому зайкѣ! Хитришь, по кустикамъ прячешься, по за кочками слоняешься, слѣды путаешь; а рано или поздно бѣды не миновать: и потащитъ меня кухарка на кухню за длинныя уши.

„Одно только и есть у меня утѣшеніе, что хвостикъ коротенькій: собакѣ схватить не за что. Будь у меня такой хвостище, какъ у лисицы, куда бы мнѣ съ нимъ дѣваться? Тогда бы кажется, пошелъ, и утопился.“

Сравните зайца съ кошкой.

Лиса Патрикѣевна.

У кумушки-лисы зубушки остры, рыльце тоненькое; ушки на макушкѣ, хвостикъ на отлётѣ, шубка тёпленькая.

Хорошо кума принаряжена: шерсть пушистая, золотистая; на груди жилетъ, а на шеѣ бѣлый галстучекъ.

Ходитъ лиса тихохонько, къ землѣ пригинается, будто кланяется; свой пушистый хвостъ носитъ бережно; смотритъ ласково, улыбается, зубки бѣлые показываетъ.

Роетъ норы, умница, глубокія: много входовъ въ нихъ и выходовъ; кладовыя есть, есть и спаленьки; мягкой травушкой полы выстланы.

Всѣмъ бы лисанька хороша была хозяюшка, да разбойница лиса, постница: любитъ курочекъ, любитъ уточекъ, свернётъ шею гусю жирному, не помилуетъ и кролика.

Сравните лису съ зайцемъ.

Учёный медвѣдь.

„Дѣти! дѣти! кричала няня: идите медвѣдя смотрѣть". Выбѣжали дѣти на крыльцо, а тамъ уже много народу собралось. Нижегородскій мужикъ, съ большимъ коломъ въ рукахъ, держитъ на цѣпи медвѣдя, а мальчикъ приготовился въ барабанъ бить.

— А ну-ка, Миша, говоритъ нижегородецъ, дёргая медвѣдя цѣпью: встань, подымись, съ боку на бокъ перевались, честнымъ господамъ поклонись и молодкамъ покажись.

Заревѣлъ медвѣдь, нехотя поднялся на заднія лапы, съ ноги на ногу переваливается, на право, на лѣво раскланивается.

— А ну-ка, Мишенька! продолжаетъ нижегородецъ: покажи, какъ малые ребятишки горохъ воруютъ: гдѣ сухо, на брюхѣ; а мокренько—на колѣночкахъ.

И поползъ Мишка: на брюхо припадаетъ, лапой загребаетъ, будто горохъ дёргаетъ.

—А ну-ка, Мишенька! покажи, какъ бабы на работу идутъ.

Идётъ медвѣдь, нейдётъ; назадъ оглядывается, лапой за ухомъ скребётъ.

Нѣсколько разъ медвѣдь показывалъ досаду, ревѣлъ, не хотѣлъ вставать; но желѣзное кольцо цѣпи, продѣтое въ губу, и колъ въ рукахъ хозяина заставляли бѣднаго звѣря повиноваться. Когда медвѣдь передѣлалъ всѣ свои штуки, нижегородецъ сказалъ:

—А ну-ка, Миша! тепереча съ ноги на ногу перевались, честнымъ господамъ поклонись, да не лѣнисъ, да пониже поклонись! Потѣшь господъ и за шапку берись: хлѣбъ положатъ, такъ съѣшь; а деньги, такъ ко мнѣ вернись.

И пошёлъ медвѣдь, съ шапкой въ переднихъ лапахъ, обходить зрителей. Дѣти положили гривенникъ; но имъ было жаль бѣднаго Миши: изъ губы, продѣтой кольцомъ, сочилась кровь.

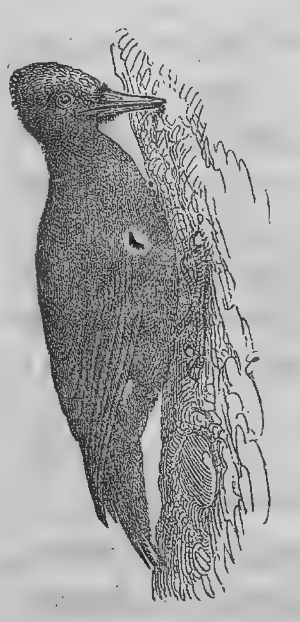
Не ладно скроенъ, да крѣпко сшитъ.

Бѣленькій, гладенькій зайчикъ сказалъ ежу: „какое у тебя, братецъ, некрасивое, колючее платье!“—„Правда,“ отвѣчалъ ежъ: „но мои колючки спасаютъ меня отъ зу-

бовъ собаки и волка: служитъ ли тебѣ также твоя хорошенькая шкурка?"—Зайчикъ, вмѣсто отвѣта, только вздохнулъ.

Дятелъ.

Тукъ-тукъ-тукъ! Въ глухомъ лѣсу на соснѣ чёрный дятелъ плотничаетъ. Лапками цѣпляется, хвостикомъ упирается, носомъ постукиваетъ — мурашей да козявокъ изъ-за коры выпугиваетъ; кругомъ ствола обѣжитъ, никого не проглядитъ. Испугалися мураши: „эти-де порядки не хороши!" Со страху корячутся, за корою прячутся — не хотятъ вонъ идти. Тукъ-тукъ-тукъ! Черный дятелъ стучитъ, носомъ кору долбитъ, длинный языкъ въ дыры запускаетъ: мурашей, словно рыбку, таскаетъ.

Сравните дятла съ орломъ и курицею.

Кукушечка.

Сѣрая кукушка — бездомная лѣнивица: гнѣзда не вьётъ, въ чужія гнѣзда яички кладётъ, своихъ кукущатъ на выкормъ отдаетъ, да ещё и подсмѣивается, передъ муженькомъ хвалится: „хи-хи-хи! ха-ха-ха! погляди-ка, муженёкъ, какъ я овсянкѣ на радость яичко снесла“. А хвостатый муженёкъ на берёзѣ сидючи, хвостъ развернулъ, крылья опустилъ, шею вытянулъ, изъ стороны въ сторону покачивается, года высчитываетъ, глупыхъ людей обсчитываетъ.

Сравните кукушку съ дятломъ.

Э х о.

Реветъ-ли звѣрь въ лѣсу глухомъ,
Трубитъ-ли рогъ, гремитъ-ли громъ,
Поютъ-ли пѣсню за холмомъ, —
На всякій звукъ
Свой откликъ въ воздухѣ пустомъ
Родишь ты вдругъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

6 августа.

Давно я не писалъ ничего въ своёмъ дневникѣ: не

до того мнѣ было цѣлое лѣто! Теперь ужъ мы не такъ много бѣгаемъ: перепадаютъ дождики и пахнетъ осенью.

Съ торжествомъ понесли мы сегодня въ церковь полное блюдо румяныхъ яблокъ, жёлтыхъ грушъ и синихъ сливъ. Мамаша и бабушка только сегодня начали ѣсть плоды; но мы давнымъ давно разрѣшили.

На поляхъ уже стоятъ ряды высокихъ копёнъ; скоро къ намъ принесутъ послѣдній снопъ и поставятъ его подъ образами. Мухи начинаютъ больно кусаться—видно лѣту конецъ.

Муха.

Не правда ли, какъ красива муха подъ увеличительнымъ стекломъ? Крылышки ея сотканы чрезвычайно искусно и отливаютъ радужными цвѣтами. На головѣ у нея два большіе глаза; но каждый глазъ состоитъ изъ множества маленькихъ глазковъ. На концѣ мохнатыхъ лапокъ клейкія подушечки, и онѣ-то помогаютъ мухѣ ползать по гладкому стеклу и по потолку.

Муха кладётъ свои яички въ сыромъ мѣстѣ, въ кучи сору. Уже на другой день изъ яичекъ выходятъ червячки (личинки); черезъ двѣ недѣли изъ червяка сдѣлается куколка, а ещё черезъ двѣ изъ куколки вый-

детъ молодая мушка. Эта мушка въ то же лѣто можетъ уже нанести яичекъ; а такъ какъ муха несётъ яйца четыре раза въ лѣто, и каждый разъ по 80 и 90 штукъ, то подумайте, сколько было бы мухъ, если бы ихъ не истребляли холода, птицы и въ особенности пауки.

Опишите муху и ея превращенія.

Красное лѣто никому не надокучило.—Лѣтній день за зимнюю недѣлю.—Лѣто—страдная пора.—Не моли лѣта долгаго, а моли теплаго.—Хорошо бы лѣто, да мухи заѣли.

Осень.

Примѣты осени.

Мелькаетъ желтый листъ на зелени деревъ; работу кончилъ серпъ на нивахъ золотистыхъ, и покраснѣлъ уже вдали коверъ луговъ, и зрѣлые плоды висятъ въ садахъ тѣнистыхъ.

Примѣты осени во всёмъ встрѣчаетъ взоръ: тамъ тянется, блестя на солнцѣ, паутина; тамъ скирдъ виднѣется; а тамъ, черезъ заборъ, кистями красными повиснула рябина; тамъ жнива колкая щетинится, а тамъ ужъ озимь яркая блеснула изумрудомъ; и курится овинъ; и долго по утрамъ, какъ бѣлый холстъ, лежитъ туманъ надъ синимъ прудомъ....

И цѣлый день скрипятъ воза; и далеко токъ отзывается подъ дружными цѣпами; и стая журавлей несётся высоко, перекликаяся порой подъ небесами.

По какимъ примѣтамъ вы узнаете осень?

Мизгирь.

(*Паукъ.*)

Было лѣто тёплое; народилось комаровъ, мухъ да мошекъ несмѣтное число; стали они людей кусать, горячую кровь пить. Провѣдалъ объ этомъ мизгирь—удалой воинъ: сталъ онъ ножками трясти, да мерёжки плести, ставить на дорожки, куда летаютъ комары да мошки. Попала къ нему муха-горюха; а мизгирь на неё наскочилъ, хочетъ её губить. Тутъ муха взмолилася: „батюшка мизгирь! не губи ты меня; послѣ меня много сиротъ безпріютныхъ останется.“ Сжалился надъ мухой мизгирь: отпустилъ её на всѣ четыре стороны.

Полетѣла муха, забубнила: „Ой, вы, мухи-горюхи, комары да мошки! Проявился мизгирь, сталъ онъ ножками трясти, мерёжки плести — всѣхъ васъ передушить хочетъ!“ Полетѣли комары и мошки, забились подъ осиновое корыто и лежатъ, словно мёртвые.

Ждалъ-ждалъ мизгирь — никто къ нему въ гости не летитъ. Отыскалъ онъ тогда таракана-усача и говоритъ: „иди, тараканъ! ударь въ барабанъ! скажи всѣмъ комарамъ да мошкамъ, что мизгиря больше въ живыхъ нѣтъ: въ городъ, молъ, его отослали и тамъ ему голову отсѣкли“.

Пошёлъ тараканъ, ударилъ въ барабанъ, подлѣзъ подъ осиновое корыто и кричитъ: „Что вы тутъ запали, словно мёртвые сидите! Вѣдь мизгиря давно въ живыхъ нѣтъ: его въ городъ услали и тамъ ему голову отсѣкли“.

Обрадовались комары да мошки; вылѣзли изъ-подъ корыта да мизгирю въ сѣти и попали. А онъ, разбойникъ, радъ гостямъ; принялся ихъ душить, да еще приговариваетъ: „Что вы очень мелки? Почаще-бы ко мнѣ въ гости бывали, моего пивца испивали“. Передушилъ всѣхъ—однѣ шкурочки остались.

Изъ огня да въ полымя.

Крестьянинъ везъ на мельницу рожь. Мѣшокъ былъ дырявый и нѣсколько зеренъ разсыпалось по дорогѣ. Голуби налетѣли кучею, но пришелъ пѣтухъ и прогналъ голубей. Голуби стали жаловаться коршуну. Коршунъ разсудилъ по своему: сначала растерзалъ пѣтуха, а потомъ передушилъ и голубей.

Полевая мышка.

Трусливый сѣренькій звѣрёкъ!
Великъ же твой испугъ: ты ногъ
Не слышишь, бѣдный, подъ собой.
Поменьше трусь!
Вѣдь я не золъ—я за тобой
Не погонюсь.

* * *

Воришка ты; но какъ же быть?
Чѣмъ сталъ бы ты, бѣдняжка, жить?
Неужто колоса не взять
Тебѣ въ запасъ,

Когда такая благодать
Въ поляхъ у насъ?

* * *

Твой бѣдный домикъ разоренъ:
Почти съ землей сравнялся онъ;
И станешь вновь искать ты мховъ
На новый домъ;
А вѣтеръ, грозенъ и суровъ,
Шумитъ кругомъ.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

1 Октября.

Покровъ — нашъ храмовой праздникъ. Сколько народу было въ церкви, и какъ всѣ веселы! Въ нынѣшнемъ году большой урожай.

У насъ въ саду вчера сняли послѣднія яблоки: только на одной рябинѣ ещё краснѣютъ ягоды и дожидаются перваго мороза.

Зелёныя рощи превратились въ разноцвѣтныя; осинка дрожитъ, вся золотая и пурпуровая; вѣтеръ обрываетъ послѣдніе листья; крылья мельницъ не перестаютъ вертѣться; мой новый змѣй летаетъ высоко; а въ сѣняхъ у насъ уже стоятъ, приготовлены, зимнія рамы.

Не сжатая полоса.

Поздная осень. Грачи улетѣли,
Лѣсъ обнажился, поля опустѣли;

* * *

Только не сжата полоска одна...
Грустную думу наводитъ она.

* * *

Кажется, шепчутъ колосья другъ другу:
«Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу,—

* * *

«Скучно склоняться до самой земли,
«Спѣлыя зёрна купая въ пыли.

* * *

«Насъ, что ни ночь, разоряютъ станицы
«Всякой пролетной, прожорливой птицы;

* * *

«Заяцъ насъ топчетъ, и буря насъ бьётъ;
«Гдѣ же нашъ пахарь—чего ещё ждётъ?»

* * *

Вѣтеръ несётъ имъ печальный отвѣтъ:
«Вашему пахарю моченьки нѣтъ.»

Осень.

Ласточки пропали,
А вчера съ зарей
Всё грачи летали
Да какъ сѣть мелькали
Вонъ надъ той горой.

Съ вечера всё спится,
На дворѣ темно;
Листъ сухой валится;
Ночью вѣтеръ злится
Да стучитъ въ окно.

Изъ дѣтскихъ воспоминаній.

Въ ноябрѣ.

Проснулись мы сегодня и видимъ, что въ комнатѣ

ужъ очень свѣтло, хоть солнышка и не видно. Бросились мы къ окну и вскрикнули отъ радости.

Блестящій пушистый снѣгъ толстымъ слоемъ покрылъ и дворъ нашъ, и заборъ, и конуру жучки, и крышу сарая. Дядя Кондратій проѣхалъ уже на дровняхъ, а Васька бѣжитъ изъ кухни и отряхиваетъ лапки.

„Зима, зима!“ кричали мы и хлопали въ ладоши; проворно одѣлись, проворно позавтракали — и скорѣе на дворъ. Костя сталъ ладить свои салазки, а я, не подумавъ хорошенько, схватилъ коньки—и къ рѣкѣ, а она, темная и синяя, течётъ среди бѣлыхъ береговъ.

Осенней озими въ закромы не кладутъ.—Корми меня въ весну, а въ осень я самъ сытъ буду. — Въ осень и у воробья пиво.—Осень-то матка: кисель да блины; а весною-то гладко: сиди да гляди.

Волшебница зима.

Пришла волшебница зима!
Пришла, разсыпалась; клоками
Повисла на сукахъ деревъ;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокругъ холмовъ;
Брега съ недвижною рѣкой
Сравняла пухлой пеленой;
Блеснулъ морозъ—и рады мы
Проказамъ матушки зимы.
Опрятнѣй моднаго паркета,
Блистаетъ рѣчка льдомъ одѣта;
Мальчишекъ радостный народъ
Коньками звучно рѣжетъ лёдъ;
Мелькаетъ, вьётся первый снѣгъ,
Звѣздами падая на брегъ.

—⟡—

ОТДѢЛЪ III.

ОБРАЗЦЫ УПРАЖНЕНІЙ.

№ 1. *Мыло сѣро, да моетъ бѣло. — Бѣла береста, да деготь черенъ.—И красно, и пестро; да линюче.*

Цвѣта предметовъ. Что бываетъ бѣлаго цвѣта? чернаго? зеленаго? желтаго? синяго? голубаго? краснаго? сѣраго? Какого цвѣта бываютъ глаза у людей? Какого волосы? Какого цвѣта бываетъ шерсть у лошадей? Какіе цвѣтки синіе? Какіе—желтые? розовые? бѣлые?

№ 2. *Денежки круглы: день и ночь катятся. — Остеръ топоръ, да и сукъ зубастъ.—Горбатаго къ стѣнѣ не приставишь.—Малъ, да коноплянникъ; велика, да моховина.*

Форма предметовъ. Что бываетъ кругло и что плоско? что длинно и что коротко? что толсто и что тонко? что прямо и что криво? что велико и что мало? что гладко и что шереховато? что остро и что тупо?

№ 3. *Есть—словцо, какъ медъ сладко; нѣтъ—словцо, какъ полынь горько.—Сладкимъ портятъ, а горькимъ лечатъ.—Камзолы зелены, а щи не солены.—На вкусъ, на цвѣтъ мастера нѣтъ.*

Плотность, тяжесть, вкусъ. Что бываетъ жидко? густо? твердо? мягко? черство? хрупко? упруго? ломко? тяжело? легко? Что кисло? сладко? горько? солоно? прѣсно?

№ 4. Линейка пряма, а серпъ..? Хорошая бумага гладка, а дурная..? Воскъ мягокъ, а желѣзо..? Свинецъ тяжелъ, а пухъ..? Щавель киселъ, а полынь..? Сталь упруга, а стекло?..

Трава зеленаго цвѣта, а небо..? Золото желто, а серебро..? Молоко бѣло, а чернила..?

№ 5. *Яблоки бываютъ*: (по формѣ) круглыя или продолговатыя; (по цвѣту) желтыя, зеленыя, красныя, розовыя; (по плотности) твердыя, мягкія, разсыпчатыя; (по вкусу) кислыя, сладкія, кисло-сладкія.

Какова *груша*: по формѣ? по цвѣту? по плотности?

Какова *вишня*: по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Какова *морковь*: по формѣ? по цвѣту? по вкусу?

Каковъ *серебряный рубль*: по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

Каковъ *мѣдный пятакъ*: по формѣ? по цвѣту? по плотности? по тяжести?

№ 6. Безрукій клѣть обокралъ, голому за пазуху наклалъ, слѣпой подглядывалъ, глухой подслушивалъ, нѣмой караулъ закричалъ, безногій въ погонь погналъ.—За правое дѣло стой смѣло! — Ерема въ воду, Ѳома ко дну: оба упрямы—со дна не бывали.

Люди бываютъ: высокіе и приземистые, худощавые и полные, стройные и горбатые, сильные и слабые, больные и здоровые, молодые и старые, зоркіе и близорукіе, бѣдные и богатые.

Люди должны быть: добры, справедливы, честны, прилежны, ласковы, учтивы, сострадательны, терпѣливы, бережливы, щедры, правдивы, смѣлы, уступчивы, скромны.

Люди не должны быть: злыми, лживыми, гордыми, сварливыми, мстительными, жадными, скупыми, упрямыми, трусливыми.

№ 7. *Противоположныя качества*: Ваня прилеженъ, а Митя лѣнивъ. Лиза послушна, а Соня..? Костя смѣлъ а Петя..? Ваня и Митя добры, а Соня и Гриша..? Не должно

быть скрытнымъ, но..? Пусть богатый дѣлится съ... съ кѣмъ?)? Молодые люди должны уважать... (кого?)? Не должно быть расточительнымъ, но..? Не должно быть скупымъ, но..? Не должно быть упрямымъ, но..? Не должно быть грубымъ, но..? Не должно быть трусливымъ, но..?

№ 8. *Толкуй про еловый, а сосновый крѣпче.—Не тужи, наживемъ ременны гужи.*

Какую посуду дѣлаютъ изъ дерева? Изъ дерева дѣлаютъ *деревянную* посуду. Какую посуду дѣлаютъ изъ мѣди? изъ чугуна? изъ глины? Какую монету чеканятъ изъ золота? изъ серебра? изъ мѣди? Какое платье шьютъ изъ сукна? Какія веревки вьютъ изъ пеньки? Какіе вѣнки вьютъ изъ цвѣтовъ? Какія въ окнѣ рамы и какія оконницы?

№ 9. *Шуба овечья, да душа человѣчья. — Человѣческому дѣлу не до вѣку стоять. — Сегоднешній работы на завтра не откладывай. — Лисій хвостъ, да волчій ротъ. — Гречневая каша сама себя хвалитъ.*

Гнѣздо птицы, или *птичье* гнѣздо. Хвостъ лошади, или лошадиный хвостъ. Лапа медвѣдя, или..? Крыло вороны, или..? Хвостъ лисицы, или..? Книги дѣтей, или..? Грива коня, или..? Пѣнье соловья, или..? Дѣло человѣка, или..? Вѣрность собаки, или..? Мѣхъ куницы, или..? Площадь города, или..? Звонъ колокола, или..? Лапка лягушки, или..? Рыба изъ Волги, или..? Салопъ изъ мѣха лисицы, или..?

№ 10. *Меньше говори, да больше слушай.—Держись сохи плотнѣе, будетъ прибыльнѣе.—Скупой богачъ бѣднѣе нищаго.—Правда свѣтлѣе солнца.—Худое колесо громче скрипитъ.*

Желѣзо тяжело, но свинецъ еще тяжелѣе. Лошадь высока, но верблюдъ еще выше. Бѣлка хитра, но лисица еще..? Серебро дорого, но золото еще..? Мѣдь тверда, но желѣзо..? Нитки тонки, но волосъ..? Веревка толста, а канатъ..? Сос-

на крѣпка, а дубъ..? Груша сладка, а медъ..? Муха мала, а бритва..? мѣсяцъ свѣтитъ ярко, а солнце..? Сосна горитъ жарко, а береза..? Молоко жидко, а вода..? Ножъ остеръ, а мошка..? Рѣка глубока, а море..? Церковь наша высока, а колокольня..?

№ 11. *Что дѣлается утромъ?* Солнце всходитъ. Становится свѣтло. Птицы просыпаются и поютъ, летаютъ, ищутъ корма и вьютъ гнѣзда. Крестьяне встаютъ, одѣваются, молятся Богу, завтракаютъ и идутъ на работу. Хозяйки топятъ печи и начинаютъ стряпать обѣдъ. Дѣти берутъ свои книги и отправляются въ школу.

Что дѣлалось вчера утромъ? Что будетъ дѣлаться завтра утромъ?

№ 12. *Что дѣлалось вчера вечеромъ?* Сонце садилось. Птички замолкали и прятались въ гнѣзда. Стада возвращались въ село. Крестьяне переставали работать и шли домой. Дѣти ложились спать.

Что дѣлается сегодня вечеромъ? Что будетъ дѣлаться завтра вечеромъ?

№ 13. *Весна теперь.* Снѣгъ таетъ. Рѣки вскрываются. Новая трава показывается. Скотъ выгоняютъ въ поле. Крестьяне прячутъ сани и ладятъ телѣги.

Что дѣлалось весной въ прошедшемъ году? Что будетъ дѣлаться въ будущемъ году?

№ 14. *Что дѣлалось прошедшее лѣто?* Дни были длинные и жаркіе. На поляхъ созрѣвалъ хлѣбъ. Крестьяне косили и жали. Дѣти бѣгали въ лѣсъ за ягодами.

Что дѣлается нынѣшнимъ лѣтомъ? Что будетъ дѣлаться будущимъ лѣтомъ?

№ 15. *Будущая осень.* Настанетъ осень. Дни будутъ коротки, ночи долги и темны. Пойдутъ дожди и начнутся замо-

розки. Крестьяне станутъ молотить хлѣбъ, крестьянки прясть пряжу. Въ домахъ будутъ вставлять зимнія рамы. Начнутъ топить печи.

Настоящая осень? Прошедшая осень?

№ 17. *Зима теперь.* Настаетъ зима. Начинаются морозы. Земля покрывается снѣгомъ, а рѣки льдомъ. Люди надѣваютъ шубы и тулупы. Ложится санный путь. Обозы тянутся по дорогамъ. Мальчики катаются по льду.

Прошедшая зима? Будущая зима?

№ 17. Къ доброму мостись, а отъ худа пяться!—Куй желѣзо, пока горячо! — Упалъ — такъ цалуй мать-сыру землю, да становись на ноги! — Любишь кататься — люби и саночки возить! — Ходи — не шатайся! ѣшь — не объѣдайся! стой — не качайся.

Не лѣнись, а трудись! Днемъ работай, а ночью..? Свое береги, а чужаго..? Гулять гуляйте, а дѣла..? Раньше вставайте, руки и лицо мойте..? волоса..? платье..? Богу..? уроки..?

Что приказано въ пятой заповѣди? что въ третьей? что въ шестой?

№ 18. Дѣвочка бѣгаетъ по полю, рветъ цвѣты и ловитъ бабочекъ.

Я бѣгаю по полю..? Ты бѣгаешь по полю..? Онъ бѣгаетъ по полю..? Мы съ братомъ бѣгаемъ по полю..? Вы съ сестрой бѣгаете по полю..? Братъ и сестра бѣгаютъ по полю..?

№ 19. *Ѣхалъ, да не доѣхалъ; еще поѣдемъ, авось доѣдемъ.*
— *Учился читать да писать, а выучился пѣть да плясать.*
— *За него грошъ дать—не додать, а два дать—передать.*
— *Умѣй шутить—умѣй и отшучиваться.*

Ваня шелъ, да не дошелъ. Птицы садились на крышу, да не сѣли. Воробей вилъ гнѣздо, да не..? Крестьянинъ рубилъ дерево, да не..? Я хотѣлъ крикнуть, да не..? Я подымалъ ка-

мень, да не..? Птица падала, да не..? Онъ давалъ мнѣ яблоко, да не..? Я зажигалъ свѣчу, да не..?

№ 20. *Люди хвалятъ — не захвалятъ; люди хулятъ — не захулятъ; вѣтры вѣютъ — не развѣютъ; солнце сушитъ — не засушитъ; дожди мочатъ — не размочатъ. — Ждали обозу, а дождались навозу. — Авосъкалъ, авосъкалъ — да и доавосъкался.*

Я рвалъ веревку, да не..? Кошка ловила мышь, да не..? Мы запирали двери, да не..? Мальчикъ лѣзъ на яблоню, да не..? Ваня училъ урокъ, да не..?

№ 21. *Высокая гора.* Видна из далека высокая гора. — Камни часто валятся (съ чего?)..? Мы подходимъ (къ чему?)..? Трудно взойти (на что?)..? Опасно жить (подъ чѣмъ?)..? Весело стоять (на чемъ?)..?

У насъ на Кавказѣ *высокія горы.* Снѣгъ часто валится (съ чего?)..? Облака часто сходятся (куда? къ чему?)..? Трудно переѣзжать (черезъ что?)..? Глубокія долины лежатъ (между чѣмъ?)..? Снѣгъ и ледъ лежатъ и зиму, и лѣто (на чемъ? гдѣ?)..?

№ 22. *Добрый человѣкъ.* Не помнитъ зла (кто?)..? Худо тому мѣсту, гдѣ нѣтъ (кого?)..? Поклонись въ поясъ (кому?)..? Поминай добромъ (кого?)..? Хорошо имѣть дѣло (съ кѣмъ?)..? Вспоминай чаще (о комъ?)..?

Добрые люди. Вездѣ нужны (кто?)..? На свѣтѣ не (безъ кого?)..? Дай Богъ здоровья (кому?)..? Ищи со свѣчой (кого?)..? Свѣтъ держится (кѣмъ?)..? Пріятно говорить (о комъ?)..?

№ 23. *Послушныя и прилежныя дѣти.* Родителямъ на утѣшеніе и людямъ на пользу растутъ (кто?)..? Худо той школѣ, гдѣ мало (кого?)..? Богъ даетъ разумъ (кому?)..? Всѣ любятъ (кого?)..? Пріятно толковать (съ кѣмъ?)..? Весело говорить (о комъ?)..?

№ 24. *Свои два глаза.* Дороже алмаза (что?)..? Я не отдамъ ни за что (чего?)..? Трудно не вѣрить (чему?)..? Береги

пуще всего (что?)..? Мы видимъ и небо, и землю (чѣмъ?)..? Кто-жъ не заботится (о чемъ?)..?

№ 25. *Пять пальцевъ.* На рукѣ (что?)..? Плохо пришлось бы человѣку (безъ чего?)..? Тепло въ рукавицѣ (чему?)..? Плотникъ отрубилъ себѣ (что?)..? Многое можно сдѣлать (чѣмъ?)..? Не мало искуства (въ чемъ?)..?

№ 26. *Пахалъ.* (Кто?) *Крестьянинъ* пахалъ. (Что?) Крестьянинъ пахалъ *поле.* (Чѣмъ?) Крестьянинъ пахалъ поле *сохою.* (Гдѣ?) *За нашимъ садомъ* крестьянинъ пахалъ поле сохою. (Когда?) *Вчера* за нашимъ садомъ крестьянинъ пахалъ поле сохою. (Какъ?) Вчера за нашимъ садомъ крестьянинъ пахалъ поле сохою *очень усердно.*

Копалъ. Кто? что? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

Рубилъ. Кто? что? когда? гдѣ? чѣмъ? какъ?

Писалъ. Кто? что? когда? чѣмъ? кому письмо?

№ 27. *Лошадь бѣжала.* Какая? когда? куда? гдѣ? какъ?

Канарейка улетѣла. Какая? откуда? куда? когда?

Дѣвочки рвали цвѣты. Гдѣ? когда? какіе? для кого?

Собирали грибы. Кто? гдѣ? когда? во что?

Жали. Кто? гдѣ? когда? чѣмъ? какъ?

№ 28. *Яблоко упало.* Какое? когда? гдѣ? съ чего? на что?

Учитель похвалилъ дѣтей. Когда? гдѣ? какихъ? за что?

Упалъ и ушибся. Кто? гдѣ? когда? съ чего? обо что? какъ?

Ѣхалъ на лошади. Кто? гдѣ? когда? куда? откуда? на какой лошади? какъ?

№ 29. *Шьетъ сюртукъ.* Кто? гдѣ? кому? изъ чего? чѣмъ?

Сапожникъ шьетъ. Что? гдѣ? чѣмъ? изъ чего? для кого?

Каменщики строятъ. Что? гдѣ? изъ чего? какъ? *).

---

*) Всѣ эти упражненія №№ 26, 27, 28 и 29 слѣдуетъ передѣлать по различнымъ числамъ и временамъ: изъ прошедшаго въ настоящее, изъ настоящаго въ будущее, изъ единственнаго во множественное и на оборотъ.

№ 30. *Столъ.* Что такое столъ? Кто дѣлаетъ столы и изъ чего? Что внизу стола? Что вверху стола? Что кладутъ на столахъ?

№ 31. *Перочинный ножикъ.* Что такое перочинный ножикъ? Изъ чего дѣлаютъ лезвее перочиннаго ножика? Изъ чего дѣлается черенокъ? Гдѣ дѣлаются перочинные ножики? Что дѣлаютъ перочинными ножиками?

№ 32. *Домъ.* Что такое домъ? Изъ чего строятся дома? Кто и изъ чего строитъ деревянные дома? Кто и изъ чего строитъ каменные дома? Что у дома сверху? Что съ боковъ? Что снизу? Что продѣлываютъ въ стѣнахъ дома?

№ 33. *Хлѣбъ.* Кто и изъ чего дѣлаетъ хлѣбъ? Изъ чего дѣлается тѣсто? Кто, гдѣ и изъ чего дѣлаетъ муку? Гдѣ и когда созрѣваютъ хлѣбныя зерна? Кто, гдѣ и когда сѣетъ хлѣбныя зерна? Кто и чѣмъ обработываетъ поле? Что нужно для роста хлѣба?

№ 34. Напишите также о стулѣ; о грифельной доскѣ; о классной доскѣ; о томъ, что дѣлается въ классѣ; о томъ, что дѣлается дома и т. п. (Поставьте сначала вопросы, а потомъ напишите отвѣты на нихъ).

№ 35. Напишите такъ же о кошкѣ, о собакѣ, о лошадкѣ, о коровкѣ, объ уточкѣ, опишите садъ, огородъ, вашъ домъ и т. п.

№ 36. Напишите о воробьѣ, о канарейкѣ. Напишите, что вы дѣлали сегодня въ классѣ. Напишите, что думаете дѣлать завтра. Напишите, что вы дѣлали прошлое лѣто. Напишите товарищу, какъ вы провели Свѣтлый праздникъ, какъ провели Рождество. Напишите отцу, чѣмъ вы занимаетесь въ классѣ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРАГО ГОДА

РОДНАГО СЛОВА *).

ОТДѢЛЪ I.

Вокругъ да около.

Въ школѣ и дома.

*) Всѣ неподписанныя въ оглавленіи статейки принадлежатъ составителю, который покорнѣйше проситъ не перепечатывать ихъ въ изданія, имѣющія одно назначеніе съ «Роднымъ Словомъ». Народныя сказки также всѣ передѣланы составителемъ.

Комнатныя животныя.

Конюшня, скотный дворъ и птичникъ.

Огородъ и садъ.

На улицѣ и на дорогѣ.

ОТДѢЛЪ II.

Времена года.

Зима.

Весна.

Лѣто.

Осень.

ОТДѢЛЪ III.

Образцы упражненій

